

СУРА

ЖУРНАЛ СОВРЕМЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ, КУЛЬТУРЫ И ОБЩЕСТВЕННОЙ МЫСЛИ

1 (125)

ЯНВАРЬ - ФЕВРАЛЬ

*Литература — лучшее, что есть у человечества.
Поэзия — это сердце литературы, высшая концентрация
всего лучшего, что есть в мире и в человеке.
Это единственная пища для души.*

Людмила Улицкая

В НОМЕРЕ:

ПОЭЗИЯ И ПРОЗА

Елена БАРИНОВА. По дороге в Пензу. Стихи	3
Василий ШВАРЁВ. «Камешек цветной...». Повесть	9
Татьяна КАДНИКОВА. На расстоянии вытянутой руки. Стихи	82
Иван ТЕРТЫЧНЫЙ. Сквозняк. Рассказ	87
Вероника СУРНЯЕВА. Разомкнутый круг. Стихи	92
Валериан АЛЕКСАНДРОВ. «По-чёрному». Рассказ	97
Анна БОНАРРИГО, Мария Грация ДЖЕНОВЕЗЕ. Всмотревшись в бездну. Стихи. Перевод с итальянского Ф. Самарина	105
Илья ЦАРЁВ. Находка. Рассказы	108
Виктор ТЕРЕНТЬЕВ. Бриллианты над Парижем. Рассказ	113

К 70-ЛЕТИЮ ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЫ

Валерий СУХОВ. Пензенские поэты о Великой Отечественной войне	125
В. ПОЛЯКОВ, В. МАЛЯЗЁВ, Я. МАРКОВИЧ, В. РОГОЖКИН, В. КЕЙЛЬ, А. ДАВЫДОВ. Стихи о войне	130
Павел ГУСЕВ. Последний герой. Рассказ	135

ПОД ЛЕРМОНТОВСКОЙ ЗВЕЗДОЙ

Марина КУДИМОВА. Три эссе о Михаиле Лермонтове	142
--	-----

ПАМЯТЬ

Ибрагим ГУРКИН, Павел ФЕЛЬДМАН. Муса Акъегет — «отец татарского романа». К 150-летию со дня рождения	163
Надежда ГАВРИЛЕНКО. Письма Тихона Сёмушкина	177

КРИТИКА. РЕЦЕНЗИИ. ОБЗОРЫ

Татьяна КОЗИНА. Возвращаясь к духовным истокам... О новой книге Г.Е. Горланова	186
Вера ДОРОШИНА. Поющие форели. О новой книге стихов молодых пензенских поэтов	189
Николай БУЯНОВ. Возврат к себе. О книге рассказов Т. Сычёвой	192
Елена ЧЕБАЛИНА. Знакомая незнакомка. О поэзии Н. Шеменковой	194

ДЕБЮТ

Людмила ЗАХАРОВА. Выдувальщик. Стихи	196
--	-----

ЧИТАЕМ ВСЕЙ СЕМЬЕЙ

Владимир ЮРАКОВ. Лекарство от скуки. Стихи для детей	202
--	-----

КЛУБ «ПОЮЩИЕ ПОЭТЫ»

Песни Елены ЧЕБАЛИНОЙ	210
Об авторах	217

Елена БАРИНОВА

**ПО ДОРОГЕ
В ПЕНЗУ**

Стихи

* * *

Теперь уже можно, плачь,
Уткнувшись в мое плечо.
Как маленький мальчик, плачь
Потерянно и горячо.
Или с гордыней своей
Живи, но живи один —
Верней, умирай и не смей
Звонить мне и не приходи.
Пусть тают льдинки обид,
Будь слабым, локти кусай,
Будь нежным, забыв про стыд,
Плачь, мальчик, и воскресай!

* * *

Там, где имя твоё — плеск воды,
А моё — тихий шелест песка,
Ты не спросишь уже: «Кто ты?» —
Засыпая в объятьях скал.

Там закончатся все слова.
Я усну и увижу сон.
И беззвучно качнется трава,
Прорастая сквозь небосклон.

И погаснет закатный свет,
И растает дневной мираж.
Это мой персональный бред.
Он ничем не абсурдней, чем ваш.

* * *

Что там меж нами было?
Кто разберёт? Кто вспомнит?
Роза ветров остыла,
Осыпалась пылью среди комнат

В богом забытых трущобах —
Им-то какое дело
До прошлого? Им ещё бы
Один пережить понедельник

И дотянуть до зарплаты
В день Судный, а там — воскресенье.
Они до рожденья распяты
Меж светом и собственной тенью.

О чём они спорили? Кто там
Решил: кто тут раб, кто хозяин?
Родительская суббота.
Поминки. Авель и Каин.

* * *

А времена — всегда не те,
И обстоятельства, кстати, тоже.
Доводит борьба гениальных идей
Имеющих нервы до дрожи.

Когда полнолуние входит во вкус
И требует: хлеба и крови! —
Так просто забыть это имя — Иисус —
И отказать ему в крове.

Он «честность и честь» начертал на щите.
И вот сквозь забавный скрежет
Ему говоришь: времена — не те,
А вот персонажи — всё те же.

* * *

Падать с небес на землю
Больно должно быть, милый?
Ангелы на небе дремлют
В обнимку с нечистой силой.

Память тасует факты
И ворошит аргументы.
Ей, древней старухе, как-то
Не важно, где ты и с кем ты.

Тихо и складно мурлыча
В поисках соли и перца,
Сжимаю в когтях добычу —
Твое драгоценное сердце.

Растут у ангелов рожки
С каждой утекшей ночью.
Льва принимать за кошку
Неосмотрительно. Очень.

* * *

Когда обида схлынет, как волна,
И унесёт с собой останки жалких хижин,
Откроется прекрасная страна
Тому, кто выжил.

Не сразу, нет. Сначала ты один
Меж с корнем вырванных деревьев и растений
И сердцу твоему родных руин
Пройдёшь дорогою прощаний и прощений.

Сначала ты в хохочущую грязь
Зароешь все бесценные потери,
Чтоб, счётчик обнулив, с нулём смирясь,
Учиться новой жизни в новой эре.

* * *

Эй, выбирай всё что хочешь, только плати!
Деньги? О чём ты, милый? Ведь Бог — не дурак,
Хоть и не прочь со смертными пошутить
Под настроенье, но золото — это так...

Так, для отвода глаз. Он возьмёт своё
Позже. Тогда и узнаешь, что и почём.
Ты же не веришь в сказки? Душа — враньё?
Только когда из глаз потечёт... да ничё, ничё...

Незачем слушать тебе сумасшедший бред
Впавшего в детство или в маразм старика.
Страсти своей забирай вожаденный предмет
И уходи. Уходи, тебе рано пока!

Что он там выбрал? Мелочь какую-нибудь...
Славу? Машину? Девчонки влюблённый взгляд?
Глупый! Чем выше цена, тем короче путь —
Путь по наклонной, но либо в рай, либо в ад.

Солнце садится... И только тебе, Вечный жид,
Нет покоя. Торговля — дела, дела...
Что ты там выбрал? Не верю! Душа дрожит...
Вечную жизнь, говоришь? Значит — смена пришла.

* * *

Преодолев себя, перерости
Свою иссушенную солнцем кожу —
Мне снова голос слышится: прости,
Но в эту полночь вновь тебя я брошу.

И тень моя, лежавшая у ног,
Подобно чародею из Магриба
На перекрёстке тысячи дорог
Поднявшись, предлагает: мы могли бы...

Возможно всё, покуда автор спит
И, разогнув натруженную спину,

Ещё Сизиф не видит, как летит
Его проклятье в сонную долину.

Покуда черный кофе с коньяком
Ещё дымится в чашке, остывая,
Душа глядит испуганно кругом,
Привычный мир уже не узнавая.

Всего один глоток свободы злой,
Когда возможно всё и никого нет рядом.
И ты болтаешься меж небом и землёй,
За вечное перо цепляясь взглядом.

* * *

Ах, бедняжечка Авель!
Что ж ты наделал, глупый!
Каин — не флейта. Кто вправе
играть неумело и грубо?
Он — дурачок, с каждой тварью
нянчится, землю пашет...
От алтаря веет гарью:
Кто хитрее — тот старше!
Кто хитрее — тот пастырь!
А остальные — в стадо!
Что же ты, языкастый,
сделал со старшим братом?
За Богом — не заржавеет,
он своё ещё скажет.
Чувствуешь: гарью веет?
Сам себя каждый накажет...

* * *

Оставь в покое прошлое своё —
пусть Бог хранит его в библиотеке
на полке, где поросшие быльём
тома, тома... где римляне и греки
застыли, будто мухи в янтаре, —
не вырваться! Ведь даже смерть — не выход,
а только смена дат в календаре.
Прислушайся и ужаснись — как тихо! —
кладбищенскою этой тишиной,
в которой вдруг неожиданно где-то рядом
звук голоса живого... за стеной
рассказывает сказки Шахразада...

ЖЕНЩИНА

Бог её сочинял вдогонку,
из того, что нашлось под рукой, —
обскутился в раю мальчонка,
исходя от безделья тоской.
Рецептуры не соблюдая,
сыпанул второпях, на глазок...
И, закончив, вздохнул: «Ах, какая!»
Повторить бы шедевр! Но не смог...

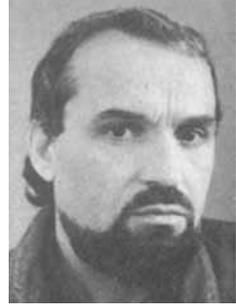
Что за ингредиент неизвестный —
всё гадал — я вложил в этих баб?
Отче, ты не заметил, как в тесто
капля пота упала со лба...

* * *

По дороге на Пензу,
где леса да болота,
бродит в сумерках Эльза,
кличет в небе кого-то,
что-то шепчет сквозь слёзы
и глядит в поднебесье...
Стая птиц безголосых
промелькнёт и исчезнет.
— Мне не больно, не больно
рвать крапиву упрямо,
пока есть колокольня,
где покоится мама!
Молоком мать поила.
Злая мачеха — бражкой.
Я сплела, я нашла
из крапивы рубашки...
Вы куда улетаєте,
мальчики, мальчики?
Им без разницы, право,
лишь бы дальше от мачехи...

Василий ШВАРЁВ

**«КАМЕШЕК
ЦВЕТНОЙ...»**

Повесть

I

ОСТРОВ

Иван проснулся на рассвете. «Опять!» — обречённо и одновременно с тоской и злостью подумалось ему, когда ощутил на лице слёзы. Ему приснилась Она. Тяжко, больно ныла душа. Как наяву, он видел их идущими по песчаному берегу моря. Она что-то говорила, смеялась, отбрасывая волосы со лба... А он смотрел на Неё и даже во сне пытался намертво запомнить Её черты, глаза и всю Её! Вдруг Она бросилась в воду и поплыла, он — следом за Ней. Плыл быстро, но Она все дальше удалялась от него. Иван бешено работал руками-ногами, стремясь настичь, не потерять Её...

Иван рывком поднялся с кровати. Ломил от боли затылок, в глазах и в памяти ещё мелькали обрывки сна... Вышел из дома. Шумел прибой, где-то протяжно прогудел катер. Береговая линия — там, где находился город, — еле виднелась в утренней сизой дали. Город спал. Оттуда не доносилось ни звука. Эту северную сторону острова, обращенную к городу, Иван не любил. И вначале шагом, затем бегом направился по тропинке на южный берег, за которым расстиралось безбрежное и одинокое — пока — море.

В поперечине остров был два километра протяженностью. Это расстояние он обычно преодолевал минут за двадцать. Сегодняшним утром Иван пробежал в два раза быстрее. И Её, и весь сон запретил себе вспоминать — как прекращают общение с опасным человеком. Он научился это делать. Остров и море помогли ему забыть Её.

С разбегу кинулся в море. Одежды на нём не было: на острове он жил один и спать привык нагим. И всегдашнюю свою пробежку совершал обнаженным. Иногда ему казалось, а временами и думалось, что он один не только на острове, но и на Земле. И рождались внутри него особые первобытные чувства и ощущения, обострялись

слух, обоняние. Часто останавливался: дорогу впереди пересекал муравей или гусеница. Он опускался на колени и, точно дикий зверь, нюхал землю, траву, наблюдал за жизнью разных крошечных существ. Он старался быть похожим на них, хотел жить среди них. Подражая им, полз, издавал звуки, что и они, или замирал, словно думал услышать от них какую-то весть или призыв.

Он вживался в их среду обитания, рождался с ними. И трава вдруг стремительно вырастала выше человека, а деревья, в восточной части острова, поднимались до облаков, заслоняя солнце. Иван ложился на спину и долго-долго всматривался в высокую траву, в гигантские деревья, вслушивался в звуки, рожденные этим великим Миром. Кто-то полз по его телу, иногда он чувствовал укусы и всему радовался. «Наверное, это и есть рай», — думал Иван.

Правда, этот рай и его одиночество нередко нарушали люди.

Иван плавал до тех пор, пока не онемели мышцы рук. Воздух ещё был свеж и прохладен. Чтобы согреться, он побежал к озеру.

Показалось солнце. Пробуждаясь, все оживилось: послышались свист и пение птиц, яркие блики от солнца, играя, помчались по волнам. Со стороны города донесся неясный шум, гудки машин... Наперегонки с бегущими по воде бликами летели в чисто умытом небе чайки. Иван на бегу, подражая им, широко размахнул руки в стороны и качал ими, будто крыльями. Он ощущал сейчас в теле необычайную легкость. На короткое мгновение он поверил в то, что может летать, как все вольные птицы. Ведь он из их породы. Стоит лишь посильнее разбежаться... Вместо взлета Иван споткнулся и упал. Засмеялся над самим собой, подумалось: «А хорошо же!.. Чувствовать в своем теле каждую мышцу, каждую жилочку. И как сердце мощно хлыщется о ребра и, вскипая, бежит по венам кровь...»

По форме озеро напоминало остроконечную лодку. С трех сторон его обступали деревья, ветками почти до половины закрывая воду.

«Откуда оно здесь появилось?» — опять подумал Иван, как и в первую встречу с озером.

Он нырнул в кристально-чистую толщу воды. Окунулся и тотчас вылез на западный и единственно свободный берег озера. Вылез тихо, осторожно. Странно, но ужа на песчаном берегу не было. Иван каждое утро «встречался» с ним у озера. Часто засыпал на теплом песке, а под боком или на груди мостился уж и охранял его. Но до таких отношений они длительное время привыкали, познавали друг друга...

Не спеша Иван шел к своему дому. Именно к своему. Несколько лет назад, когда его привезли на остров, тут находился один большой — хозяйский — дом. Вначале Иван жил в нем.

Однако просторные комнаты хозяйского дома были неудобными для него. Шаги отзывались эхом, будто кто еще шагал в других залах. И возникало ощущение, точно кто-то следит за ним, живя неприметно рядом. Тогда-то и задумал Иван построить свой дом. На свои деньги. Не сразу это его решение было

одобрено и принято. В конце концов согласие было получено. Стройка дома шла несколько месяцев. Пришлось нанимать рабочих, чтобы ускорить ход стройки. Но вскоре Иван их выгнал: нестерпимо было смотреть на их ленивую и небрежную работу, как, подвыпив под вечер, купались, матерясь и баламутя хрустальную воду озера.

Иван сам взялся за дело. С любовью строил, прилаживал кирпичик к кирпичику, доску к досочке. Не хватало денег. Было очень затратно нанимать катер, доставляя необходимые материалы с «материка», из города на остров. Пришлось Ивану и поголодать. Ловил рыбу, ел дикий виноград, яблоки. Тем и спасался. Конечно, он мог занять денег у того же Филатова — начальника охраны хозяина, а может, и у хозяина, но хотелось Ивану построить дом только на свои кровные. И он построил. В доме была кухня и две небольшие комнаты, а под ними — большой подвал, где стоял старый диван и стол. В макушку лета на остров приходила жара. Иван в самый зной спускался в подвал, выпивал виноградный сок или вино и лежал в холодке на диване. Спустя время хорошо это вспоминать. Но сколько намытарился Иван, прежде чем построил дом! Иногда, намучившись работой, он не мог добрести до озера и помыться. Засыпал там, где работал. Однажды сорвался со стропил и упал. Сильно ударился плечом. С месяц отлёживался. Нередко допускал ошибки, и приходилось переделывать заново. Многое давалось трудом и потом. Но недаром мать звала его настырным и упрямым. Все трудности были преодолены. Построенный дом стал для Ивана близким, родным. В нем он наконец начал хорошо спать, преодолев бессонницу. Но в первые дни все же просыпался по утрам с мокрой от слез подушкой: Она приходила во снах. Днем — за работой, за малыми радостями и горестями — он забывался, Её вроде и не было, но ночью он не умел контролировать душу, мозг...

Иван встряхнул головой, освобождаясь от воспоминаний, жалящих сердце.

Легкий ветер гладил ему плечи, лохматил волосы на голове и летел дальше — к городу. Рыжее, веснушчатое и не совсем еще выпавшееся солнце лениво и медленно карабкалось по синим ступеням неба. Четче и рельефнее из сиренево-сизой изволоки начали проступать контуры многоэтажек города, отдельные дома. Окна и крыши вспыхивали от солнечных лучей ослепляющим огнем, светились желтыми и розовыми мазками на синей холстине неба.

Донесся шум работающего мотора. Неподалеку от острова появилась лодка с двумя парнями и девушкой. Они крикнули что-то забористо-едкое Ивану. Девушка звонко рассмеялась. И её смех, подбрасываемый волнами и ветром, докатился до него. Смех и смачные слова были безразличны ему: как будто не видели голых мужиков! Он зорко наблюдал за ними, хотя издалека виднелся текст на щите около хозяйского дома, извещавший, что остров — частная собственность, посещать его запрещается, но иным людям было наплевать на это и на Ивана тоже.

Лодка сделала крутой разворот и поплыла вдоль острова. Почти вплотную к береговой линии, явно дразня его.

Иван не шелохнулся, терпеливо ждал...

Один из парней опять крикнул что-то похабное, и все трое снова засмеялись. На большее, видимо, они были не способны и повернули лодку к городу.

У крыльца дома стояла белая фарфоровая чашка, а около нее недовольно топтался еж.

— Привет, — сказал ему Иван.

Еж, глядя подслеповатыми глазками, фыркнул.

Из погреба Иван принес молоко и налил в чашку. Присел на ступени, наблюдая, как ловко еж справляется с молоком. Еще Иван знал, что где-то поблизости прячется уж. И как только еж насытится, тот появится у чашки. С ежом он не очень-то дружил...

Через полчаса Иван уже находился у лодки, устанавливая мотор. На нем свободно сидели светло-серые брюки и белая рубашка, на ногах — легкие плетеные сандалии.

Раньше он плавал в город на весельной лодке. Но поездка на ней требовала много времени. Остров и дома оставались без присмотра. И как-то, вернувшись из города, он обнаружил на острове пятерых подвыпивших парней. В большой дом проникнуть они не смогли — там были надежные стальные двери, а на окнах решетки, но стекла побили. А главная беда была в том, что они убили Динку. Верную и преданнейшую Динку! Простую дворнягу. Для них — простую. Но для Ивана она была настоящим другом. Он ее щенком привез из города, выкормил, вырастил. Вся ее короткая жизнь на острове прошла на его глазах. Она повсюду сопровождала Ивана и безгранично верила ему. Ночами не раз предупреждала о неожиданных гостях.

С парнями ему тогда удалось справиться, недаром несколько лет занимался борьбой. Аккуратно положил их в лодку и оттолкнул её от острова в сторону города. Через некоторое время они очухаются, а вот Динку уже не вернуть. После этого случая на остров редко кто решался высадиться, да и он зарекся надолго оставлять его.

Вообще-то собака на острове необходима. Но противилась душа, не стал Иван заводить другую: подобной Динке собаки нет и не будет!

Иван складывал в лодку нужные вещи, сумки, заводил мотор и все поглядывал на небо. С запада оно неуклонно обрастало тучами, усиливался ветер, волны сердито бились о борта. «Нехороший день», — подумал он. Но заканчивались продукты, вода и столь необходимые спички и свечи. Иван отключил генератор тока — электричество не вписывалось в его островную жизнь.

«Успею», — решил Иван.

Лодка быстро понеслась к городу, безжалостно разрезая волны, сочно хлопая днищем по воде. Город приближался, рос, уже детально просматривалась набережная, развалины древней крепости на холме...

Порывистый ветер становился все сильнее. Иван пожалел, что не взял брезентовую куртку.

Пришвартовавшись, Иван цепью с лодки обмотал железный штырь, наглухо вбитый в основание пристани, защелкнул замком, за плечи закинул рюкзак и быстрым шагом направился по дороге в город.

Чем дольше жил Иван на острове, тем сильнее не принимала его душа город с бесконечными потоками машин и людей; его нескончаемый шум, его воздух, пропитанный парами бензина, расплавленного от жары асфальта, — все это отталкивало. Лишь суровая необходимость заставляла бывать там, а чаще художники. А точнее, их работы и книги.

На втором году жизни на острове Иван так же вот выбрался за продуктами в город, бродил по старинным, узким и безлюдным улочкам, любовался умной и добротной архитектурой, гладил горячие в трещинах камни и думал: «Кто он — человек, создавший эти дома? Как он выглядел?» Он старался представить его, увидеть... Около крепости нашел медно-зеленую монету. В антикварном магазине ему сказали, что монета римская, времен античности, просили продать. Иван отказался. Он видел в находке монеты — знак. И знак посылал ему тот неведомый, но столь знакомый Ивану человек, который тоже ходил по этим солнечным улицам. Но другими были воздух, солнце, иного вкуса и цвета были вода, фрукты, небо и море...

Размышляя об этом, Иван ненароком очутился на небольшой площади и увидел много картин. И художников, которые разношерстными группами, словно стайки невиданных птиц, сидели на скамейках, попивая холодное пиво. Что-то уютное, домашнее было в этом цветном мирке, заполненном картинами и их создателями. Иван долго ходил по «вернисажу», рассматривая, пока не увидел камешки. Подобные он много раз встречал на берегах острова. Камешки были умело и с выдумкой расписаны красками. На одних изображен морской пейзаж, на других — рыбы. Да, немало повидал Иван. В тот же день купил кисти, краски. Вначале неумело, затем свободнее стал расписывать камешки — округлые, отшлифованные волнами. Согнувшись в три погибели, он сидел часами и делал роспись. Пытался понять, как возможно на крошечном теле камня изобразить пейзаж — с деталями, с подробностями. Выдумывал фантастически красивые, с восходами и закатами, пейзажи, но получалось нечто грязное, невыразительное или слащаво-приторное. И он опять поехал на уличный «вернисаж». Потом еще и еще. Тщательно изучал технику исполнения, стили. И — запоминал. Изредка спрашивал у одинокого пожилого художника про качество кистей, красок и лаков. На пробу показал ему пару расписанных камней. Художник поморщился и сказал, что «не надо выдумывать красивенькое и фальшивое. Писать требуется то, что видишь вокруг себя!» И посоветовал поработать акварелью. Иван купил бумагу, краски и начал писать остров, озеро, тающий вдаль город, море, не забыв про лодки и ежа. Не счесть, сколько извел бумаги и красок, поистер кистей, пока решился показать художнику свои акварели.

Рассматривая его работы, тот чему-то улыбался, приговаривая: «Добро! Добро!» К ним подошли другие художники, одобрительно зашумели, похлопа-

ли Ивана по плечу, принимая его в свое сообщество... Позже подошла похожая на подростка девушка и коротко спросила: «Сколько?» «Что — сколько?» — не понял Иван. «Сколько просишь за лист?» — «За лист?» — недоумевал он. Только потом осознал: его просили продать акварели. Иван отказался. У него и в мыслях не было — продавать их. Он даже разозлился: как можно продать себя? После акварелей стало легче и проще расписывать камни.

При постройке дома он нуждался в деньгах. вспомнил про предложение девушки-подростка и скрепя сердце решился. Старый художник понял его состояние, сказал: «Все мы через это проходили. Но ведь «можно рукопись продать, а вдохновение — нет!»

Девушку он отыскал в «Букинисте» — крошечном магазинчике, забитом до потолка книгами и акварелями. Его работы довольно быстро продались. Аня — так звали хозяйку «Букиниста» — щедро расплатилась с ним и попросила новые акварели. Деньги за картины тогда очень помогли Ивану. Но в душе затаилось несогласие с самим собой... Утешал себя тем, что многие работы не продавал, часть из них он оформил багетом и повесил на стенах своего дома.

В ближайшем гипермаркете Иван закупил необходимые продукты. За фруктами зашел на рынок, где цены были ощутимо ниже. Можно и поторгаться, но он не умел этого делать. И не любил! На рынке его хорошо знали и между собой прозвали «немым» — за чрезвычайное немногословие и чаще — молчаливость. Прежде, в другой жизни, он часто пропадал в компаниях, на вечеринках, неплохо проводил время в барах, ресторанах. Привычны были городской шум, споры, драки. Было... до Неё.

После Неё — остров и так необходимое душе одиночество. Ему давало силу, живительную энергию единение с морем, с озером, с деревьями, с каждой травинкой, с этим бесконечным небом, со звездами. И стал необходимым удивительно «вкусный» запах моря — ни с кем и ни с чем не сравнимый! Сожалел Иван о том, что раньше не смог дотянуться, дорасти до всего этого! Понять, оценить. И нет одиночества, если рядом дышат — живое море, остров, небо.

К тому же Ивану было не скучно с самим собой. Да и скучать не приходилось: то постройка дома, то «набеги» на остров незваных «гостей».

На рынке пробыл недолго и быстро пошагал к пристани. Погода явно испортилась. Небо нахмурилось, словно мужик перед дракой. Грозовые тучи приступом подошли к городу. Он еще укладывал в лодку рюкзак, сумки, пакеты, когда вокруг все затихло. Налетел ветер, неся пыль, и следом упали первые капли дождя.

Иван недовольно повел плечами: слишком уж поспешила гроза. Он чересчур задержался в городе. Не успел! Не дай Бог, будет шторм. Метровые волны легко кидали с бока на бок лодку, мешая Ивану. Даже чайки исчезли, и лишь непонятно откуда взявшаяся ворона, пролетая над его головой, зло каркнула — наверное, материлась. Только неизвестно, на него или на непогоду...

Иван заторопился. Как назло, долго провозился с мотором.

Лодку вел осторожно. Обнаглевшие волны перехлестывали через борт, жадными лапами хватали вещи, будто собирались их выкинуть в море. Грозили опрокинуть лодку, били ее в бока. Иван не суетился, не боялся: бывал в подобных передрягах. Главное — спокойствие и уверенность. А такого добра у него хватало.

На полпути к острову из туч хлынул ливень. Иван сумел перед этим набросить на вещи и закрепить непромокаемый брезент. Про себя забыл, рубашка и брюки намокли и прилипли к телу. Ему по нраву был шторм. Словно сдаешь экзамены на выдержку, на прочность. Темно-коричневые с прозеленью тучи тяжело и низко нависли над ним. Когда лодка взлетела на гребень волны, ему показалось, что головой он касается туч и одна из них, по-особенному черно-синяя и грозная, шлепнула его по затылку. Иван задорно и зло рассмеялся, крикнул ей, видя бессилие: «Что, взяла? Не получилось!» И свистнул ей вдогонку.

Песчаный берег острова внезапно возник из серой хляби волн, пены и брызг дождя, едва он успел заглушить мотор. Лодка по инерции наполовину выскочила на берег, глубоко пропахав песок. Ивана бросило со скамьи в ее носовую часть. Он больно ударился локтем о борт.

— Твою мать! — невольно вырвалось у него.

Выпрыгнул на берег, закрепил лодочную цепь за сваи пристани. Торопясь, снял с лодки мотор и отнес в подсобку Большого дома. Затем стал переносить вещи в свой дом.

Гроза разошлась не на шутку. Ветер одичалой и злой собакой кидался на Ивана, старался сбить с ног, раскачивал вместе с подросшими волнами лодку, силясь сорвать с цепи и унести в море. У города мощно и гулко ахнул раскат грома.

Ставни окон Иван не закрыл. Хотелось слышать шум ветра, моря.

Он зажег свечку, сбросил с себя мокрую одежду и лег на кровать, завернувшись в одеяло. Вспомнилась Динка. Сейчас бы она лежала в ногах и чутко прислушивалась к звукам...

Горела свеча, колыхалось пламя. За стенами дома не шумело, а уже гудело и ревело. Иван закрыл глаза. Ему казалось, что шторм сорвал остров с «насиженного» места, словно лодку с причала, и понес в открытое море. Может, так оно и есть, судя по сильным ударам бури, отчего остров, будто живое существо, вздрагивал и тихо стонал, качался. Иван этого не страшился. Наоборот! Ведь впереди много разных городов, много интересного и нового... Поневоле вспомнил, как на первом году жизни на острове увлекся рыбалкой, позабылся — и лодку унесло далеко в море. Иван греб веслами несколько часов (на рыбалку ходил на весельной лодке), ожидал: вот сейчас появится остров!

Вокруг расстилалось море и была непривычная тишина. Впервые он не то чтобы испугался, а почувствовал внутри себя тошнотворный холод. Старался не

расплескать спокойствие, еще ожесточеннее принялся грести веслами. Когда вконец обессилел, лег на дно лодки, укрылся курткой и заснул. Утром поднялся отдохнувший и в полной уверенности, что найдет остров. И в этом помогло солнце. Иван определил, в какую сторону следует плыть. Около полудня он увидел остров. И была радость, и была рядом голодная, но веселая Динка...

За окнами дома негромко, но грозно ухнуло, будто упало что-то огромное. Остров вздрогнул. Иван даже приподнялся с кровати, усмехнулся: «Хорошо вдарило!» А неплохо бы и вправду уплыть на острове в дальние дали. Как на корабле. Нет, лучше. Здесь есть озеро, дом и уж с ежом. Интересно, где они прячутся сейчас?.. Бродили еще какие-то неясные мысли, и незаметно под шум грозы Иван заснул.

И снилось Ивану, будто он и остров плывут, скитаются по морям-океанам. Встречаются на пути их чужеземные страны, люди, города, необычные птицы, — это особенно ярко он запомнил, — с синим и фиолетовым опереньем. Он понимал их язык. Говорил с ними. Они научили его летать. С огромной высоты Земля выглядела беззащитной, чудесно сияла нежными светло-голубыми и зелеными красками, в которые вкрапливались желто-охристые, красные оттенки. Это напоминало Ивану старую мозаику, увиденную им в одном из храмов Венеции. Но эта мозаика была ярче и многоцветнее, а ее Создатель бесконечен на выдумки и фантазии... Видел он и странные по форме строения, города. Они слегка напоминали готические соборы или скалы, только с закругленными вершинами. В них чувствовался и слышался определенный музыкальный ритм — кажется, звучала музыка. Открывались округлые окна, из округлых дверей выходили округлые с плавными движениями существа — люди. Иван садился с ними в округлые желтые машины без колес, и они ехали в парк с золотистыми округлыми деревьями и скамейками, на которых он отдыхал с «людьми». У них были покатые плечи и руки без костей — они изгибались как резиновые шланги, а глаза светились золотисто-зеленым. В округлом зеркале он увидел себя и удивился: у него были покатые плечи, золотистые глаза и белая с красными узорами одежда. Он выглядел, как они. Но вскоре забыл про это. Ему было хорошо среди округлых «людей», среди округлого мира. Потом прилетели синие птицы, и он снова оказался на острове.

Он шел с Динкой по острову, а к берегу причаливала лодка. Она стояла на песке и смеялась.

«У нее смех, — вдруг подумал Иван, — имеет не только звук, но и цвет... фиолетово-синий с золотистыми переливами... И белое платье, как у округлых «людей».

Она бежала им навстречу, что-то крича, и смеялась сине-фиолетовым смехом...

Солнечные лучи заглядывали в окна, Иван догадался: спал долго. Что редко случалось.

Вышел из дома.

Город со всеми своими домами, башнями, трубами четко отпечтался на фоне светлого неба, еще ближе приблизился к острову, шумно вздыхая звуками и запахами базаров, машин.

Не удалось уплыть! Не удалось...

Трава, прибитая ливнем, клонилась к земле. Лодки были на месте.

Иван, проверяя, обошел Большой дом, сходил на озеро. Икупался. Заметил несколько поваленных деревьев. Одно из них рухнуло в озеро. Пришлось его вытаскивать, очищать воду от поломанных веток. Полежал на теплом песке, отдыхая. Рядом приютился уж.

Хорошо. Тихо. Тепло. Устало стоят, видимо, невыспавшиеся деревья. Им лень даже веткой пошевелить после бури.

Не хотелось Ивану никуда уходить от озера — уютно, спокойно тут, словно положили, как в детстве, в люльку тебя и качает мама, напевая неизменно-вечную на сон грядущий, незамысловатую песню: «Баю-баюшки баю...» И качаются в лад песне душа и тело, разморенно, блаженно, между явью и сном...

Иван вдруг очнулся, настороженно прислушался... В тишину острова едва приметно вторглись чужие звуки.

На песок возле Большого дома пристала лодка. Чужая, незнакомая. В ней находились трое мужчин.

Иван накинул на плечи рубашку, взял ружье и направился к ним.

Еще на подходе к лодке ему крикнули:

— Иван, привет!

— Здорово, — ответил, приближаясь, он.

Уже догадался: от хозяина приехали. Его люди. Один, высокий, поджарый, с ястребиным лицом, был ему незнаком, а вот второго — полноватого, коренастого и лысого, со скиперовской бородкой — он угадал: Гуреев — замначальника охраны хозяина.

— Привезли тебе гостя, — кивнул Гуреев на третьего человека, сидевшего в лодке. Голова того была низко опущена, лицо закрывали длинные черные волосы. Поджарый и Гуреев вытащили его из лодки и положили на песок. Человек не пошевелился.

— Хорошо, видно, выпил, — сказал Иван.

— Да уж... — как-то неопределенно произнес Гуреев.

— Почему меня не уведомили о приезде?

— Попытались. Но твой мобильник не отвечает.

— Несите его туда, — махнул рукой Иван в сторону Большого дома.

Гуреев с напарником подняли человека и повели. Тот едва волочил ноги.

Иван совсем забыл про телефон. Раз в неделю он обычно включал генератор и заряжал мобильник, потом стал реже это делать... От него, за малым исключением, получаешь излишнее беспокойство и неприятности. Когда была

жива мать, он звонил ей каждый день, в последнее время изредка — родным. Вскоре и они ушли. Некому стало звонить...

Иван открыл дверь. Человека втащили в дом, уложили на кровать в небольшой комнате.

— Кто такой? — спросил Иван про гостя.

— Человек, — ухмыльнулся поджарый, которого Гуреев называл Хрустом.

— Вижу, что не черепаха! — злясь, сказал Иван.

Гуреев задумчиво хмыкнул, вынул мобильник и, набрав номер, протянул его Ивану.

— Иван, здравствуй. Это — Филатов...

Если звонит сам начальник охраны шефа, значит, случилось нечто серьезное!

— ...Наши доставили тебе человека... Следи за ним в оба! Один не сможешь, пусть на острове останутся и помогут Гуреев с Хрустом.

— Нет. Справлюсь один. Кто — он?

— Этот человек очень нужен хозяину! Очень! От тебя требуется — восстановление его здоровья, сил. Он — не болен. Просто надо подкормить парня — словом, чтобы у него голова работала, адекватен был! Как только это произойдет, сразу известишь меня. В любое время дня и ночи! Смотри не ошибись...

Ивана все, что говорил Филатов, мягко говоря, насторожило.

— Не ошибись? В чем?

— У меня сейчас совещание, — заторопился Филатов, — а часа через три я обязательно перезвону тебе!

Напряженно и нервно говорил его начальник. Не понравился Ивану разговор.

«Туманно вещал Филатов, — размышлял Иван. — К чему бы это?»

Гуреев с Хрустом, узнав, что они не нужны на острове и могут возвращаться, расслабились, заулыбались. А когда поели и выпили вина, то спросили:

— Ну как тут... островная жизнь-то?

— Нормально, — кратко ответил Иван.

— Нормально — это как? С «русалками»... или?

Иван грузно поднялся из-за стола. Он двухметровой тяжелой глыбой навис над ними, внушительно размял кисти рук.

— Все. Визит окончен! Вам пора уезжать!

Хруст тоже было встал, сжал кулаки, но Гуреев, неплохо знавший силу и характер Ивана, засобирался:

— Хорошее вино у тебя, Иван! Не одолжишь пару бутылок?

— Идите к лодке.

Иван проследил, как они расслабленно, нехотя тащились к лодке, вяло и долго садились в нее, и даже две бутылки вина, видимо, не особо обрадовали их. Гуреев напоследок посетовал:

— Одичал ты, Иван, на острове! Гляди... Робинзон ведь в конце концов вернулся к людям...

— Одичать можно и среди людей, — ответил Иван, нахмурясь. Он видел, гададывался об их мыслях и желании остаться на острове, съездить в город, «оторваться» как следует с «русалками»! Недаром же тащились на этот чертов остров через города и страны. Не удалось, а хотелось! Но перед ними стоял крепкий, сильный человек, и они сдались.

— Ладно, — процедил Хруст, — еще свидимся...

— Привет «русалочкам»! — добавил Гуреев.

Иван присел на траву, посматривая на удаляющуюся лодку, на город, на безоблачное небо, и вспоминал вчерашнюю бурю. Как быстро меняется плохая погода на хорошую. Так и в человеческой жизни — то беда, то счастье... В его жизнь остров внес свое настроение, свой уклад и победил не только бессонницу, он сумел успокоить, пусть пока не до конца, душу Ивана. Странно... С одной стороны — город, человеки с их магазинами, стадионами, театрами, дорогами, машинами, шумом, пылью, смрадным воздухом, загаженной водой, а с другой — чистое небо, море — первозданное, первобытно живущее, несомненно живое, думающее, всегда живописно-красивое, даже когда бушуют бури и шторм. Именно на острове он увидел лицо Мира, Вселенной, познал их мощь и слабость, Его гнев и покорность.

И есть при этом определенная закономерность всего происходящего. Есть сознание, душа, иначе все бессмысленно и обречено. Это — остров, город, озеро, Она, Динка, еж и сам он, море, небо, солнце, звезды — все это, несомненно и неоспоримо нужно друг другу. И всегда во все века продолжается бесконечное перерождение: речка со временем высыхает или превращается в озеро, в болото, а море становится океаном или пустыней. А из камней, когда-то бывших звездами, рождаются люди, которые иногда вырастают деревьями и травами и реже — пророками. «Интересно, в кого я превращусь? — думал Иван. — Может, стану озером на другом острове?»

Его размышления прервал невнятный шум из Большого дома.

Человека он застал лежащим на полу. Видимо, тот пытался уйти и, по пути падая, уронил со стола кружку. Иван поднял его с пола. Поразился легкости тела: оно казалось невесомым. Бережно уложил его на диван. Внимательно рассмотрел человека. Это был парень лет двадцати пяти, с бледным осунувшимся лицом, словно долго болел или ничего не ел. И чем больше всматривался Иван, тем сильнее росла непонятно откуда взявшаяся жалость к этому незнакомому парню. На короткое мгновение тот открыл глаза: по-видимому, хотел понять, где находится. Ивана удивили насыщенный синий их цвет и — пустота. В его глазах не было жизни. На скуле проступил желто-зеленый синяк; тонкий, удлиненный нос в царапинах. Однако ни синяки, ни царапины не умаляли особенной, тихой, «нездешней» красоты его лица. Не любил Иван красивых мужиков, но от этого шло притяжение, как от магнита. Есть еще, встречаются такие лица, люди, что завораживают...

Иван встряхнул головой, будто освобождаясь от наваждения, и вышел из дома. «Кто он? И почему его привезли на остров?»

И еще Иван с горечью подумал, что, кажется, закончились его беззаботные дни, его великое «одиночество»! В глубине души уже затаились тревога и беспокойство, предчувствие грядущих перемен, которых он не хотел. Подобных ощущений он не испытывал, когда на остров приезжали хозяин с гостями или с друзьями. Гуляли, загорали, привозили девок из города, катались на лодках. Однажды перевернулись. Ивану удалось спасти хозяина и двух его «телок». Но вместо благодарности его обматерили. Еще запомнился случай на озере, куда в очередной раз привезли гостей, — по пьяни все полезли купаться! Ивану это страшно не понравилось. Он пытался отговорить их. Нет, полезли! И опять ему пришлось спасать, выуживать их из воды.

Иван жалел озеро, как жалеют близкого, родного человека. И больно было смотреть на пьяных в стельку людей, похожих на обезумевших животных, которые с дикими криками взбаламучивали чистую воду озера. Он тогда чудом удержался и не избил их. Всякое бывало... К радости Ивана, подобные приезды гостей становились все реже. Хозяин не появлялся больше года. И хорошо!..

Где-то в комнатах Большого дома зазвенел мобильник Ивана, подключенный к розетке. Звонил Филатов:

— Слушай внимательно. Парня, что привезли на остров, зовут Олегом. Русев. Работал программистом в одной из компаний хозяина. Короче, большие деньги он от хозяина перекачал в неизвестный нам заграничный банк.

— Не бессребреник, значит, этот самый Олег, — с внутренним сожалением усмехнулся Иван. — Что же не смогли с ним разобраться? Вы умеете это делать...

— Могли бы. Но тут дело — посложнее. Помнишь Нину, дочь хозяина?

— Да.

— Так вот: она и Олег..

— Она же маленьк..

— Нет, Иван, Нина выросла! Время бежит, и ты на острове, верно, его не замечаешь. Словом, любовь возникла меж них. Хозяин всячески пытался прервать их отношения. Бесполезно. Несколько раз они убежали, но у него, ты знаешь, руки длинные! Везде найдет! В общем, после очередного побега и поимки их разлучили основательно. Ее посадили под домашний арест, Олега отвезли в загородный дом. Он там сидел целыми днями за компом. Ну и высидел — увел деньги! Этим он думал вернуть Нину. Не удалось! Тогда он отказался есть. Нина сейчас в больнице — перерезала себе вены.

— История... — протянул Иван. — Прямо Ромео и Джульетта...

— Как хочешь это назови, но радости мало! А нам какая заморочка!

— И эту «заморочку» вы решили повесить на меня?

— Так хозяин решил. Кстати, он сам вскоре тебе позвонит. Ты уж постарайся, Иван! Хозяин хорошо отблагодарит!

Филатов что-то еще говорил, убеждал, обещал, но Иван слушал вполуха. Он начинал осознавать, что придется сломать тот привычный жизненный уклад, с которым он свыкся. А может... Нет, он попробует сохранить, уступив самое малое...

После разговора с Филатовым на душе Ивана стало еще тяжелее. Он кормил ужа с ежом, готовил еду, теперь уже не только для себя, подкрашивал лодку и постоянно, подневольно вспоминал рассказ Филатова, Нину. Служа в охране её отца, ему часто доводилось её видеть. Светловолосая, с крупными веснушками на переносице, сероглазая, с красным от загара носом пигалица. Всегда улыбчивая, с книжками в руках. Еще любила одеваться в голубые и белые платья... И вот пигалица стала взрослой...

Вечером Иван решил накормить Олега.

Он лежал неподвижно и в той же позе, что и раньше.

Иван поставил чашку с едой на стол и попытался поднять Олега.

— Надо покушать, — сказал ему громко, словно глухому.

Но тот вяло сопротивлялся, опрокидывался на подушку с закрытыми глазами. После четвертой попытки поднять и накормить его Иван сдался, даже запаниковал. С ним это давно не происходило. Он понял: Олег есть не будет.

— Ну и черт с тобой! — обругал его Иван. — Подыхай...

И, хлопнув дверью, ушел.

Хотел поужинать, но пропал аппетит. Задумавшись, смотрел на дрожащий огонек свечи. В душе кипели сумятица, раздражение непонятно на кого.

Неясное и тревожное томление, усталость угнетали Ивана.

Он вышел из дома, долго бродил по песчаным берегам острова.

На горизонте небо, размытое, растушеванное ночью, соединилось с морем... Кругом царила немая тишина. Море и небо с россыпью звезд точно затаились, не дыша, прислушивались к чему-то или к кому-то.

В такие благословенные, глубокие и редкие минуты Ивану казалось, что он вживается, растворяется в гигантском мироздании. Он исчез среди моря и звезд. Вместе с островом. И приходило удивительное спокойствие, умиротворение: словно тебя несет на крыльях сине-фиолетовый ветер. И в Абсолюте, в божественной Бесконечности, ты начинаешь ощущать присутствие Его — Бога; и незаметно вначале, а затем все сильнее чувствуешь и видишь исходящий от Него золотисто-радужный свет, ярко синий запах, не сопоставимый ни с одним из запахов земли и неба. Ты дышишь Им, и поет в душе, во всем теле — Радость. Радость Первоздания, Первородности, словно только родился...

Очнулся Иван лежащим на песке. По-прежнему стояла тишина. Мириады звезд то вспыхивали на бархатно-черном небе, то падали, срываясь и оставляя после себя на небосводе светлую полосу. Море светилось, будто в глубине его кто-то поставил светильник.

Тревожное предчувствие заставило пойти к Большому дому. Но Олега Иван обнаружил на берегу, возле лодки. Видимо, пытался уплыть... И не рассчитал

силы. Он лежал ничком, тело наполовину находилось в воде. И опять жалость властно сжала сердце. Иван поднял его на руки и понес к дому.

Обращаясь словно с ребенком, снял с него мокрую одежду, закутал в теплое шерстяное одеяло и уложил на диван.

Входную дверь, уходя, закрыл на ключ... Неизвестно, как Олег поведет себя дальше. «Парень нештучно ослаб, — думал Иван. — И это уже не протест, а попытка уйти из жизни»...

Не зажигая света, одетым лег на кровать.

Иван понимал происходящее с Олегом. Ему, пусть иначе, но довелось пережить подобное... Вспоминал Её... Они познакомились на дне рождения у друга. За столом им выпало сидеть рядом. Позже и Она, и он не раз говорили, что это была не случайность! Это — знак, судьба. Или «в мире нет случайностей». Но не в их жизни. Хотя, как сказать... Он тогда все смотрел на неё сбоку и видел прямой нос с белым шрамом на переносице, пушистые ресницы и огромные синевато-серые глаза. Она чувствовала на себе его пристальный взгляд, резко поворачивалась и без улыбки прямо смотрела на Ивана. У него яростно билось сердце, рвалось к Ней, и танцевал он лишь с Ней. Все последующие дни (а Она слегла с гриппом) Иван думал только о Ней. Ночами толком не спал. По-иному стал смотреть на других женщин — сравнивал с Ней, анализировал, убеждался вновь и вновь: лучше, красивее Её — нет. Через подруг узнал Её номер телефона. Позвонил. От волнения заикаясь, расспрашивал о здоровье, еще о чем-то незначительном. Она выздоровела. Иван звонил Ей и все не решался назначить свидание — боялся отказа. После очередного его звонка Она сама предложила встретиться, «поговорить». И они увиделись. Ходили по улицам, ужинали в кафе, открыто говорили обо всем. Запретных тем не было. Это им нравилось и сближало. Станным образом менялся окружающий мир: зрительные восприятия становились ярче; все виделось точно под микроскопом — четко, до малейшей песчинки; цвета, запахи обострялись; слова Её воспринимались как откровение. А главное, внутри живет и плещется неугасимая Радость. Ощущения новизны во всем — в лицах людей, в поступках, в небе. Слово сошла на землю Весна — вечная, с её волшебными запахами и красками возрождения — и не было места другим временам года. Думалось: вот Оно, оказывается, какое! Что? Да все! Весь этот мир подчиним только Ей — Любви! И все и вся живет по Её законам. Дотрагивался до пальцев Её руки, и мурашки бежали по коже, нежность заполняла душу. Помнит Её первый поцелуй... После которого они постоянно искали уединения. Чтобы целоваться. Без конца. Чувствовать, переживать прикосновения. Однажды они долго не могли оторваться друг от друга, и он, смеясь, предложил: «А давай так и будем ходить по улицам!» «Согласна, — сказала она и печально добавила: — И почему люди, когда любят, не срastaются?» «Действительно, — вторя Ей, шутя, говорил он. — Почему природа или Бог не озаботились этим вопросом?!» Не увидеться один день для них было равносильно мучительно-

му и страшному наказанию. Время стало их врагом. Они были ненасытными в общении, им всегда не хватало друг друга. Трагическим казалось каждое расставание. И обычно — а это и физически больно, словно резал по-живому, — он говорил Ей: «Все! До завтра». И быстро уходил. Первое время Она на это обижалась, потом поняла его. Иногда ходили в гости к друзьям. И там никто не мог хотя бы на минуту оторвать их друг от друга. Над ними по-доброму смеивались. Каждая встреча становилась праздником, счастьем. Он смотрел на Неё и видел, что от Её лица исходило едва уловимое сияние. И он говорил: «На лице твоём свет...» «От души идет, — смеялась Она. — И от любви»... Навсегда запомнил Её выражения, слова: «Я вся по тебе соскучилась», «Я всегда нежна к тебе, даже если злюсь на тебя», «Любовь — это постоянное движение навстречу друг другу», «Если любит один из двух — это лю- или -бовь, но не любовь». Ни дождь, ни ветер — ничто не могло помешать их встречам, уменьшить Радость. Скорее наоборот. Как-то жарким летом они отдыхали на реке. Загорали, большей частью купались. Она плавала с ним, обнимая со спины за шею. Крепко и ласково целовала его в щеку, затылок, плечи. Прижималась к нему всем телом, шептала тихо, а может, это вода плескалась, шумела: «Люблю тебя... Люблю»... Неожиданно налетела гроза с громом и молнией. Река потемнела, как и небо. Под сильнейшим ливнем выбрались по крутому косогору на крайнюю улочку города, забежали в заброшенный дом. Под неумолкаемый шум дождя и громовые раскаты долго целовались... Без слов. Затем, дрожа от промокшей одежды, вызвали такси. В центре города зашли в кафе, выпили по рюмке водки. Озноб прошел. Брели по пустынным улицам города, не остерегались дождя и вволю целовались. А в парковых аллеях они все никак не могли расстаться.

Когда и в какие времена, столетия это происходило?..

Иван плохо спал ночью.

На следующее утро он сделал пробежку к южному берегу острова, искупался, полежал на песке озера с ужом. Всё как обычно! Иван решил, что, независимо от обстоятельств, будет поддерживать устоявшийся жизненный ритм. Позже покормил ежа. Слегка перекусил и понес еду Олегу.

На его приход Олег никак не отреагировал. Вода в кружке была наполовину выпита. Чашка с едой не тронута. Иван растерянно посмотрел на него. Ему захотелось схватить ложку и попытаться насильно накормить парня. Но удержался, сказал с досадой:

— Зря. Этим ты ничего и никому не докажешь.

«Ладно, — остывая, подумал Иван, — пусть отлежится, отоспится»...

В этом ему поможет время — старательно заживляя раны и набрасывая на всё и на всех платок забвения... «Все проходит»... — где-то прочел Иван и взъерился на неизвестного: пока я жив — помню и люблю!» И сам себя поправил: «И после смерти — тоже!» Верилось, что и на том свете любовь и другие

человеческие чувства не умирают. Они улетают с душой и продолжают жить! Мы снова — любим, грустим и радуемся...

Часа два он бродил по острову. Пробовал писать акварелью, но получалось невзрачно, тускло и неудачно. Вернулся к себе в дом, принялся читать Геродота. Книги античных авторов почему-то успокаивали Ивана. Наверное, оттого, что все повторяется: войны, закаты и рассветы, времена года, и, к сожалению, обзаведясь машинами и компьютерами, человек по сути своей не изменился к лучшему, повторяя свои старые «ошибки». Только результаты «ошибок» становятся все трагичнее и страшнее.

«Знания умножают печаль»... Не успокоил на сей раз Ивана Геродот, успокоило море. Иван до изнеможения, до ломоты в суставах рук и ног плавал в теплой воде. Солнце знатно припекало! Даже чайки попрятались от зноя, как и облака. Легкий ветер, не выдержав жары, приник к земле.

Неприятное подстерегало Ивана в Большом доме. Олег лежал на полу в крови. Бегло осмотрел его. Матерно выругался: Олег порезал вены. И частично это ему удалось. Кинулся искать аптечку, бинт. В шкафу отыскал чистую простыню, разорвал на полоски, перевязал Олегу руку. Уложил на диван. Олег в забытьи тихо стонал.

Иван обыскал все ящики столов и шкафы в доме, собрал все режущее и колющее в сумку и унес к себе. Впервые ему пришла в голову мысль: а если Олег умрет? Хозяина он не боялся. Но на душу камнем ляжет смерть этого парня. Придется дальше с этим жить. Кроме того, за парнем стояли большие деньги. А где они — жди беды.

Позвонил Филатову, рассказал о происшедшем. Тот выругался и сказал, что доложит хозяину.

Через несколько минут раздался звонок от хозяина.

— Врач нужен?

— Нет. Обойдемся.

— Хорошо. Шум нам ни к чему. Иван, давай так: поставишь парня на ноги — подарю тебе за это остров. Знаю: островная жизнь тебе по душе...

— А если не удастся это сделать?

— Ответишь! Но я верю в тебя. Если что понадобится — звони мне! Этот человек необходим мне!

И резко оборвал разговор.

«Вот тебе, бабушка, и Юрьев день!» — обессиленно и раздраженно сплюнул Иван. А чего, собственно, он ждал? Рано или поздно подобный разговор должен был состояться! Конечно, хорошо безбедно жить, но даже на острове вряд ли это удастся. А за словом «ответишь» стояла неприкрытая угроза ему, Ивану. Может, все к черту бросить и уехать куда глаза глядят! И пусть они сами разбираются с парнем? Мысль эта промелькнула у Ивана и пропала. Пока они приедут, Олег может погибнуть. Будь что будет! Он останется. Не из-за острова, хотя и это немаловажная причина. Но мало осуществимая. И еще просто

хотелось узнать, понять: что будет дальше? И не грело тут расхожее любопытство, а таилась подспудная мысль: у меня не сложилась жизнь с Ней — возможно, судьбу Олега с Ниной Бог повернет в лучшую сторону?

День пролетел быстро, незаметно. Иван лишь в полдень накоротке сумел пообедать и перед вечером искупаться.

Олег отказывался есть. Перевязка на руке набухла от крови. Иван вновь перебинтовал его. Приподнял ему голову на подушке повыше и стал насильно заталкивать в рот еду. Олег приоткрыл глаза, с ненавистью смотрел на Ивана. Кривя губы, языком выталкивал кашу с рыбой изо рта, слабо шелестя:

— С... су-ка...

— А ты как думал! — сурово отвечал Иван. — Я подобное проходил и, как видишь, жив! Чего и тебе желаю.

— Я... желаю па...дохнуть.

— А она? — то ли спрашивал его, то ли разговаривал Иван сам с собой. — Она, думаешь, обрадуется, когда узнает о твоей смерти?! Помереть — не проблема! А вот все выдержать и жить — действительно трудно! Я думал уйти в монастырь. А друг мне сказал: «Конечно, можно без печали и без бед за стенами прожить, но самое сложное — жить в миру».

— Не хочу-у!

— Нет, брат, давай жить!

Единственное, с чем согласился Олег, — это выпить воды.

Уходя, Иван оставил остатки еды на столе. С тайной надеждой, что запах и близость ее заставят Олега сдаться.

Ближе к вечеру ушел на южную, любимую сторону острова.

А вечер выдался тихий, задумчивый... И небо, и море были неярки, тихи, находясь словно в полудреме. Ветер, сбросив с себя дневной жар и лень, приносил с моря освежающий холодок. И не было, как вчера, единения, близости с окружающим миром, жила в нем холодная отрешенность. И сидели рядом двое — Иван и Мир, и не соприкасались друг с другом. Только остров, жалея и сочувствуя, притулился к Ивану своим неостывшим теплым боком и, дыша влажностью трав, нашептывал ему что-то успокаивающее. Вспомнились Её слова: «Когда любят двое, все и всё — против них». Он тогда не соглашался, горячо спорил, доказывал обратное. Выходило, что она была права? Невольно пришло на память то счастливое время — их время! Летом Она уехала в другой город навестить родителей. И время ожидания Её превратилось для Ивана в муку. Время застыло, замерло. Дни тянулись неимоверно долго, тысячетлетней черепахой переползая из одного дня в следующий. А на улицах текла, шумела и продолжалась обычная жизнь, словно и не замечая великой потери Ивана; люди все так же ездили на работу, на море, в театр, на рынок, ели, спали. Звенело лето жаркими днями, по-особенному пустое и невыносимое — без Неё. «Как это возможно — жить без Неё?» — хотелось кричать Ивану на застывший

в летаргическом сне мир, которому, несомненно, требуется лекарство. Иначе он не проснется. И лекарством является — Любовь.

Сердце звало Ивана в дорогу. Взял письма, дневник — он каждый день Ей писал — и поехал в Её город. К Ней. Добирался на электричке, автобусом, на такси. Неподалеку от Её дома Иван увидел Её с незнакомого женщиной. Поговорив, они вскоре расстались. У Ивана от волнения дрогнуло сердце. Она заметила его появление. Иван не мог сдвинуться с места, стоял молча, смотрел на Ней. В глазах Её промелькнуло удивление, даже испуг. Затем Она рассмеялась и кинулась к нему. Он сейчас как наяву увидел Её горячие, пахнущие летом, сиренью, губы, бесконечно родные «китайские» глаза — так он в шутку их называл. Окунулся в Её волосы. Они пахла жасмином, корицей и еще чем-то терпким, усиливающим чувство ненасытности поцелуями, объятиями. Её сердце билось в унисон с его. Легко кружилась голова. Они шли по улицам, обнимались, смеялись и без конца целовались. Заходили в магазин, что-то покупали и все боялись потерять друг друга. Весь день проходили по городу, побывали в парке, где ели удивительно вкусное мороженое, на набережной реки. Опоздывая, бежали на вокзал. И как радовались, что электричка ушла. И у них еще есть время. Стояли в очереди, покупали билеты, и, хотя в запасе у них было еще целых три часа, уже накатывал холодок близкого расставания, грусти. Торопясь и перебивая друг друга, спешили сказать самое главное, необходимое, а затем внезапно замолчали. Разлука стояла рядом с ними и щурилась в усмешке глаза. Эта вечная логика расставания двух любящих людей — на время ли, навсегда ли...

Иван не спал почти всю ночь. Душили воспоминания о Ней, захлестывали его душу, мозг. Он наивно полагал, что, живя на острове, можно полностью избавиться от прошлого. Иван понимал причину возникновения этих воспоминаний — это появление на острове Олега. Попади он сюда из-за истории с деньгами хозяина, то вряд ли все это бы вспомнилось. Но все же он не ожидал, что Она так легко и быстро овладеет душой, вытеснив и остров, и море...

Лишь под утро Ивану удалось найти решение: надо подавить свои воспоминания о Ней и вплотную заняться здоровьем Олега. Человек должен понять, что смерть — не выход из положения. Но вряд ли тут помогут уговоры.

И наступило утро — теплое и солнечное.

Два часа он рылся в книгах, наткнулся на Её любимые стихи...

Впервые Иван не пошел в море. Готовил еду, нечаянно обжег руку. Его мысли были заняты Олегом. Если он откажется есть, то через несколько дней может умереть. Это камнем давило на Ивана.

Купанье в озере приободрило его. И в Большой дом он пошел в хорошем настроении.

Вода выпита, еда не тронута — вот что увидел Иван, когда вошел в комнату Олега. Молча сменил повязку на его руке. Тот воспринимал его действия рав-

нодушно. Попытался кормить, но Олег стиснул зубы. Иван особо не настаивал. Он был готов к этому.

Сел на стул рядом с кроватью и начал читать принесенную книгу стихов:

Зачем проигрываю бой?
Ещё не поздно,
нет, не поздно
Переиграть,
Но сон наркотный
Владеет мною и тобой, —
И я проигрываю бой
Нарочно
или ненароком...
По желобам,
по водостокам
Стекает месяц голубой,
А мне уже не двадцать лет,
Но так же странны и жестоки
Неустановленные сроки
Моих падений
и побед.
А мне по-прежнему близка
Страна бездомных и влюбленных.
А в общем — некого винить:
И жизнь, и смерть решает случай —
И в этой схватке неминучей
Тебе меня не сохранить.
Я проиграю этот бой —
И ты пойдешь другой дорогой,
И только память-недотрога
Тащиться будет за тобой...

Олег не шевельнулся, лишь открыл глаза...

Иван продолжил:

— Ищу спасенья,
Мои огни горят в высях гор...

Иван читал негромко, может, неумело, без актерства. Может... Но, когда закончил, Олег слабо выдохнул:

— Она... Её любимый Блок. Ещё!

Олег слушал, закрыв глаза. Лицо у него смягчилось.

Иван читал стихи долго, потом положил книги на стол и ушел.

Он занимался разными хозяйственными делами, а их на острове хватало, но мысленно возвращался к Олегу, к Ней. Вспоминалось, как он пытался дать определение любви... И, кажется, получилось. Однако рождались новые оп-

ределения и новые формулы. Она смеялась над его потугами и говорила, что и до него многие хотели это сделать, но так и не смогли. И — хорошо! Иначе любовь перестанет быть тайной, загадкой. Иногда, прочитав книгу или посмотрев фильм о любви, печально сообщала: «Почти вся любовь заканчивается плохо, грустно»... Иван, горячась, кричал: «У любви — нет прошедшего времени! Любовь дается навсегда!» До боли сжимал Её за плечи и, успокаивая, шептал: «У них — да! — любовь не получилась, а у нас — так не произойдет! У нас своя, отличная от остальных судьба. Каждая любовь — ин-ди-ви-ду-альна! Понимаешь?» «Понимаю, — отвечала Она. — Но ведь, согласишься, есть и много сходного». «Нет и еще раз нет! — взрываясь, орал он. — Наша любовь — ни на чью непохожа, как не схожи мы лицом, телом, характером и душой с другими людьми».

«Господи, как все это далеко и в то же время совсем рядом», — покорно и с каким-то внутренним облегчением думал Иван... И вот уже близко Её сердце, глаза, губы...

Его размышления и дела прервал стук, доносящийся из Большого дома.

«Не иначе что-то случилось?» — с тревогой подумал Иван.

Открыл входную дверь хозяйского дома. Олег, держась от слабости за дверной косяк, выдавил из себя:

— На волю, на воздух... хочу.

Иван помог ему выйти на берег моря, усадил на песок. Он догадался, что в сознании парня произошел перелом. Только в какую сторону и во что выльется? Но пока Иван был рад и зыбкой перемене.

Часа через полтора Иван принес куриный бульон. И Олег безропотно принял от него чашку и, глядя на синеющий вдали город, стал медленно есть.

Солнце основательно прогрело воздух, море и тщетно обшаривало остров, чтобы еще чем-то поживиться. Сильный ветер оборвал эти надежды, играючи швыряя охапки песка в море. Откуда-то внезапно появился еж. Иван принес ему в блюдце молока. Олег посматривал на ежа, и на губах у него появилась улыбка.

— Как его зовут? — спросил он.

— Кого? — не понял Иван.

— Ежа.

— Федот, — быстро и неожиданно для самого себя определил Иван.

— Федот... да не тот... — неуверенно улыбаясь, сказал Олег.

Попытался встать. Иван хотел помочь, но Олег отстранил его руку:

— Не надо. Сам!

С трудом встал, его качало от слабости.

— Можно, я тут... похожу...

— Конечно.

Иван отнес в дом посуду и некоторое время наблюдал за Олегом.

Федот не спеша направился к озеру. За ним, шатаясь, ковылял Олег. Иногда он останавливался, отдыхал, то же самое проделывал и ёж, словно дога-

дывался, что происходит с человеком. На полпути к озеру Олег окончательно ослабел и сказал то ли подоспевшему Ивану, то ли Федоту:

— Не могу идти больше...

— Понимаю, — сказал Иван. — А жалко: там, у озера, есть еще один житель острова...

— Веди!

Иван, поддерживая Олега, повел его по тропинке. Не доходя до воды, Федот смешно фыркнул и скрылся в высокой траве. Ивану хотелось, чтобы озеро понравилось Олегу, и так и случилось. С долей удивления и восхищения Олег осматривал озерную гладь, деревья, кристально чистую воду.

Опустился на траву, спросил:

— Откуда оно здесь?

— Бог его знает, — ответил Иван. У него не раз возникал этот вопрос. И еще он опасался, что в один прекрасный момент озеро может внезапно исчезнуть. Исчезнуть оттого, что шальные тупые гости обижают, измываются над ним. После отъезда гостей Иван шел и проверял, на месте ли оно...

— Искупаться бы... — задумчиво произнес Олег.

— Пока не стоит. Ты слаб, а здесь довольно глубоко, на дне бьют родники.

— А я и плавать не умею...

— Научим, — пообещал Иван. — Главное, наберись сил.

Олег с холодком в глазах взглянул на него и неожиданно сник, опустив голову. Видимо, вспомнил плохое... Потом подавил это в себе.

— А где... еще жилец? Кто он?

Иван улыбнулся:

— Наверное, остерегается, боится незнакомого человека.

— Нет, — без улыбки сказал Олег, — я им — свой человек. И даже более чем...

Он еще что-то говорил, когда возле него появился уж и без малейшего испуга, недоверия расположился около ног Олега, положив голову с золотым крестиком на колено ему.

— Ого! — невольно подивился Иван со странным чувством недовольства. Ведь он знал, как чрезвычайно осторожен уж, и даже гордился тем, что тот признавал среди людей только его. Он как-то по-новому смотрел на Олега, на его запрокинутое и обращенное к солнцу лицо с закрытыми глазами. Тот был наделен редкой, без приторности, красивой, немного скупой, но выразительной внешностью. Однако больше, чем внешность, притягивала идущая от него энергия.

После нескольких дней, проведенных на острове, Олег окреп и мог сам, без помощи Ивана, ходить. Рваные порезы на руке заживали. Ели они вместе за столом, что находился на берегу моря. На свежем воздухе пробуждался зверский аппетит. Обычно Иван занимался текущими делами и островными заботами, иногда писал акварели. Подходил Олег, садился рядом и молча

наблюдал, как пишет Иван. И странное дело: его присутствие нисколько не мешало. Когда Иван начал расписывать камни, Олег не удержался, попросил кисть и тоже попытался писать. Сначала грубо, не понимая материала, потом все тоньше и лучше. Через пару дней он выдал такую интересную роспись, что Иван внутренне ахнул. И подумал о простой случайности. Однако вскоре убедился в обратном. Олег делал росписи с выдумкой и с фантастически сложными цветовыми сочетаниями. Иван предложил ему поработать акварелью. Олег отказался: «Не смогу, я ведь — компьютерщик, техник, а тут должно быть в человеке — другое. У тебя здорово получается... У тебя это чувство есть». Иван не совсем понял его рассуждения о чувстве.

По утрам они купались на южной стороне острова. Олег с нескрываемой завистью наблюдал за плавающим Иваном. И тоже пробовал плавать возле берега. Иван помогал ему, советовал, беззлобно смеялся, видя, как тот, хлебнув соленой воды, отплеывается и по-детски таращит глаза. Но Ивановы наставления он схватывал на лету. Через короткое время Олег самостоятельно проплыл свои первые метры. Выбрался на берег и закричал нечто похожее на вопль бабуина или на клич неандертальцев.

Ранним утром Иван собрался выйти на весельной лодке в море порыбачить. Надоели каши и макароны. Олег попросился с ним.

Утреннее солнце еще толком не грело. Море было спокойным, пока спало или дремало, нежась в своей кровати. Но не рыба, которая резвилась около их лодки, и не чайки, назойливо и громко кричащие над их головами. Они отплыли от острова на несколько километров. Весла, чтобы не мешали, Иван убрал в лодку. Глубинную удочку закрепил на носу лодки, вторую закинул подальше. Старую, испытанную — отдал Олегу.

Клев начался у Олега. По неопытности он неумело и рано подсекал рыбу и, поймав, запутывал леску. Поначалу Иван пожалел о том, что взял его на рыбалку. Однако через час Олег ловко и проворно вырывал из воды вспыхивающих серебром рыб. Иван понуро наблюдал за ним. Его удочки «молчали». Вдруг удилице у Олега круто изогнулось, резко дернулось из рук. У него округлились глаза. Он беспомощно оглянулся на Ивана...

— Держи! — заорал Иван и бросился к нему, спотыкаясь о весла. — Тише веди, спокойнее.

Удилище то изгибалось, то распрямлялось.

— Подтягивай! — советовал Иван. — Держи леску натянутой.

Сквозь зеленую толщу воды они видели огромное желтоватое тело мечущейся рыбины, которая раз за разом делала попытки сорваться с крючка и уйти в глубину. У борта лодки показалась ее голова. Иван схватил сачок, думая: «Вряд ли она поместится!» Удилище согнулось полукругом, угрожая сломаться. Олег сильно дернул удочкой, послышался легкий свистящий щелчок. Оборвалась леска. Он упал на дно лодки...

— Япона мать! — шумно выдохнули Иван и Олег одновременно. — Ушла!

И засмеялись. У Олега дрожали руки от перенапряжения, молотило сердце.

— Рядом ведь была! Я мог бы ее руками схватить! — горячась, обиженно жаловался он Ивану.

— Ну да, конечно, — серьезно соглашался Иван. — Обнимался бы сейчас с ней на глубине.

Они опять рассмеялись.

И тут начался клев у Ивана. Он едва успевал освобождать крючки от рыб, кидал их на дно лодки. Потом клев неожиданно прекратился. Они уже убирали рыбу в садок, когда дрогнула глубинная удочка. Иван мягким и осторожным движением удилища натянул леску и стал подтягивать к себе. Рыба судорожно бросалась из стороны в сторону. Олег заворожено наблюдал за борьбой. В них обоих вспыхнул где-то глубоко спрятанный древний инстинкт охотников. Их разум, мышцы напряглись, замерло дыхание. Наконец мощное продолговатое тело рыбы показалось у борта. Она ослабела, но боролась...

— Подводи сачок под неё! — охрипнув, приказал Иван. Олег опустил сачок в воду.

Рыбина, увидев его, попыталась уйти в спасительную глубину моря.

— Быстрее! — рыкнул на Олега Иван.

Олег наклонился с сачком. Последовал рывок. Рыба едва не вырвала сачок из его рук. Иван бросил удилище и тоже уцепился за сачок.

— Тащим сильнее! — крикнул он. — Давай резче!

Вместе с рыбой упали на дно лодки.

Возвращались на остров усталые, довольные добычей. Рыбная ловля, этот морской «поход», сблизил их, сроднил.

Остаток дня они солили рыбу, чистили лодку, купались. Уже затемно разожгли костер. На шипящую маслом сковороду клали обваленную в муке рыбу. Сидели у костра, вспоминали прошедшую рыбалку.

А ночь незаметно и беззвучно отвоевала у дня остров, море...

Тихо, спокойно на душе, и радость цветет то ли от удачной ловли, то ли от теплого огня костра. И кажется, они много лет знают друг друга, и все кругом — хорошо знакомое, родное. И Федот, сердито фыркающий на огонь, и озеро с его родниками, и спящий под крыльцом дома уж...

— День сегодня особенный, — сказал Олег.

— Да, теплый, — подбрасывая в костер ветки, отметил Иван. — А улов, действительно, особенный...

— Улов... Меня, Иван, тоже как рыбу поймали и — на остров. Но это лучше, чем сидеть в железной клетке.

— В клетке?

— Отец Нины быстро узнал о наших отношениях. Отправил ее учиться в другой город. Чтобы мы не встречались. Наверное, думал: увлечение у неё. И оно пройдет...

— Как же вы познакомились? Слишком далеки вы...

— Верно. Не должны были встретиться. Но — случилось. Она приехала к подруге. Та жила на улице, где располагалась наша фирма. Там случайно и увидел ее. Засмотрелся и упал. Неудачно: чуть не сшиб ее с ног. Хотя именно падение дало возможность познакомиться с ней. Из моей папки вылетели листы бумаги, документы. Их стало ветром раскидывать по тротуару. Вместе начали собирать, и — бац! Столкнулись лбами. До боли, до звезд в глазах. Кругом люди, машины, а мы сидим на корточках, потираем лбы и смеемся. Видим только друг друга! Мы двое. И все! Остальной мир исчез. Не помню, говорили мы или молчали. Было — по-ра-же-ние. Поражение глаз, слуха, души. Вроде все слышишь, видишь, но словно находишься в другом измерении, в ином — ирреальном — мире и состоянии, где не нужны ни слова, ни слух... Проводил ее до подъезда. И позабыл спросить номер ее телефона или пригласить на свидание. Кинулся к подъезду, долго стоял, ждал... Увиделись через неделю. И уже не могли не видеться. И все — все изменилось, все стало другим...

— Мне знакомо это состояние, — сказал Иван.

— У тебя — это было?

— Никогда не говори о любви — «было». У нее нет прошедшего времени.

— Точно. «Нет прошедшего времени»... Но если двое любят...

— Все и всё против них.

— Не хочется так думать. Но нашлись люди. Донесли. Намеревались меня уволить, но я слишком много знал о фирме. На какое-то время оставили в покое. Неприкрыто начали следить. И все же нам удавалось видеться. Однажды к нам в фирму приехала женщина. Я подумал: заказчица. Сидели, разговаривали. Вроде просто... Вроде. Потом почувствовал, что это посещение неспроста. И не ошибся, женщина оказалась мачехой Нины.

— Мачеха? — задумчиво спросил Иван. — Когда я уезжал на остров, хозяин был вдовым. Правда, с того времени много времени утекло...

— ...Для чего она приходила тогда, я не понял. Вернее, не придал значения. На мой вопрос о мачехе Нина отозвалась хорошо. У них было много общего, особенно сблизил их стихи.

Она еще не раз приходила на фирму, будто по делам. Как-то предложила встретиться в кафе. До этой встречи не понимал: зачем ей это? Я-то думал, что она хочет узнать меня поближе. Может, предложит новую работу. Я даже был благодарен ей, мечтал: поможет нам с Ниной наладить наши отношения с отцом Нины или... Словом, не будут следить за нами, не станут лезть в душу. Но я ошибался. Сидим в кафе, она берет мою руку, гладит и смотрит в глаза... Ты знаешь, Иван, такие взгляды... Тут до меня дошло. Выдернул руку и поднялся из-за стола. Она с улыбкой говорит: «Сядь, Олег! Будь умницей. Я — взрослая женщина, и ты не мальчик. Я для тебя много чего могу сделать, а Нину оставь в покое»...

Я схватил со стола хрустальную вазу с цветами и содержимое опрокинул на нее...

— Круто!

— Меня коробило от ее поносных слов, от «Нину оставь в покое». Даже сейчас не по себе. А тогда... После этой встречи нас с Ниной разлучили надолго. И все-таки я отыскал ее в другом городе, и мы ударились в бега. Уехали в глухую деревню, сняли дом. Жили тише воды ниже травы. Сторонились, опасались людей. Выходили на улицу, когда темнело. Вскоре осмелели. На велосипедах ездили в лес за грибами, на речку, в магазин. Месяца через два нас выследили, нашли ищейки ее отца.

— Да-а, хозяин это умеет.

— ...Нину отослали в неведомые мне края. Лишь бы подальше от меня. Следом мной занялись. Отвезли в один из пригородных коттеджей ее отца. Решетки на окнах, бдительная охрана, в туалет под конвоем, редкие прогулки тоже с охраной. Я превратился в зэка. Правда, неплохо кормили, и я продолжал работать. Тогда-то и взломал банковские счета ее отца и его фирм.

— Зачем? Хотя...

— Деньги могли, так я думал, стать нашей защитой. Условием.

— Условием?

— Да. Я хотел, чтобы они оставили нас в покое. Снова приезжала мачеха Нины. Я отказался с ней разговаривать. Она оказалась настырной. Приедет, сидит напротив меня и говорит, несмотря на мое молчание. Однажды позволила себе... лишнее. Я ударил женщину впервые в жизни! По щеке. Отстала. На время. Во время очередной прогулки мои охранники отвлеклись чем-то на дороге. Я метнулся к лесу. Думаю: «Стрелять вряд ли решатся». Они закричали, припустились бежать за мной. Долго блуждал я по лесу. На каком-то полустанке удалось сесть на проходящую электричку. Через три остановки меня сняли с поезда контролеры. Дождлся, сел на следующую. Добрался до города. У знакомых попросил денег взаймы. Нанял такси и поехал ее искать.

— Нашел?

— Да. Это целая история — как я ее искал. И мы опять совершили побег. Теперь решили скрыться в большом городе. Там легче затеряться среди множества людей, чем в глухой деревне. Ошибались! Нас вычислили еще быстрее — через месяц. Виноваты были наши доверчивость, наивность, вера в людей, граничащие с глупостью. Люди за деньги продавали нас. Даже наши знакомые, друзья.

— Бывает... — вздохнул Иван.

— Хочется думать, верить... Может, раньше мир был иным...

— Вряд ли.

— То, что раньше люди знали под словами «честь», «ложь», «истина», «любовь», сейчас размыто. Обесценено. Все продается, все покупается. Мы — рабы денег. Я в этом убеждался, когда нас с Ниной раз за разом предавали.

Нами торговались и продавали. Мы были не людьми, а товаром, неодоушевленными вещами.

После этого меня и поместили в железную клетку. На прогулку не выводили. Кормили плохо. Наверняка убили бы, если бы не деньги, увиденные мною у «хозяйина». Приезжала мачеха, сообщила, что Нина, порезав вены, находится в больнице. Думал, с ума сойду! Темная комната, матрац на полу, ведро для нужд в углу. Ходишь по клетке, в душе — не приведи Господи! Пожалуй, взвоешь волком. Этим воем охранников пугал...

Олег продолжал рассказывать, а Иван смотрел на него, на свернувшегося у его ног ужа, на огонь костра и думал, как знакомы и до боли понятны переживания Олега. А ведь, наверное, сотни или тысячи лет назад сидели вот так же у костра люди и рассказывали то же самое... Пройдут сотни лет, и опять будет гореть костер, и другой человек снова расскажет свою историю любви. Может быть, в другой стране, на другом языке. Но история повторится. Только окончания не будет...

Вспомнилась, параллельно рассказу Олега, их история.

Они прожили вместе два года. Счастливо, светло. Обычно с работы Она приходила позже Ивана. Встречал Её в прихожей... Она, целуясь, обшаривала его карманы — искала написанные Иваном записки, посвященные Ей! Не находя, продолжала поиски в ванной, на кухне. Он прятал их в разных местах. Это напоминало детскую игру. Он любил смотреть на Неё, когда, улыбаясь, Она читала записки. И находила в них признание — очередное! — в любви и ласковые прозвища, предназначенные Ей: «Облачко пушистое», «Родник неиссякаемый», «Камешек цветной». Насчет «камешка». Она не поняла и обиделась. Но Иван объяснил, что где-то на морском или речном берегу лежит множество отшлифованных волнами камней, и есть лишь один-единственный, волшебный, переливающийся соцветиями красок «камешек». И если найти его, произойдет необычайное чудо. «Какое чудо?» — спрашивала Она. А Иван целовал Её в уголки губ — там всегда жила готовность улыбнуться — и отвечал: «Летом поедем на море, найдем его, и ты увидишь Чудо». «Ура-а! — кричала Она и бросалась к нему на шею. — Мы едем на море!» И перед сном Она часто спрашивала его: «Ты уверен, что мы найдем его?» «Уверен», — отвечал Иван, успокаивая Её.

Не нашли...

Только после этого объяснения Она улыбнулась. На третьем году их совместной жизни она стала подолгу задерживаться на работе, да и он нередко возвращался довольно поздно — затягивала работа. И не одна. Отдежурив в охране у хозяина, Иван шел на подработку. Надо было выплачивать кредит за «однушку». И чтобы она стильно одевалась, ни в чем не нуждалась. И продолжал писать записки. Правда, она не всегда находила их...

Потом она исчезла. Без объяснения, без причин. Иван пришел с работы и с порога ощутил щемящую и неясную тревогу. На кухонном столе нашел короткую записку от Неё: «Прости, Иван, камушек цветной тебе придется искать

без меня». Началось дикое и безудержное пьянство с другом, со случайными людьми. Во хмелю попал под машину. С переломами долго лежал в больнице. Выручил Филатов. При выписке из больницы посадил с провожающими в поезд. И вот он — на острове.

Странно... После тех событий прошло несколько лет, и кажется, что это происходило не с ним, а с кем-то другим...

...Костер почти догорел, лишь кое-где из черных углей, покрытых сизым налетом пепла, вспыхивали оранжево-красным огоньки. Олег спал. Иван не решился его разбудить и подбросил ветки в засыпающий костер. Не хотелось идти в дом. Еще Ивану вспомнился вчерашний звонок Филатова, который до тошно интересовался здоровьем Олега. Иван лаконично ответил: «Слаб очень! Двигаться не может, но начал кушать». Сказал бы истинное положение дел, то через пару дней за Олегом бы приехали... Почему он так поступил, он и сам толком не мог понять. Филатов опять настойчиво предупредил Ивана: «Не дай Бог тебе его упустить!» Иван без предупреждения осознал опасность ситуации. Но на душе почему-то не лежала печать страха или волнения за свою жизнь. Единственно жалко было вот этого спящего человека и что не нашел «цветного камешка». И обидно, что уходит из его жизни остров, с его озером, домом и «жилъцами»... Ведь здесь, на острове, пусть не принадлежащем ему, почувствовал дыхание свободы, тесную связь с окружающим его миром. На острове нет времени, а есть закаты и восходы, есть темнота и свет. И это так здорово — не замечать бега времени! А просто жить...

Утро родилось хмурым и неулыбчивым. Как и Иван. Ветер гнал к берегам острова злые, пенистые волны. Следовало бы отложить поездку в город, но в деревьях и у озера перекликались птицы, предвещая хорошую погоду. К тому же кончались запасы продуктов. На всякий случай Иван спрятал весла в кустарник. Он хотел верить Олегу, но в жизни много чего бывает непредсказуемого...

Птицы не обманули: тучи быстро рассеялись. Золотые глаза солнца зорко посмотрели сквозь листву деревьев, разглядывали озеро, дома, Ивана. И он улыбнулся.

У лодки его поджидал Олег. Помог забросить в нее вещи. Ёжась от утренней свежести, попросил:

— Можно с тобой в город поехать?

— Нет.

— Ты думаешь, я...

— Да, — прямо ответил Иван, не поднимая головы, прикрепляя мотор к лодке.

— Зря ты так думаешь обо мне. Я ведь после вчерашнего... — не договорив, он поплелся к Большому дому.

Иван посмотрел ему вслед. Вспомнились рыбалка, разговор у костра... Крикнул Олегу:

— Эй, куртку мою надень, а то замерзнешь!

Он увидел, как встрепенулся Олег, побежал в дом и быстро вернулся обратно.

«Восстановился парень». На мгновение всплыл разговор с Филатовым. Позвонить ему означает заложить Олега, Нину — в сущности, и себя, и память о Ней. Он не знал дальнейшего поворота судьбы, но ощущал, что надвигается гроза. И, видимо, придется побороться, спастись, как это было в недавнюю бурю и шторм. Тогда он сумел привести лодку к острову, приведет ее и в этот раз...

Ветер у берега хозяином ловко обшарил их лодку, проверил на прочность их одежду и побежал дальше по своим делам, напоследок озорно бросив в лодку горсть песка. Где-то на окраине города, среди гула машин и людей, запылало прокукарекало петух. Ему откликнулся другой...

Иван с Олегом рассмеялись. Так контрастно с городским шумом и неожиданно это прозвучало.

Они быстрым шагом прошли через новостройки и попали в старый город. Не спеша ходили по истертым веками камням мостовой, по узким улочкам, посидели в открытом кафе у фонтана. Выпили по кружке холодного пива. Побывали в «Букинисте», где Иван получил деньги за проданные акварели и отдал новые работы. Больше удивило Олега, что Иван выставил его «камешки» с росписью, но промолчал.

— Не обиделся? — спросил Иван, когда они вышли из магазина.

— Наоборот! Они Ане понравились... я мог бы подарить...

— Так в чем дело? — улыбнулся Иван.

Пошли на уличный «вернисаж». Посидели с художниками на скамейке. Смотрели их работы. Потом увидели: отчего-то все художники вдруг затихли и внимательно смотрят на бродячего пса, ничем не примечательного, разве что остановился, поднял ногу и пописал на одну из картин. И никто не бросился отгонять его. Все начали поздравлять художника, чью картину соизволил оросить пес. Выяснилось: художники заметили, что, если уличная собака пописает на картину, та обязательно в тот же день будет продана. Тут рождались и жили свои легенды и мифы. Как-то пришел сюда добротный одетый солидный человек и спросил: «У кого самая дорогая картина?» Ему показали работу. Он вынул кошелек, рассчитался, небрежно кинул работу в необъятный джип и укатил. Поняли: человек считает хорошим то, что дорого...

Закупили продукты в супермаркете. Иван отошел от кассы и поискал глазами Олега. Тот исчез. Иван, еще не веря, обошел весь магазин. Его заколотило до дрожи в руках. Он поверил человеку и ошибся в нем. Это самое тяжелое. Он зачем-то купил пачку сигарет, хотя бросил курить лет десять назад, и закурил, закашлялся до слез в глазах... Скомкал пачку с сигаретами и кинул в урну.

На рынке механически и равнодушно покидал фрукты в рюкзак. По пути завернул в забегаловку, выпил полный стакан водки. У него приторно и слад-

ко закружилась голова. Он грузно опустился на ступени. Кто-то спросил: «Вам плохо?» «Да, плохо», — ответил Иван. «Помочь?» — «Да, пристрелите меня». Человек отшатнулся от него и выругался.

На голодный желудок водка легла тяжело. Ивана мучило. Сумки, рюкзак тянули его к земле, уговаривали отдохнуть. Трудно и медленно спускался по крутояри к пристани. Кто-то дернул из его рук сумки. Иван не хотел их терять, рванул к себе.

— Силен! — засмеялись знакомо в ответ. — А я думал помочь...

Иван смотрел на Олега и решал: дать в морду или?.. Ноги у него подкосились, и он мешком осел на асфальт.

Олег носил сумки в лодку и на ходу рассказывал:

— Рядом с маркетом — книжный магазин. В нем столько новинок! Увлёкся. Вернулся в магазин, тебя не нашел. Посчитал за лучшее — идти на пристань к нашей лодке.

— К нашей... говоришь. Это хорошо сказано — к «нашей».

Олег, кажется, догадался о состоянии Ивана и с долей опасения спросил:

— Доплывем, Иван?

— Не сомневайся.

Пока плыли, откуда-то опять появились тучи, усилился ветер. Под дождем носили сумки в дом Ивана. Сильно промокли. Растопили печку. Вроде не нужна она в теплых заморских краях, но Иван мечтал ее иметь, как в родительском доме. Сам и сложил. Вместе готовили ужин, под шум дождя, вспоминая старые улицы города, художников, «вернисаж»...

Гроза закончилась. Только вдалеке еще были слышны глухие раскаты грома. Долго сидели и говорили возле теплой печки. И детство вставало перед глазами Ивана. До онемения от мороза рук и ног катались на лыжах, санках. Домой возвращался в темноте. «Ах ты, анчутка! До ких пор можно на улке шастать, — ворчала бабка Прасковья. — Весь изморозился! Лезь на печку». Он с трудом сдирал обросшие льдом валенки, варежки, штаны и лез на печку. Фуфайка и теплые кирпичи быстро согревали Ивана. «Баба, есть хочу!» Бабка Прасковья приносила ему кружку молока и большую краюху ржаного хлеба. Какой необыкновенно вкусный был хлеб, с хрустящей корочкой, — бабка, снимая круглую лепешку с противня, сверху мазала его гусиным пером, макая в подслащенную медом воду. Он помнит теплый свет, вечерние посиделки, на которые приходили соседи, допоздна обсуждая деревенские новости... Под тихий говор, разомлев от тепла и еды, Иван засыпал...

Олег слушал его и улыбался про себя. Иван не заметил, что вспоминает детство вслух...

Перед сном открыли окна, свежесть хлынула в дом.

Олег не захотел идти в Большой дом. Иван поместил его на раскладушке.

Спустя три дня, когда они затаскивали лодку на берег, Олег обронил как бы ненароком:

— Она приезжает сегодня.

— Она? — не понял Иван. — Кто — «она»?

— Нина.

Иван растерянно посмотрел на Олега.

— Не смешно.

— Но это факт!

Иван все еще не понимал. А может, это шутка?

— И что?

— Надо ее встретить, Иван.

Тяжело ступая, Иван пошел к дому, забыв про пойманную рыбу. Олег взял садок и направился следом за ним.

Через час-полтора, переосмыслив то, что ему сообщил Олег, он спросил:

— Как она узнала, что ты на острове?

— От меня.

— Когда ты успел ей сообщить? У тебя же нет телефона...

— В «Букинисте» Аня мобильник одолжила. Иван, мы на острове день-два побудем и уедем!

— А ты не думал, что вы лезете в пасть льву?

— Им в голову не придет искать ее на острове! Ну... если ты не сообщишь ее отцу.

— Ладно, — махнул рукой Иван. — Только я за вас в ответе перед ним.

— Иван, поехали с нами.

— Куда?

— Белый свет велик. Купим остров...

— Из-за денег он удавит вас, убьет! Нину-то, может, пощадит...

— Не найдет! У меня спрятаны в надежном месте документы — новые паспорта с новыми фамилиями. Тебе тоже сделаем.

— Нет. Спасибо. У меня своя дорога...

— Грустно... — сказал Олег.

— Как есть... А грустить — не время. Когда едем встречать?

У Олега заблестели глаза.

— Давай сейчас и поедем. Она будет ждать нас у «Букиниста».

Быстро собрались. Через несколько минут лодка, набирая скорость, направилась к городу.

Иван остался ждать Олега с Ниной на пристани.

Посматривал на чаек, летающих над морем, на лениво плывущие в синеве неба белоснежные облака, и рождалось в нем веселое, отчаянное настроение. Да пошли они — к ядерной бабушке! — и хозяин, и Филатов, и иже прочие! Он поможет этим двоим. У него с Ней не получилось, не состоялось, так пусть у

них сложится жизнь, судьба. А если его, Ивана, убьют — невелика потеря: никто не заплачет, некому.

Иван с облегчением вздохнул: решение принято. И оно освободило его от неведомого душевного груза и от сомнений. Еще он подумал о родине. Где-то далеко-далеко в заброшенной деревне стоит опустевший родительский дом. И ждет его. А возле окон дома качает ветками рябина, посаженная матерью, вся в крупных красных гроздьях ягод. Под ней скамейка, на которой любила сидеть мама... И вспыхнуло в Иване давнее жгучее желание: увидеть дом, пожить в нем. Потрогать вещи родительские, прикоснуться к детству, к отцу, матери, бабке Прасковье... Посидеть под рябиной на маминской скамейке...

Незаметно мысли его вернулись к Олегу и Нине. К Ней. Вернулись с нарастающим чувством перемен и с горьким привкусом потери... В сущности, для чего жить на Земле, на этом свете, если не любить! В быстротекущем и вечно меняющемся мире — всё любит: и облака, наверное, любят, недаром иногда плачут. В любви не без этого. И море любит, и реки, берега, и чайки, и даже муравей у его ног. Все в этом мире пронизано любовью, все кругом живет ею. Когда умирает это чувство, высыхают моря и реки, сохнет лес. Умирает и человек. Хотя долгое время он вроде живет: ходит на работу, ест, спит. Но уже пришло умирание, медленное, верное. Словно дерево без дождя, точно мир без солнца. Он сохнет душой, мыслями, идеями. Некоторые из людей начинают умирать, только родившись. Не всем дается любовь, и не все умеют любить. Другие путают любовь с влюбленностью. Много и тех, кто любит деньги — больше, чем себе подобных. И верят искренне...

— Иван!

Он так глубоко ушел в свои мысли, что не заметил их прихода.

Улыбаясь, Нина поцеловала его в щеку.

— А я вас помню. Не раз видела в нашем доме, в парке.

Иван хотел сказать, что — да, тоже помнит, но знал ее девочкой, а теперь перед ним стояла стройная взрослая девушка. У нее было удлиненной формы лицо с неожиданными для блондинки черными глазами, с коротким, хорошей скульптурной лепки носом, на переносице еще сохранились детские веснушки. Вся она светилась радостью встречи. И этот свет, идущий изнутри всего ее существа, хорошо был знаком Ивану. Так же «светилась» Она.

Олег, не отрываясь, смотрел на нее...

— А в том парке однажды, — вспомнил Иван, — мы с ва... с тобой искали...

— Ручку! — вскрикнула Нина. — С музыкой!

— Точно.

— И колени у нас после были зелеными от травы.

— Ручку-то нашли? — смеясь вместе с ними, спросил Олег.

— Нашли. Правда, музыка не играла...

Медленно и неохотно уходило за горизонт не догулявшее свое солнце. Небо, подожженное светилом, полыхало красно-оранжевым, а над островом светилось густым ультрамарином.

Когда Иван попытался оставить их одних, вернулись на остров.

— Успейте! — подмигнув Олегу, засмеялась Нина и попросила: — Покажите остров.

Около озера она познакомилась с ужом и Федотом. Нисколько не удивилась тому, что к Олегу они потянулись, точно давно были с ним знакомы. «А к нему, — говорила Нина, целуя Олега то в нос, то в губы, то в перевязанную руку, — всегда лезут уличные собаки и коты. Сам, наверное, когда-то был одним из них». «Конечно, был! — соглашался с ней Олег. — Мы все когда-то кем-то или чем-то были:

Я к гончару зашел: за комком комок
Клал глину влажную на круглый свой станок:
Лепил он горлышки и ручки для сосудов
Из царских черепов и из пастушьих ног.

— Еще не все потеряно: когда-нибудь в будущем станем кем-то или чем-то.

— А я бы хотела быть... да вот одним из этих камешков, только...

— Цветным, — вдруг подсказал Иван.

Она удивленно вскинула на него черные обжигающие глаза.

— Да. Как вы угадали?

Иван пожал плечами.

— ...Лежала бы вечно на этом берегу, смотрела на море, на небо, как там загораются и меркнут звезды...

— Люди иногда наступают на камни, — сказал Олег. — Будет больно.

— Не наступят! — возразила Нина. — Человек увидит необычный цветной камешек, увидит в нем душу, а я исполню его мечты. Вот!

— Здорово! А может, тут, на острове, есть такой цветной камешек, Иван?

— Может, и есть, — улыбаясь им, сказал Иван, — но надо долго искать. Если нет, значит, он есть на другом острове, на другой Земле...

Поздним вечером они ушли в Большой дом.

Иван искупался в озере и, вернувшись к себе в дом, сразу лег в постель. Пробовал читать Геродота, но неожиданно его сморил сон.

Утром он проснулся с улыбкой на лице и с книгой на груди. Вспомнил вчерашнее... Скорее всего, они долго проспят. И можно не изменять обычному распорядку его жизни на острове.

В чистом небе уже хорошо грело солнце. Совсем рядом виднелся город, не замутненный испарениями и дымом.

Иван бежал по знакомым тропинкам и вдруг поймал себя на мысли, что словно прощается с морем, с озером... Против его разума и настроения уже все сильнее и сильнее овладевало им тревожное, смешанное с грустью чувс-

тво. Он бежал все быстрее. Он никогда так не бегал. Но этого требовала душа. У озера он задохнулся от бега, от нехватки воздуха. И упал на песок. Деревья низко наклонились над ним. Они касались его тела и, казалось, хотели успокоить его. А может, прощались. Иван жадно вдыхал запах листьев, старался запомнить все окружающее — озеро, рисунком берегов напоминающее лодку, стебли осоки, камыша. Они словно привет с родины. Откуда они здесь взялись? Почему он раньше не приметил? А именно сейчас. Что-то мягкое коснулось его ноги. Увидел ужа. Друг. Безмолвный. Безвредный. Понимающий. Легко прикоснулся к нему рукой, погладил. Уж замер от ласки. А может, не все так и плохо? Надо верить. Может быть, в его жизни будут другие острова...

После купания на озере у Ивана улучшилось настроение. Тревога и печаль спрятались на донышке души и «гудели», точно провода в ненастье. Или так ныло сердце...

Вскоре все это заглушили дела, заботы. Выругал себя за позабытый вчера на лодке мотор. Ведь был случай, когда ночью к острову бесшумно приблизилась лодка с людьми. Выручила Динка. Сняли бы мотор, и пиши пропало.

Тщательно готовил обед, сам он был неприветлив в еде. И много ли ему требовалось одному? А тут — гости. Нет, они для него близкие люди. Они доверились ему, надеются на него. Если бы он смог...

Олег с Ниной появились в полдень. И сразу отправились купаться. Вернулись веселые и проголодавшиеся. Нина попросила: «Иван, научи меня плавать. У Олежки получается». «Получается! — саркастически парировал Олег. — По два метра в час».

К вечеру жара спала, и они отправились «путешествовать» вдоль берегов острова. На восточной оконечности, где деревья вплотную подходили к морю, был крутой глинистый обрыв. Около него, будто на речке, хороводили омута с разнообразной рыбой. Больше часа ловили. Нина тоже пробовала. В очередной раз, забрасывая леску, крючком умудрилась зацепить рубашку Олега. «Вот это да, какую я крупную рыбу поймала!» — смеялась она.

— Тебе я рад пойматься! — ответил Олег.

На южной пристани она пристально всматривалась в далекую линию горизонта, словно ища что-то.

— А там есть еще острова?

— Говорят, есть. Если плыть километров семьсот.

— А хорошо бы... — сказала она и замолчала, не договорив.

Долго купались, учились плавать. Потом отдыхали на теплом песке и решили, что «опять разведем костер, пожарим рыбу».

До полуночи просидели у костра. Пили вино, читали стихи Блока. А рядом с Олегом спал еж, и слушали их деревья, звездное небо и притихшее море.

На следующее утро Ивану не хотелось вставать с постели. Лежал с закрытыми глазами и пытался детально восстановить в памяти сон. Будто вышел он

из дома и видит: стоит человек, одетый не по здешней погоде — в серый длинный сюртук старомодного покроя, черные брюки, заправленные в сапоги. Они поздоровались. Смутно знакомым показался Ивану его облик. «Как вы оказались на острове?» — спросил он этого человека. «Не знаю, — сознался гость. — Это не столь важно. Как говорится:

Люблю высокие соборы,
Душой смиряясь, посещать,
Входить на сумрачные хоры,
В толпе поющих исчезать.

Ивана осенило: его гость — это же... Александр... «Да, да, — не дав ему досказать, словно кого-то опасаясь, прервал его человек и сказал с сожалением, с укоризной кому-то неведомому: — Больше любили мои стихи... А меня... по стихам моим... Но меня надо было любить не как поэта. Я просто — Саша! Или, как звала меня матушка, Сашуня. Однако оставим меня в покое. Я ведь пришел к вам, чтобы познакомить с Прекрасной Дамой». Он, точно фокусник, отступил на шаг в сторону. Рядом с ним стояла Прекрасная Дама и смотрела на Ивана удивительно зелеными, чуть раскосыми глазами. Высокие скулы, изящный рисунок носа, губ. Азиатские черты едва уловимо проскальзывали в её внешности. На ней было надето белое, до щиколоток платье. Она широко улыбнулась и протянула Ивану руку...

Неожиданно прозвенел мобильник. Иван нехотя взял его.

— Привет, Иван.

Звонил Филатов.

— Мы — на острове.

Иван матюгнулся. Одевался и думал: «Скорый и внезапный приезд Филатова неспроста! Кто-то успел выследить, донести. Не иначе».

Вышел из дома и увидел: рядом с его лодкой покачивался на волнах белый катер. Возле него копошились четыре-пять человек. А Филатов уже бойко подходил к нему.

— Не ожидал? — спросил он, улыбаясь.

— От вас чего угодно можно ожидать, — хмуро отозвался Иван.

— Ну и ты не лыком шит! Как Русев? Готов?

— К чему?

— Вот не надо так разговаривать, Иван! Ты же прекрасно понимаешь, о чем речь. Хотя об Олеге я мог бы и не спрашивать: его здоровье в норме, судя по вашему путешествию в город...

— Донесли уже...

— А ты как думал, что мы не в курсе? Если бы пошло не в то русло, ты, Иван, голову бы положил. И мы — тоже. За этим стоят большие деньги. Очень большие! Еще одно немаловажное обстоятельство: дочь хозяина здесь, на острове?

— Ищите!

— Видимо, от островной жизни отупел ты, Иван. Или хочешь казаться таким. Не пройдет!

— Зато вы, смотрю, стали острыми, как шило в жопе, и всепонимающими! — разозлился Иван. — Крылья за спиной не выросли, а?

— Ладно, Иван. Я тебя предупредил. А мы, кстати, живой подарок тебе привезли. Постарались!

Филатов ухмыльнулся и крупно пошагал к Большому дому.

От лодки к Ивану направлялась женщина. В ее походке почудилось ему что-то уже давно позабытое, но знакомое... Чем ближе она подходила, тем сильнее щемило у него сердце.

— Здравствуй, — сказала она без улыбки.

— Ты?! — не веря, выдал из себя Иван. Мысли в бешеном вихре кружились в голове. Он пытался понять, осознать...

— Я, Иван, я.

Он так сильно стиснул ее в объятиях, что она вскрикнула. Неловко и торопливо целовал ее в шею, щеку, вдыхал хорошо ему знакомый запах волос и задышался от волнения. Столько ждал ее! И вот она — на острове!

Её кулачки вдруг крепко и жестко уперлись ему в грудь.

— погоди, Иван! Давай поговорим.

— Хорошо! Давай! Ты же знаешь...

— Не говори больше ничего! Я — с ними, Иван...

— Да, ты с ними приехала...

— Ты не понял: я приехала за Олегом с Ниной.

— А при чем тут ты?

— Догадайся с трех раз.

Иван отступил назад, покачнулся, будто его больно и сильно ударили по голове.

— Та-ак... — протянул он.

«Странно, — подумалось ему. — Какой сегодня серый день! Даже трава, как от пепла, серая, и небо, и деревья — все серое». Он поднял к лицу свою руку. Она тоже была серой, как в черно-белом кино.

Он куда-то пошел — бесцельно, бездумно. Вокруг него серое все сгущалось, темнело, как в наступающих сумерках. Он сел на серый песок около серого озера.

Она, стоя над ним, что-то говорила, даже кричала, словно глухому. Через некоторое время смысл ее слов стал доходить до него.

— ...Мы были молоды, много не понимали. Только — мы, только — наше чувство! И я любила тебя...

— У любви нет прошедшего времени, — глухо пробормотал Иван.

Она принужденно засмеялась, с холодком в голосе сказала:

— У тебя — нет! А у других — бывает и прошедшее, и настоящее. Знаешь, Иван, я насмотрелась, как по-нищенски жили мои родители. Вечное дрожание

над каждой копеечкой, извечная проблема: как накормить, одеть, обуть? Я не хотела жить как они. Да, они хорошие, честные! Но кому нужна в этом мире их честность?

— Разве плохо мы с тобой жили? — серо и тихо спросил Иван. — Купили квартиру, я старался, вкалывал...

— Квартира, старался! Эх, Иван, Иван... Это и был наш «потолок». Понимаешь?.. Догадалась: все — больше не ожидай! Не светит! Особенно после знакомства с ним...

— Когда успела?

— Однажды ты взял меня с собой — кажется, зарплату получать. Я ждала тебя у ворот его дома. Подъехала машина, он вышел и увидел меня. Даже дело-то не в нем. Я бы со временем все равно ушла. Ну а после знакомства увидела и узнала другую жизнь, где, не задумываясь, покупаешь любую понравившуюся вещь, машину, дом, едешь отдыхать в любую точку мира, не ущемляя себя ни в чем! Деньги — это свобода.

— Ну и как живется на свободе?

— А хорошо живется, Иван! Не ерничай! Не стоит. За нее тоже ведь приходится платить.

— И ты заплатила, — устало сказал Иван. — В общем-то, недорогоим.

— Да. Заплатила. Думаешь, все так легко?

— Вижу, как тебе «тяжело».

— Хотела без расставаний, объяснений! Лучше обрубить сразу и навсегда.

— И тебе это удалось.

— Мне очень плохо было. Вначале. И видеть тебя больно...

— Вот и отправили в ссылку — на остров.

— Так лучше тебе и мне. И — всем.

— Да что ты понимаешь: лучше — хуже! Хотя... может, ты и права. Мне неплохо жилось на острове. Я тут многое узнал. В том числе и себя. А теперь и о тебе...

— Этот остров твой. Так он сказал.

— Нет. От него и от тебя я ничего не приму!

— Ошибку делаешь. А впрочем, как хочешь. Пожалуй, остров неплох. Я займусь им. Снесу два этих допотопных дома, деревья, засыплю болото.

— Это не болото — озеро!

— Значит, засыплю, закопаю озеро.

— Не сомневаюсь. Ты уже закопала то, что было между нами. Смотри не закопай себя.

— Хватит читать нотации! — жестко сказала она. — Собственно, я приехала — напомню — не к тебе. А за ними.

— Оставь их в покое! Они любят друг друга. Тебе мало нас?

Не ответив, она ушла.

После разговора с ней у Ивана тупо ныло сердце, и мысли исчезли, испарилась, словно разум застыл в коме.

Серый диск солнца медленно, будто в замедленной киносъемке, падал в море.

«Не тужи, Ваня, — сказал кто-то и погладил по голове. — В жизни всякого лиха хватает!»

Он не поднимал головы, зная и без того: бабушка Прасковья...

«Не горюй. Пройдет горе, как серая помха, как пороша непроглядная. А ты поплачь, милый, легче будет»...

Очнулся Иван и не поймет — где сон, где явь. В глазах мельтешат темные пятна, болью отзывается затылок. Но все кругом разноцветное — синее небо, зеленая листва деревьев, золотистый теплый песок, на котором отпечатались ее следы...

Иван встал, отряхнулся от песка и словно еще от чего-то, от кого-то ненужного, от уходящего... А женщина, что здесь была, — не Она. Эта сегодняшняя — грубая подделка под Нее. Фальшивка. Та, прежняя и любимая Иваном, где-то ходит, смеется, поет, грустит и ждет его. И он найдет Её!

Прощаясь, он долго и ненасытно купался в чистой, прозрачной воде озера. Нырять ко дну, видел, как бьется, точно большое сердце, душа озера, жилка родника, вздымая вихорь песка.

В доме Иван начал было собирать вещи, акварели, потом решил, что сделает это завтра. Надвигающаяся ночь станет его последней на острове.

Он неподвижно лежал на кровати, пока окончательно не стемнело. По полу взволнованно топтал Федот.

Иван поднялся, сказал ему:

— Идем. Накормлю.

Вышли с Федотом на крыльцо. Налил в чашку молока.

Напротив светились окна Большого дома. Значит, они остались тоже... Что будет с Олегом и Ниной? Решат, что это он предал их. Именно так и подумают.

В полночь Иван зарядил ружье и тихо вышел из дома. «Хорошо, что в окнах по-прежнему горит свет, — подумал. — Это поможет быстро найти их. Наверняка Филатов со своими людьми выпили, расслабились. Но вначале надо подготовить весельную лодку. И бесшумно отплыть от острова».

На берегу Иван увидел чью-то темную фигуру. И лодки на месте не было. Это его удивило и насторожило. Но терять нечего, нужно действовать.

От его неожиданного появления человек инстинктивно отшатнулся.

В нескольких метрах от берега он успел увидеть неясный силуэт удаляющейся лодки.

— Как ты напугал меня, Иван! — с облегчением произнесла она.

Смутная догадка мелькнула у Ивана. Чтобы окончательно удостовериться, он спросил:

— Там в лодке... это...

— Олег и Ниной, — подтвердила она. И в свою очередь спросила его: — Что, не ожидал подобного исхода? Один ты благородный!

— Я рад, что ты...

— А ружье-то для чего припас? Догадываюсь: для Филатова, для меня и прочих. Молодец, Иван! Герой!

— Зачем ты так?

— А что: думаю, кокнул бы нас — и в море. Филатова и его людей будут искать, а меня — нет. Я ведь сейчас для мужа, для всех — отдыхаю на Кипре.

— Ерунду не городи! Лучше скажи, почему они тебе позволили увести Нину с Олегом? Как это удалось тебе?

— Позволили! — со смешком сказала она. — Спят они хорошо от вина. И от снотворного.

Иван хотел еще что-то спросить, но с моря, куда уплыла лодка, едва слышно донеслись чьи-то крики. Он застыл, прислушиваясь. Теперь уже явственно оттуда донеслось отрывочное: «...игите!»

— Они! Что это? — недоуменно спросил он.

Вместо ответа она обняла Ивана:

— Пошли к тебе, Иван. Хочу видеть твой дом...

Она почти насильно и твердо потащила его от берега.

И опять послышался затухающий крик. Затем еще. И это были не крики радости. Что-то случилось? Несомненно. Им не к месту кричать: не дай Бог, услышит охрана.

Иван освободился от ее рук, бросил ружье на песок.

Новый крик эхом докатился до берега, до него.

Не раздумывая, Иван бросился в воду. Волны, шипя, кинулись на него. Позади послышалось сухое клацанье взведенного курка.

— Иван, остановись!

— Да пошла ты... К такой-то тете! — выверился Иван. Глубоко вздохнул, поплыл. «Плохо, что море штормит!» — подумал он. Мокрая одежда туго обтянула тело, мешая плыть. Раздался сильный хлопок. В плечо больно резануло, словно кто-то с размаху вдарил железным прутом. Он ушел под воду, сдирая с себя белую рубашку, заметную в темноте издалека. Задыхаясь, поплыл дальше.

— Помогите! — донеслось до него.

Левое плечо обжигало болью. Иван плыл, тяжело поднимая руки. Он умел быстро плавать. И долго. Сейчас надо было выдержать, найти Олега с Ниной. Другого не дано!

Крики прекратились. Иван, перекрывая шум волн, закричал:

— Э-гей! Где вы?

Раненое плечо стало неметь. На минуту, отдыхая, Иван перевернулся на спину. Совсем неподалеку услышал:

— Спасите-е!

Иван откликнулся. С удвоенной энергией поплыл на крик. Все сильнее он ощущал, как слабость овладевает им, сковывает движения. Показалось на мгновение, что он не найдет их. И тут совсем рядом увидел лодку. Он сделал рывок к ней, пытаясь поймать прыгающий борт.

— Иван!

Олег схватил его за руку. Нина, всхлипывая, помогала им. Лодка была наполовину заполнена водой.

— Оставь, Олег. Лодку перевернем.

— Мы утонем, Иван?

— Конечно, утонем! — разозлился Иван. — Если хныкать будем!

— Мы пытались откачивать воду, — со слезами в голосе крикнула Нина.
— Но она так быстро прибывала...

— Иван, мы же вчера плавали на этой лодке. И она была исправна.

Иван на это грубо выматерил их! Он видел, что они в панике, страх овладел ими. И это очень опасно — больше, чем тонущая лодка. Волны швырнули лодку, грозя утопить, нагло лезли к людям, перехлестывая за борта.

— Снимай весла из уключниц в лодку! — приказал Олегу, а Нине крикнул:
— Ищи веревку или что-то наподобие!

Они слепо повиновались, засуетились, раскачивая лодку.

— Тише вы! — рявкнул Иван. — Спокойнее!

Через короткое время лодка потонет. Он это видел, знал.

— Олег, скамейку освободи!

— Есть небольшая веревка и пакеты, — подала голос Нина.

— Разорвите пакеты. Связывайте весла и скамейку по центру и рукоятки.
Быстрее!

Они торопливо делали то, что говорил им Иван, с опаской и страхом поспрашивали на быстро грузнеющую от воды лодку.

— Крепче завязывайте узлы. Олег, будете плыть, работайте ногами, как учил.

— Хорошо, Иван.

— До берега километров пять-шесть. Около него есть подводное течение. Не бойтесь! Вас отнесет на запад. Где-то за городом выберетесь.

— Но ты ведь поплывешь с нами?

— Нет. «Плот» троих не выдержит. Не забывайте, — успокоил он их, — в отличие от вас я неплохо плаваю.

В темноте они не заметили его раненое плечо. Это вызвало бы совершенно лишние и ненужные распросы.

Лодка накренилась, полноценно хлебнула бортом воды. Совсем по-человечески закрихтев, стала опускаться на дно. Нина ойкнула.

— Крепче держитесь за весла! — крикнул им Иван.

Он нечаянно, как и лодка, захлебнулся водой. Откашлялся, искал их взглядом и не нашел. С облегчением подумал, что пора теперь самому выбирать. К боли в плече он притерпелся, лишь морщился, когда особенно резко взмахивал рукой. Онемение опустилось до локтя. Ему все тяжелее ее поднимать, делая движения. Временами Иван давал себе отдохнуть, неподвижно покачиваясь на волнах. Он догадывался, что может и не доплыть до берега. Он был на грани истощения своих сил и возможностей. Плыл, машинально вскидывая руки над волнами. Почему-то в памяти возникли картины детства. Купались в речке. Ему пять лет. Барахтался щенком неумелым, но старался научиться плавать. Пошел камешком на дно. Захлебнулся. Ребята постарше вытащили его на берег. Давили на грудь, больно били по щекам. Отдышался. Вскоре научился плавать. Целыми днями торчали на речке. Бреднями ловили рыбу — голавлей, упруго-сильных щук или колючих ершей. На берегу затуганивали костер и на прутиках поджаривали рыбу помельче. С наслаждением, с пылу с жару поедали. И опять купались...

Иван не осознавал, сколько времени он плывет. Станным и непонятым ему казалось то, что он еще двигается, плывет. Казалось, будто обречен плыть вечно. И никогда не появится берег, земля. Он потерял ориентиры в пространстве и времени. Может, вдруг подумалось ему, он вообще не плывет, а барахтается на одном месте. И все его усилия бесполезны. Наверно, к чертям собачьим, прекратить поднимать непослушные руки, онемевшие ноги и закончить мучения. Он тут же громко вслух отругал сам себя. Ему привиделась полоска земли, но это была новая волна.

Ветер начал стихать, волны, смиряясь, покорно несли на себе Ивана. Очередная озорная волна, накатываясь, хлопала его своими влажными лапищами по спине, отвешивала шлепки по голове.

Левая рука отказывалась подчиняться ему. Иван ослабел и все больше времени отдыхал. Потом вяло плыл дальше. Древний, заложенный в нем инстинкт самосохранения заставлял двигаться. И еще ему вспомнились слова отца: «Мы, русские, сильные, жилистые! Многое можем выдержать».

— Мы жилистые, выдюжим, — хрипел он в черное небо.

Ночь не кончалась, как и бескрайнее море. Оно беспрестанно шумело, подкидывало Ивана на волнах, словно издеваясь над его беспомощностью и слабостью. «А хрен тебе!» — в полузабытьи шептал он. Его тело отяжелело, тянуло на дно. Всплыли в памяти Олег с Ниной... Они обязаны доплыть. И жить. А иначе... Что стояло за этим «иначе», он не знал... Прошли тенями Она, Филатов. Хорошо, если он утонет: завтра они бросятся его искать и объявят виновником, на него повесят всех собак. Но с того света на вопрос не вызовешь.

«Что, сука, — злясь, подумал Иван, — хоронишь себя?» Эта злость придала ему силы. Невероятным напряжением он заставил себя плыть.

Ветер тоже, видимо, выдохся, устал и улетел спать в уединенную тихую гавань. Море сонно вздыхало, покачивая на своих боках измотанное тело Ивана. Кажется, оно смирилось с тем, что этого человека невозможно покорить...

Иван неожиданно всем существом ощутил дыхание времени. Оно нависло над ним, раскинув свои гигантские крылья. Оно дышало на него раскаленным запахом небес, необъятными пространствами и шептало: «Захочу — и станешь вечно плыть, скитаться по морям-океанам. Или застынешь навсегда на одном месте. Пройдут тысячи лет, а ты все так же неизменно будешь плавать в море, глотать соленую воду, видеть, как ночь сменяет день... Ты захочешь умереть, но не сможешь. Ведь смерть подвластна мне! Я смогу подарить ее тебе. Люди ошибаются: я — небездушно, лишь для плохих людей ускоряюсь. Ладно, жалко мне тебя. Живи»...

Впереди показался берег — темный, невзрачный. У Ивана даже не было сил обрадоваться. Близкий берег, проклюнувшееся через усталость чувство пришедшего спасения, вновь обретенной жизни, неожиданно расслабило его. И в нескольких метрах от земли Иван начал захлебываться, тело отказывалось повиноваться ему. Он стал опускаться на дно. И вдруг почувствовал под ногами песок. Едва перебирая ногами, он двинулся к желанному и спасительному берегу. Ноги его подломились. Волны, злясь, цеплялись за него, пытаясь унести в море.

Иван впал в сонное и равнодушное состояние. И, точно со стороны, наблюдал, как он ползет по песку. Но вскоре все — берег, небо, море — затушеввалось и исчезло, будто в комнате погасили свет...

Послышался странный прерывистый гул, словно где-то далеко заиграли на огромной трубе. Иван лежал на спине и видел, как раздвинулся полог неба. Золотистый свет осветил его. Он нисколько не удивился, когда кто-то, из ослепительного света, сказал: «Жив, человеке... Так тому и быть! Однако будь осторожен...» Золотистый свет померк. Гул затих. Свежевыстиранный синий полог неба закрылся...

II ГОРОД

Кто-то тронул его за плечо, сказал:

— Дышит. Жив!

От человека пахло свежескошенной травой или свежевыпавшим снегом. Так думалось Ивану. Открыл глаза. Над ним наклонилась девушка. Он сразу узнал это лицо с зелеными раскосыми глазами и высокими скулами. Он видел её там — во сне. Может, сон продолжается?

— Я знаю тебя. Ты — Прекрасная Дама!

От неожиданности она засмеялась. Фиолетово-синим смехом.

— А где — он? — спросил Иван. — Александр, Саша...

— Какой Саша?

— Блок...

— Он там, где ему положено быть, — сказала она серьезно и спросила: — Идти сможешь?

«Нет, — подумал Иван, — кажется, это не сон».

Занимался рассвет. Краешек солнца показался из-за темно-синего спящего моря. Проголодавшиеся за ночь чайки летали над водой.

Она помогла ему подняться и повела к стоящим на берегу домам.

Иван опирался на ее плечи и улыбался, хотя страшно ныло раненое плечо и дрожали ноги.

Она увидела его улыбку, подумала: человек не в себе. И, чтобы отвлечь его, спросила:

— Как вас зовут?

— Иваном.

— А тебя... — он замешкался на короткое время, затем уверенно сказал: — Любой. Любовью...

Она от удивления остановилась, сверкнула зелеными глазами, ища на его лице ответ.

— Откуда вы знаете?

— Потом! — сказал Иван, задыхаясь от предательской слабости, охватившей его тело. — Расскажу...

Она опустила Ивана на траву. Осмотрела опухшее багрово-синее плечо и предложила:

— Я вызову «скорую».

— Нет! — резко отказался Иван. — Я сейчас... отдохну. И пойду. Спасибо тебе!

— А если заражение крови?

— На мне, как на собаке, быстро все зарубцуется, заживет.

— Что ж... ваше право.

Она откинула со лба густые волосы, хотела еще что-то сказать, спросить, но раздумала. И быстрым шагом направилась к домам.

«Надо уйти, — подумалось Ивану. — Не дай Бог, позвонит в полицию».

Сделал попытку подняться и не смог: тело не слушалось его. Но мысль о том, что может оказаться в полиции, да еще с огнестрельным ранением, где его быстро найдут люди хозяина, заставила ползти к зарослям кустарника. В конце концов ему это удалось. Кусты надежно укрыли его от чужих глаз. Он снова впал в болезненное забытие. Видел ухмыляющиеся лица Филатова, Гуреева, то Её, то Олега с Ниной, то остров с озером, на песчаном берегу которого его ждали Федот с ужом...

— Иван! — кто-то назойливо звал сквозь проблески наплывающего тумана.

Он отвел ветки от лица.

Она растерянно осматривала берег.

Иван откликнулся.

Запахавшись, она подбежала к нему, быстро и умело обработала рану, перевязала. Из сумки вынула брюки и рубашку. Помогала ему одеваться и торопила:

— Быстрее! Скоро на пляже появятся люди.

Она крепко под руку держала Ивана. Со стороны можно было подумать, что люди возвращаются с моря, с пляжа. С трудом удерживая равновесие, он опирался на её плечо, лицом касался её волос. От нее пахло утренней свежестью, солнцем, а волосы отсвечивали густой позолотой...

Недалеко от домов она сказала Ивану:

— Отдыхаем.

Он с облегчением опустил на землю.

Солнце решительно вскарабкалось на горизонт и уселось, как и они, отдохнуть. Из города доносились голоса людей, взревела машина. Все просыпалось, оживало.

— Пора! — сказала она.

Они медленно прошли короткую улочку. Перед старым двухэтажным домом попросила его:

— Давай здесь побыстрее пойдем!

Она торопилась, словно опасаясь кого-то.

Пересекли площадку, дорогу и вошли в крайний подъезд двухэтажного дома.

Она открыла дверь в квартиру на первом этаже. Когда за ними захлопнулась дверь, одновременно посмотрели друг на друга. Она заговорщицки улыбнулась ему. Они прошли в комнату с высокими потолками, сели на диван. Старинный резной секретер, на стене висела огромная картина в золоченом багете. Напротив картины — черный экран телевизора...

На его немой вопрос ответила:

— Эту квартиру снимаю. Живу здесь одна. Преподаю в школе.

Поколебавшись, спросила:

— Откуда вы? Что с вами случилось? Но если не хотите отвечать...

Иван чувствовал изнурительную слабость.

— Позже... — сказал он. — Расскажу. Только... давай на «ты».

— Хорошо.

— И не опасайся меня. Ничего плохого я...

— Есть будешь?

— Нет.

Все плыло перед глазами Ивана, изнутри поднимался жар. Она укрыла его легким одеялом, что-то еще говорила, спрашивала, но до него ее голос едва доносился, а потом и вовсе пропал. Он не слышал, как она собиралась на работу, закрывала дверь.

Он продолжал плыть. Вокруг него все оделось в красно-черные тона — и небо, и море. Исчезла лодка с Олегом и Ниной. Он тщетно искал их. И он опять

срывал с себя белую рубашку и получал удар железным острием в плечо. На доли минуты из кроваво-темной мглы проступали лица хозяина, Филатова, Её. Они что-то кричали ему, смеялись. Она звала его. Всех их смыло черной волной. Он начинал захлебываться соленой водой. Больше всего его добивала давящая пустотой чернота. Её лапы сдавливали тело, душу. Он задыхался и кричал кому-то: «Открой небо! Дай света»... Его, как щепку, бросало с одной волны на другую. «Иван, проснись», — звали его с далекого и спасительного берега...

Он открыл глаза. Опять эти зеленые глаза, скулы, подбородок с ямочкой посередине. И сейчас, наверное, появится Саша, Сашуня? Сон продолжается. Он хотел спросить о Блоке, но она опередила:

— Очнулся?

Резной секретер, картина и падающий из высокого окна угасающий солнечный свет.

Он медленно приходил в себя, вспоминал. Болели плечо, душа.

— Люба...

— Наконец-то спала температура, — сказала она. — Два дня назад я думала...

— Два дня назад?

— Ты проспал двое суток. Бредил, просил открыть занавески. Звал кого-то...

— Извини.

— Давай сегодня все-таки покушаем.

Только сейчас Иван ощутил сосущую пустоту в желудке. Он кивнул головой, соглашаясь.

Она пыталась накормить его сама, как немощного старика, но Иван отказался. Доковылял до кухни, дрожа рукой, обжигаясь, ел наваристый мясной бульон. С перерывами.

С грустной полуулыбкой она наблюдала за ним. После помогла дойти до дивана. Случайно в коридорном зеркале увидел себя. Даже остановился от увиденного: сильно похудевшее, постаревшее лицо с ввалившимися глазами и с заострившимся носом. А окинувшая подбородок щетина старила лет на десять.

Она уловила и поняла его состояние, усмехнулась:

— Щетина не портит настоящего мужчину.

— Ты так думаешь? — смущенно пробормотал Иван.

— Однозначно. Главное, чтобы душа не обросла щетиной...

Перевязывая плечо, обронила:

— Повезло тебе: пуля прошла навывлет. Кости, по-видимому, не затронуты.

Иначе руку бы не поднял.

— Да уж, повезло — дальше некуда! — поморщился Иван.

— Слушай, Иван, — вспомнила вдруг она, — а как ты угадал мое имя? Случайно?

— Нет, не случайно, — сказал Иван. Посмотрел на нее. Зеленые глаза её с золотистыми искорками, верно, от заходящего солнца, светились теплым любопытством и еще чем-то, не совсем понятным ему. «Почему и не рассказать, — подумал Иван. — По сути, она помогает, спасает его. Он верит ей. Ведь она имела возможность и могла сдать его в полицию. Но не сделала этого. Что руководит ею? Как бы то ни было, он здесь, а не в камере и не в хозяйской клетке».

Он начал рассказывать ей про свой сон, про встречу с Сашей, с Блоком. Затем незаметно переключился на рассказ об острове, об озере, о Федоте и Динке уже. Про свою жизнь...

Давно погас вечерний свет в окнах, но она сидела неподвижно, молча, боясь потревожить, нечаянно нарушить его рассказ. Теплые сумерки и ее горячая рука на плече помогли Ивану найти верные и точные слова.

После его рассказа она почему-то быстро покинула его и ушла в свою комнату.

А он, растревоженный воспоминаниями, замерев, лежал в постели, и перед глазами, как воочию, появился остров, прикипевший к его сердцу, озеро с холодной, кристально-чистой водой, его дом с печкой, с оставленными книгами об античности. Его вольная жизнь, относительно свободная, но так влекущая к себе. Опять назойливо втерлась в память Она, ее отталкивающе-красивое, холодное лицо — ставшее чужим и далеким. Следом вспомнились Олег с Ниной. Удалось ли им спастись? А может, их нашли ищейки хозяина, Филатова? Хотелось верить, что они сумели добраться до берега и скрыться. Если бы он не кинулся их спасать, то мог бы получить остров. Наверное, мог... Но тогда он стал бы похож на Нее. Нет, такое невозможно. Иван откинул эти мысли. И опять вспоминалась жизнь на острове. Отсюда, из города, она виделась безмятежной, умиротворенной и ясной. С такими ощущениями он и заснул.

Солнечные лучи брызнули на лицо и разбудили Ивана.

Стояла тишина. На кухонном столе нашел записку: «Иван, ешь, что найдешь в холодильнике. Приду после обеда».

Тут ему впервые открылось, что для Любы он не только обуза, но и может быть опасен: не ровен час, люди хозяина нападут на его след. Этого ведь нельзя исключать. Значит, надо как можно быстрее уйти, уехать от Любы.

С этими мыслями Иван дождался ее.

Над изголовьем дивана висела полка с книгами. Он взял одну наугад, потом просмотрел все остальные и удивился: книги, как и у него на острове, состояли из античных авторов. Плутарх, Светоний, Геродот. Он с любовью трогал корешки книг. Кому, интересно, они принадлежат? Ей или хозяину квартиры? Но больше поразила его находка на секретере в хрустальной вазе. Это был с виду обычный, каких много на берегу, камень. «Вроде обычный... Нет, он дру-

гой», — с торжеством подумал Иван. Камушек когда-то был цветным. Он еще сохранил — правда, неяркую, поблекшую — палитру своих красок — синих, зеленых, желтых. А если приглядеться, то можно увидеть множество других оттенков. Откуда он здесь — цветной камушек? Может, он снится ему? Иван зажмурил глаза. Открыл. Нет, по-прежнему лежит на его ладони, едва приметно и мягко играет своими цветными боками. «Ты сер и неярк потому, — сказал ему Иван, — что потерял чувство — любовь. погоди, брат, потерпи. Не грусти. Настанет время, и ты вновь засверкаешь всеми цветами. А сейчас твоя душа молчит, спит, как медведь зимой, и ждет весны, пробуждения».

Не сдержав обещания, Люба вернулась под вечер.

И вновь эти сияющие зеленые глаза, в которых живут понимание, смешинка, перекликаясь с золотистыми искорками.

— Привет, — тепло сказала она Ивану.

— Привет, — эхом откликнулся он.

Она протянула ему пакет с бритвенным станком.

— Брейся на здоровье.

— Спасибо.

— А по мне, ты небритым лучше выглядишь. Здорово смахиваешь на чеченца, — и засмеялась: — Случайно не с Кавказа?

Иван тоже засмеялся в ответ на ее шутку.

— Вполне может быть, — сказал, помогая ей отнести сумку с продуктами на кухню. — Одно время мои родители работали на стройке в Чечне. Жили в вагончиках. Мне было три года. Однажды пришли за мной в детсад, а меня там не оказалось. Украли. Несколько дней меня искали с милицией. Обнаружили в горном ауле...

— Ну, точно! — уверенно и шутливо вырвалось у неё. — Тебя в ауле подменили: твоим родителям вместо Вани отдали чеченца.

— Наверно, — подыгрывая ей, улыбнулся Иван. — Иногда бушует во мне горячая горская кровь.

Их смех прервал звонок мобильного.

Люба взяла телефон и подошла к окну. Перед домом остановилась красная иномарка... Из нее вылез высокий мужчина...

Иван отшатнулся за штору.

— Я на минутку выйду, — нахмурясь, сказала она Ивану.

«Это её мужик», — решил он.

Она вернулась озабоченной и недовольной.

— Он обидел тебя? — спросил Иван.

Её лицо словно накрыло тенью.

— Сказала же ему: не надо ко мне приезжать.

— Бывший?

— Прошлый... настоящий... Не по душе он мне.

Глаза её, «построжав», с тоской смотрели поверх его плеча.

Чтобы отвлечь её, Иван показал на камешек морской.

— Это — твой?

Он искал подтверждение своим мыслям, пока до конца не понимая, зачем ему это нужно.

— Да, — оживилась она. — Нашла на одном из здешних островов. Чудный остров. Жить бы там и жить! Не спеша, не суетясь, не наблюдая за временем. Жить, как живут рыбы в воде, птицы в небе, деревья в роще... — она говорила, словно в трансе, мечтательно шуря свои раскосые азиатские глаза, и помогала словам плавными движениями рук. — Там, на острове, я превращалась бы в птицу, в растения; плавая в море — становилась бы волной, иногда рыбой. А могла бы превратиться и в такой вот камешек цветной...

«Как округло и весомо сказала она последние слова», — мелькнуло у Ивана. Может, она тоже видела округлые золотистые деревья, людей с покатыми плечами и золотистыми глазами, округлые дома и скамейки...

— ...Наверное, все это — деревья, камни, облака, море, земля — когда-то были людьми! А может, они создали нас...

Она потянулась всем телом, словно освобождаясь от видения.

— А камешек на острове светился разноцветьем. Как живой, дышал. Я чувствовала его дыхание. Тогда подумала: загадай я желание — он исполнит.

«Где-то я уже слышал подобное», — вспомнилось Ивану.

— Загадала? — спросил он.

Она прямо посмотрела ему в глаза.

Хотелось дотронуться до ее глаз, волос. Он поднял руку. И не решился.

— Да. Загадала.

— Исполнилось?

— Исполняется...

Иван не мог отвести от неё глаз. Его охватило странное чувство непонятной пока тревоги, смешанной напополам с радостью. Слышалась тихо звучащая незнакомая мелодия, пение птиц с золотисто-синим опереньем. И открывались небесные створки. Он даже слышал их скрип. Там, в сокровенной глубине её глаз, увидел Иван новый остров...

А кто-то нашептывал ему: «Худо, Иван! Доверчив ты к людям. Отсюда твои ошибки и беды».

После ужина остались сидеть на кухне. Им было уютно, тепло. За окном неторопливо гас вечерний свет. Она негромко рассказывала о себе.

— ...Росла озорной. С мальчишками постоянно играла то в футбол, то в войну. Приходилось и драться. Поколачивала я их. Они даже побаивались меня. И уважали...

— Ты из города?

— Нет. Все детство прошло в шахтерском поселке. Кругом — степь, балки и высоченные, точно пирамиды, терриконы. За озорство меня часто наказывали. Отец у меня суровый был; нет, не бил, в угол ставил. Я — на-

стырная, прощения не просила. Бабушка тайком принесет подушку: «Приляг, отдохни». Папу я все-таки очень любила. Он мечтал, чтобы после окончания школы я училась в ближайшем от поселка городе, но я взяла карту и сказала ему: «Куда ручкой попаду — туда и поеду учиться». Таким образом оказалась в этом городе...

— И хорошо. Иначе... — Иван замолк. Куда-то исчезли так необходимые сейчас слова. Вместо этого он взял её за руку и поцеловал ладошку. Она продолжала рассказывать, словно не заметив этого поступка.

Уже занимался рассвет, когда они разошлись.

Проходили теплые, задумчивые августовские дни и прохладные ночи. Иван окреп. Плечо побаливало, но рана затянулась. Он все чаще начал задумываться о будущем. Вскоре решил, что уедет на родину, домой. Да и Любу хватит напрягать. Пора и честь знать. Она и так много для него сделала. Он все сильнее привязывался к ней. И боялся этого. С нетерпением ждал ее прихода с работы. Вместе готовили ужин. У них вошло в традицию допоздна «сумерничать», обсуждать любые возникающие вопросы, вспоминать... Она нередко с возмущением рассказывала о чиновниках, требующих бесчисленных и часто бессмысленных отчетов за каждый шаг. «Их расплодилось видимо-невидимо!» — сетовала она, по-детски округляя щеки, глаза, и широко разводила руки в доказательство. Глядя на неё, он смеялся. На мгновение она обиженно замолкала, потом, не выдержав, хохотала вместе с ним. Однажды, перевязывая плечо, она низко наклонилась, её волосы щекотали его лицо. Он легко поцеловал её в щеку. Она не отстранилась, будто не поняла поцелуя. Тогда он неловко поцеловал её в губы. Она задохнулась, мягко отстранила его.

— Иван, я боюсь...

— Я тоже! — сказал Иван серьезно.

И они одновременно рассмеялись.

Осенью листья падают с дерева, сворачиваются, засыхают. Дереву одиноко, больно и холодно без них. И плачет, стонет дерево. Затем душа его замирает, стынет. Шумит в голых ветвях шальной ветер и успокаивает: «Спи! До весны. До новой жизни». Та женщина — любимая, далекая — уходила, её образ таял, словно весенняя льдинка...

К этим воспоминаниям подспудно примешивалась нависшая над ним, как дамоклов меч, тревога, опасение и страх потерять стремительно нарастающее в душе чувство к Любе. Еще подступало, проглядывало, будто вор из подворотни, недоверие, сомнения...

Он догадывался о происхождении этих ощущений. Решение уехать окончательно укрепилось в нем. Там, на краю земли, в деревне, в лесной глухомани, он получит ответ на многие вопросы.

Когда Иван сказал ей о своем решении уехать, она не удивилась, словно ожидала этого.

— Хорошо, — сказала она. — А как ты поедешь без документов, без денег? Хотя с деньгами я помогу...

— Нет. Сам попробую эту проблему решить. Доберусь до родины, там и паспорт справлю.

— Если деньги не возьмешь, то я обижусь. Сильно.

— Да уж... — задумчиво протянул Иван, взглянув на неё — притихшую и настороженную. — Если деньги не возьму, то ночью меня, чечена, точно кто-то зеленоглазый зарежет. Пощади!

— Иван, я не шучу!

— Я — тоже. Лучше поставь меня в угол.

— Запросто!

Он встал в угол рядом с китайской вазой.

Она рассмеялась, не выдержав, подбежала к нему и начала целовать его лицо...

Далеко за полночь Иван, которому опостылело замкнутое пространство квартиры, попросил:

— Люба, все спят! Давай выйдем на улицу?

Она задумалась, потом согласилась:

— Ладно, только ти-ихо! Не дай Бог, соседей разбудим.

Крадучись, на цыпочках пробрались по общему коридору, неслышно открыли входную дверь.

По соседней улице пошли без опаски. Шаги их гулко раздавались в сонной ночной тишине. С неба, улыбаясь им, подмигивал молодой месяц. Ивану захотелось закричать, заорать от пьянящего свежего воздуха, от этого нахального подростка-месяца, от того, что рядом с ним идет Она.

И он закричал, заорал на весь спящий улей с людьми что-то неуёмно рвущееся из груди! Побежал в ту сторону, где шумело море.

Она засмеялась, тоже закричала в ответ и побежала вместе с ним.

На берегу Иван сграбастал Её, высоко подкинул и легко, мягко поймал. Целовал глаза, нос, губы, ямочку на подбородке. Она, смеясь, шутивно увертывалась. Он обхватил Её за поясницу и закурил вокруг себя. Задыхаясь, без сил, упали на песок.

Звездное лицо неба наклонилось над ними. Звезды оказались совсем рядом, стоит только протянуть руку, и можно коснуться их. И пропал город с его спящими улицами, жителями, машинами, снами и мыслями, исчезло море с островами и кораблями. Иногда срывались и падали звезды к ним на песок. Они брали их в руки. Лица освещались неземным светом. Они обнимались, но свет не исчезал, не гас. Жар их тел и душ, казалось, расплавил подле себя песок. И летали двое в межзвездном краю, и хватало им двух крыльев.

Спустя два дня Иван проснулся рано. Лежал с закрытыми глазами и ждал. Опасаясь его разбудить, Она тихо собралась, подошла к его дивану, поправила одеяло и неслышно вышла.

Иван тщательно побрился, оделся. Завтракать не стал. Решил, что сделает это по возвращении. Дверь была закрыта на ключ. Незаметно выбраться на улицу можно было через кухонное окно, перед которым росли густые кусты сирени. Стараясь не шуметь, открыл фрамугу окна, перелез через подоконник. Кусты сирени укрыли Ивана. Он дождался, когда две пожилые женщины войдут в подъезд, и вышел во двор.

Шел окраинными, пока еще безлюдными улицами.

С моря ветер нес утреннюю свежесть, пахнущую росой и туманами.

Прошло более месяца, как он покинул остров. Люди Филатова, наверное, тоже уехали из города. Хотя всякое могло быть. Осторожность и внимательность не помешают. Люба предлагала посетить остров и попытаться забрать документы, вещи. Иван категорически отказался и запретил ей думать об этом. С людьми хозяина такие «шутки» не пройдут.

До «Букиниста» он добрался, когда люди и машины заполнили город. И солнце не по-августовски знатно припекало. Неподалеку от магазина Иван сидел на скамейке под каштаном. Незаметно осматривал улицу. Вроде никто и ничто не внушали беспокойства и опасения. Все так же плыл поток озабоченных людей, машин, пахло свежеепеченным хлебом и кофе. «Зря не позавтракал!» — подумал Иван, открывая знакомую дверь «Букиниста».

Аня отдала ему деньги за акварели и попросила:

— У вас не осталось работ? Привозите еще.

Иван с грустью подумал, что вряд ли это произойдет. Но, черт её знает, жизнь бывает непредсказуемой...

— Хорошо, Аня, постараюсь привезти.

Вдруг она вспомнила:

— Вас несколько дней назад спрашивали.

— Кто?

— Сказали, что ваши друзья.

Перед дверью сквозь стекло витрины он увидел на противоположной стороне улицы двух человек. Они стояли у открытых дверей кафе и посматривали на «Букинист». Одного из них — высокого, с заостренным лицом — Иван где-то видел.

Он вышел из магазина. Около кафе тех двоих уже не было. Тянуло пойти на площадь к художникам. «Нет, — решил Иван, надо, пожалуй, возвращаться «домой». Не стоит рисковать. Главное, у него появились деньги, уже завтра он уедет. Один. Пока один».

Сворачивая в переулок, краем глаза заметил двух мужчин. Зашел в книжный магазин. Для вида постоял у книжных стеллажей. Кажется, ошибся. Иван направился к выходу и тут увидел их у витрин магазина. Холодом опануло

сердце: в высоком он узнал Хруста — человека Филатова, который привозил Олега на остров.

«Спокойно!» — приказал себе Иван и зло, весело сказал:

— Еще не вечер, и музыка играет.

— Мужчина, у нас тут нет музыки, у нас есть книги. Вам помочь выбрать?

Иван поперхнулся:

— Мне нужен ху...

— Что?

— Хуменгуин. А вообще-то у меня — понос.

Продавщица брезгливо поморщилась, махнула короткопалой рукой:

— Там!

Иван быстро шагал по лабиринтам длинных и узких коридоров. Вышла женщина в синем халате с ведром и шваброй из одной из бесчисленных дверей.

— Как пройти во двор?

Вместо ответа та буркнула, что-де «ходят тут всякие, не знай зачем», и исчезла в другой двери. Запахло табачным дымом. Он заспешил на запах, нюхая воздух, точно гончая на охоте.

У выхода во двор курила молодая девчонка. Иван наклонил голову и быстро прошел мимо неё. Пересек двор и очутился на соседней улице. Оглянулся. Никого. Теперь они уже в магазине. Расспрашивают, ищут его. Метнулся вдоль улицы. Петлял по переулкам, дворам, пока не устал. Зашел в крохотное кафе. Выбрал место за столиком у окна, заказал рыбу и сок.

К Любе путь заказан. Пока заказан. Они будут рыть землю, ища его, Ивана. Они могут выследить. Значит, надо уезжать из города. И чем быстрее, тем лучше. На вокзале его наверняка «ждут в гости» люди хозяина. Из города придется выбираться окольными путями. Он остро пожалел, что не взял номер ее телефона. Может, стоит попытаться разыскать школу, где она работает? Но нет уверенности, что найдет. На поиски нужно время, которого у него нет. А если они выследят, то он подставит Любу. И люди хозяина возьмут её в оборот. Начнут раскручивать. Это исключено.

После двух неудачных попыток нанять машину, на третий раз таксист, по всем приметам «бомбила», на выдавшем виды «жигуленке», согласился «подбросить куда надо». Иван попросил:

— До ближайшей от города железнодорожной станции.

— Рамзая?

Он не знал такой станции, но утвердительно кивнул:

— Да.

Больше таксист вопросов не задавал, и они ехали молча, что устраивало Ивана. Через полчаса выбрались из города. Замелькали поля, рассеченные ровными шеренгами пирамидальных тополей. Ветер шумно врывается в открытые окна машины.

Интересно, что подумает о нем Люба? О его внезапном исчезновении? И, кажется, он догадывается, как она это расценит. И нет, и не будет возможности позвонить Ей, объяснить. И чем дольше времени пройдет с момента расставания, тем сложнее это будет сделать. Придет время, и он вернется. Найдет нужные для объяснения слова. А сейчас он — «никто и звать его никак». Без документов его остановит каждый полицейский до выяснения личности. В подобной передрыге Ивану не приходилось бывать. В сущности, он — беглый раб. И господин ищет своего слугу, чтобы возложить на него свою тяжелую карающую длань, и может придавить насмерть раба сирого Ваню. Эти мысли жгли Ивана, но и злили одновременно. Остров научил его быть не рабом, а свободным человеком. Плевать он хотел на хозяина, на Филатова!

На обшарпанном безлюдном вокзале Иван подошел к кассе, попросил:

— Билет на ближайший поезд.

— Ваш паспорт?

Иван совсем позабыл, что при покупке билета требуют паспорт. «Это на острове — далеко и благословенном — можно жить без паспорта и голым бегать по утрам!» — с тоскою подумалось ему.

— А электричка раньше идет? — нашелся он, подумав, что уж на неё-то паспорт не потребуют.

— Через полчаса.

Иван купил билет и не спеша покинул вокзал. Мысленно обругал себя: сглупи он еще немного, и кассирша вызвала бы полицию.

Только когда электричка отъехала от станции, он облегченно выдохнул и расслабился.

Спустя несколько часов пересел на автобус, затем опять на электричку. Между пересадками успевал быстро перекусить в пригородных забегаловках. Иван не спал двое суток: не умел это делать в поездках. Ныло растревоженное плечо. «Еще немного, еще чуть-чуть», — уговаривал он себя.

Это «чуть-чуть» едва не закончилось на станции Пачелма, где Иван сошел с автобуса. В этом небольшом городке он не раз в детстве бывал с родителями. Сюда ездили за покупками. Для близлежащих деревень и сел это была торговая мекка. Теперь оставалось нанять такси и доехать до родной деревни. Десять километров — это ничтожное расстояние по сравнению с тем, что он преодолел.

Хотя держался солнечный денек, Иван в легкой майке и белых брюках почувствовал прохладу. Стоило купить подходящую одежду. Не пришлось долго искать. В городке мало что изменилось с тех пор, как он был здесь несколько лет назад. Разве что прибавилось количество магазинов.

В секунд-хенде он задешево купил добротные джинсы, куртку и, подумав, толстый серый свитер. В магазине переоделся. Вышел, а около двери стоят двое в форме полицейских. Представились, спросили:

— Куда едем? Откуда? Ваш паспорт?

Как можно приветливее Иван улыбнулся им:

— Ребята, какой паспорт? Я из Толковки приехал.

Они тоже с улыбкой смотрели на него. Один из них недобро сузил глаза, сказал другому:

— Смотри-ка! Не хочет гражданин показывать паспорт! Берем?

— Еще бы!

«Надо же! — сокрушенно подумал Иван. — Попался-то там (почти дома!), где не ожидал». Он вынул последние оставшиеся у него деньги и протянул им. Чем еще больше разозлил их.

— Может быть, по-хорошему разойдемся?

— Паспорта у тебя нет! А за взятку припаяем статью. Вперед! Пошел!

Иван безропотно подчинился. Особо не переживал. Черт с ними! Они исполняют свою работу. Отсидит, на крайний случай, пятнадцать суток. Только... больно это — не доехать до родительского дома, когда душа уже там...

В отделении полиции его бегло опросили, показания записали и поместили в камеру. Кроме него там находились двое. Полный коротконогий мужик спал на кровати, другой — тощий, похожий на высушенную воблу, — нервно и слепо распахивал по камере, подбегал к железной двери и, дергая за ручку, шептал: «Не по праву, не по закону!» Ивану казалось, что он слышит, как у того стучат друг о друга кости и мысли.

Иван лег на свободную койку. Впервые за три дня. Тело у него расслабилось, размякло, лишь мешало раненое плечо. Он закрыл глаза. Его слегка покачивало, точно на волнах. Где-то там далеко остался остров с озером, с «жильцами», с его домом. Люба осталась... Далеко! Может, ему все это привиделось, приснилось? Может, весь этот мир — нереален? Всего лишь матрица? Мы любим, страдаем, радуемся, печалимся, а Ему все это не нужно? Все зря и бессмысленно. Безразличны Ему наши музыка, книги, картины — эти детские игры человечества в искусство?

Но боль резала плечо, а значит, были остров и озеро. Были Олег с Ниной. Была Люба... В Иване бродили еще какие-то обрывки мыслей, отдельные, смутно различимые знакомые лица, море, звездное небо, и кто-то шептал ласковые слова...

Очнулся Иван от резкой боли. Его сильно пару раз ударили по ребрам и приказали:

— Подъем! Давай пошевеливайся.

Привели в кабинет к рыжему участковому. Иван скупо отвечал на его вопросы. Болела от недосыпа голова и подташнивало от слабости. Чтобы ненароком не упасть, он откинулся на спинку стула, пошире расставил ноги.

Вскоре допрос прервали. Рыжий участковый прытко вскочил из-за стола, одернул мундир. По тому, как это он лихорадочно сделал, Иван понял: появилось начальство.

- Товарищ подполковник! Разрешите...
- Работайте, — сказали властно и знакомо.

Подполковник взял бумаги со стола. Иван сбоку увидел его лицо, сказал тихо, вопросительно:

- Саша?

Подполковник настороженно и внимательно посмотрел на него. Лицо у него дрогнуло. Нерешительно сказал:

- Иван? Ваня?.. Брат.

Он крепко обнял поднявшегося Ивана. Тот непроизвольно охнул от боли в плече.

- Дай его бумаги! — приказал участковому.

Саша доводился Ивану двоюродным братом. Тотчас вспомнилось детство: босоногими бегали на речку, пекли картошку, пасли стадо. Как-то по весне они с Сашей шли по подтаявшему льду речки, Саша провалился в полынью. Ивану с трудом удалось вытащить его. На берегу наломали сучьев, разожгли костер. Сушили одежду, смеялись. Не горевали. После школы их дороги разошлись. В начале пути перезванивались, потом реже...

Саша закрыл свой кабинет на ключ, достал из стола коньяк, шоколад, фрукты.

- За встречу, брат!

От коньяка у Ивана закружилась голова. Саша заметил это. Нарезал колбасы.

- Навались давай, Ваня.

Домашним теплом, родным повеяло: так его звали мама, бабушка Прасковья да и родители Сашины — тоже. Нервы у Ивана сдавали. Душе хотелось плакать. Он наклонил голову. Брат понял его состояние и обнял за плечи. Несколько минут сидели молча. Затем еще выпили. И до Ивана дошло: он в безопасности. Сжатая пружина внутри него ослабла. Он рассказывал брату про остров, про хозяина, про Неё... И словно освобождался от тяжелого груза. Саша иногда задавал вопросы и не забывал наливать в рюмки коньяку. После рассказа Ивана задумчиво сказал:

— Да-а, брат, попал ты в переплет. Знаешь, страшно рад, что ты живым выбрался из этой истории. Насчет паспорта не горюй — помогу. Поехали ко мне, поживешь.

- Нет, брат, — твердо сказал Иван, — не обижайся, но я поеду в деревню.

- Понимаю...

- Дом-то родительский цел?

— Стоит! Батя твой на века его строил! А может, все-таки останешься, переночуешь?

- Спасибо. Но я прямо сейчас уеду.

- Ладно, — согласился Саша и вызвал рыжего участкового.

- Довезешь брата, куда скажет.

Иван попробовал отказаться, но Саша отмахнулся от его возражения. Прощаясь, сунул в карман куртки деньги. Иван поблагодарил:

— Спасибо, брат!

— Рад помочь тебе! И еще: там, с деньгами, номер моего мобильного.

На окраине города он попросил остановиться. В магазине купил продукты, лекарства, в отделе электроники приобрел недорогой мобильный телефон.

В дороге рыжий с любопытством поглядывал на Ивана, смешно кусал и выпячивал губы, словно собираясь что-то спросить и не решаясь.

«Странна и непредсказуема бывает жизнь, — размышлял Иван. — Три часа назад он находился в камере, а теперь свобода. И везет его тот, кто допрашивал. Как он грозно хмурил свои рыжие брови...» Играла в душе незнакомая чудная мелодия. Сине-фиолетовая...

III

РОДИНА

Солнце робко и нехотя проглядывало сквозь серые неуютные тучи.

«Господи! Господи! — про себя молитвенно восклицал Иван. — Спасибо Тебе! За то, что Ты привел меня на родину! Наверное, это и есть твое провидение. Истина».

Дорога вывела их машину на взгорок. Отсюда видна была деревня. Его, Ивана. До боли знакомые с детства родные поля, холмы, перелески и леса, окружавшие деревню со всех сторон. Это серое небо, неяркая зелень, наполовину пожелтевшая от осенней тоски, охристо-ржавые залысины бугров — все было невыразимо дорого Ивану. И все сильнее, большее сжималось в груди сердце то ли от радости, то ли от щемящей грусти.

Перед деревней он попросил остановить машину. Протянул деньги. Рыжий выразительно хмыкнул и уехал.

Шел Иван по деревенской улице с тяжелым сердцем. Надо было бы идти по окружной дороге: больно смотреть на опустевшую и безлюдную деревню. От многих домов остались только ямы, поросшие высокой крапивой, да кое-где виднелись остатки фундаментов. Уцелевшие дома производили гнетущее впечатление. Без хозяев они состарились, обветшали, скособочились, а то и вовсе стояли без крыш. Улица, по которой они пацанвой бегали, заросла сорняком, будылем в человеческий рост и выше. Только едва приметная тропинка указывала, что здесь еще есть жители.

Иван прошел большую часть деревни, когда его окликнула сгорбленная, с клюшкой бабка:

— Ты нашенский, что ли, паренек?

Иван поздоровался...

— Чей жа будешь-та?

Долго смотрела ему вслед, приложив крылечком ладонь ко лбу и шуря подслеповатые глаза.

«О Господи!» — стонала у Ивана душа. Хотелось и плакать, и ругаться. Что стало с людьми, с деревней, с родиной? Все порушено, точно Мамай с войском прошел. Конечно, уезжали люди от безысходности. Но ведь теплилась жизнь и могла снова возродиться. Могла... А сейчас от богатой людьми и земель деревни остались, по словам бабки, три человека — «доживать век», и все! Жутко было смотреть на осиротевшие дома, мазанки, бани, сенницы, сады, в которых еще пытались выжить яблони, груши, черемуха. Глубокой тоской, печалью заброшенности и тревогой тянуло от порушенных и одиноких домов, от всей улицы. И физически давило на Ивана. Но все это покинуло его, едва он подошел к родному дому.

Маленьким, вросшим в землю до окон, приземистым показался он Ивану. Ржавая крыша давно не крашена; веранда; покосились на окнах наличники. Лишь гордо и мощно стояла перед домом возвращенная мамой рябина, усеянная крупными красными гроздьями. Иван присел на скамейку под рябиной...

Неяркое близкое солнце выглянуло из редких туч, осветило дом. И он ожилился, словно поприветствовал Ивана.

— Ну, здравствуй! — в ответ ему сказал тот.

— Здравствуйте.

От неожиданности Иван вздрогнул, поднялся со скамейки.

— Тетя Маруся...

Соседка незаметно и бесшумно появилась подле него.

— Никак ты — Ваня?

Заплавав, она опустила на скамейку.

— Я ведь в конце деревни одна-одинешенька осталась.

Иван вспомнил про ее сына.

— Где же Гена?

Тетя Маруся безнадежно покачала головой:

— В Пачелме. Сошелси с какой-то... Пьют оба. Не приведи Господи! Ко мне приедет: «Давай пенсию!» Иной раз и побьет. А матерщинник...

Она долго рассказывала про свои горести, потом спохватилась и стала расспрашивать его. Кстати, он узнал, что два раза в неделю по окружной дороге ездит автомагазин.

Спустя три часа Иван взял у тети Маруси косу и обкосил возле дома траву. От непривычки быстро устал. Точил лезвие косы наждачным бруском, и вспоминались поездки с отцом на покосы. В поле собиралось много народу, будто в праздник, — делить паи. Расцветала общая радость, несмотря на предстоящую косьбу. Обычно выезжали косить на рассвете. На траве жемчугом вспыхивала роса, в пойме реки и в оврагах стлался туман. «По росе траву легче косить», — говорил отец. Тяжелое это дело — косить. После первого дня больно ломили мышцы рук и спины. Спешили скосить пай — не дай Бог, пойдет дождь!

Весь труд насмарку. За день уработывались до тошноты. «Наелись!» — устало улыбался отец Ивану, пучком травы очищая жало косы. Дома их ждала мать, приготовив «разварную» картошку с малосольными огурцами или с хрустящими груздями в придачу с холодным душистым молоком. Ужинали на террасе, открывая дверь на улицу. Какой необычно вкусной была еда! Хотя в теле усталость и уже клонит в сон, но в душе удивительное чувство покоя и удовлетворенности от прожитого дня...

Взмахивал Иван косой — и с каждым разом увереннее и все короче и чище подрезал траву. И светлее становилось у него на душе.

У крыльца под кирпичом нашел ключ. Очистил от ржавчины.

С трудом открыл замок. Постоял на веранде. Старый сундук, шкаф — все как при родителях. Без особых изменений было и в двух комнатах дома. Только на кухне по полу кто-то рассыпал ложки, вилки. Иван бережно собрал их, положил в ящик стола.

Пахло плесенью, сухой штукатуркой, нежилым. Настежь открыл двери, окна, чтобы проветрить. Долго убирался в доме. Пошел за водой, но колодец обвалился. За огородом он вспомнил, где находится родник. Едва отыскал его среди зарослей осоки, кустарника, обвитого повилкой. Утоптал траву вокруг. Удивился: родник по-прежнему жил своей родниковой жизнью. Он попил его холодной, до ломоты зубов, воды. На дне все так же бурунила песок жила — душа родника.

«Силен ты, брат!» — подумал Иван и вслух сказал:

— Рад, что ты жив!

В доме вымыл столы, пол, бросил на него ветки полыни. Так делала мать. В шкафу наткнулся на ее вещи — кофту, платок. Прижал к лицу, вдыхая запах. Ему показалось, что они еще сохранили ее запах — единственный, неповторимый — мамин запах. У него резкой болью отозвалось сердце. Он стиснул зубы. Положил вещи в шкаф. Вышел на крыльцо. Воспоминания обступили Ивана, толпились вокруг дома и требовали внимания. Вот здесь, у забора, что вприпык к крыльцу, каждую весну отец поднимал высокий шест со скворечником. Бабка Прасковья пекла вкусные пресные лепешки в виде скворца. И он, Ваня, карабкался на забор и пел песенку, держа в высоко поднятой руке «скворца». Вспомнилось смешное и не очень. Возводили к дому пристрой. На помощь пришли соседи. «Всем миром строить». Так было принято. В обед бабка пошла в сени за квасом. И видит: ее любимый внук Ваня, крепко держа кота Ваську за шкурку, деловито окунает его в кастрюлю с квасом. От потрясения у бабки чашка выпала из рук. Досталось Ване на орехи! Много чего происходило. Дрались между собой ребята или одна улица на другую. Деревня разветвлялась на отдельные рукава: с десяток домов на крутом бугре — Горбачевкой звали, другой утыкался в болото — Лягушѐвкой. Однажды где-то нашли карбид. Заряжали им бутылки, поджигая, бросали. Следовал взрыв. Глушили на речке рыбу. Как-то бутылка не взорвалась. Иван первый подбежал к ней и схватил. И тут

она рванула. Осколками ему поранило лицо, руки, едва палец не оторвало. Остался Ивану на память белый шрам на переносице...

Не заметил, как наступил вечер. Света не было: провода обрезаны. Отыскал свечи. Лег спать на диван и почти сразу провалился в глубокую яму сна.

Горела свеча. Горела... Освещала измученное лицо Ивана с текущими по нему каплями слез. И кто-то ходил возле него. Колыхалось пламя свечи от движения. Садился на стул и клал руку на раненое плечо, успокаивая боль, и что-то шептал...

На следующий день приехал автомагазин. Иван закупил хлеба, крупы, консервов и заказал привезти краски и кисти.

На краю деревни, около бывшего совхозного сада, находилось кладбище. Иван оборвал траву на родительской могиле, натаскал песка из оврага. То же сделал и с могилой бабки Прасковьи. Возвращаясь — он был через дорогу от кладбища, — зашел на пруд. Чудом сохранилась плотина. По окружности пруд дико оброс камышом и кустарником. Не боясь человека, плавали утки, длинношеие цапли. На середине плотины задумчиво качалась сиротливая березка.

Иван искупался. Утки, сердито крикая, отплыли к противоположному берегу. Неторопливо шел вдоль сада — одичалого, заброшенного. Когда-то они лазали по ограде и горохом скатывались в сад. Рвали крутобокие румяные яблоки. И боялись, как бы не объявился дядя Гриша Рябой — сторож. Он не раз их гонял по саду, ковыляя ногой на деревяшке. Решили отомстить ему. В жаркий день, когда он спал в шалаше, слямзили у него длинный кнут, которым он ожаривал их, пацанят, привязали его за ногу, а кнутовище — проволокой к рейкам шалаша. Не таясь, громко разговаривая, стали рвать яблоки — внаглую, около шалаша. Дядя Гриша очумел от такого нахальства. С ревом, похожим на рык льва, вскочил, попытался бежать за ними. От рывка веревки, привязанной к ноге, на него обрушился шалаш. Они, хохоча, брызнули от него, точно стайка воробьев от кошки. Вслед им летел невоспроизводимо-живописный и глубоко содержательный мат дяди Гриши.

Было... Когда-то...

В неведомо-далеком потоке времени затерялись друзья — Сережка Марунич, Витя Фокляй, Колька Рубль... Так его прозвали за то, что часто находил деньги. Как-то на рыбалке Колька Рубль сильно взмахнул удилицем, и крючок глубоко вонзился ему в ягодицу.

И вот там, где они играли в лапту, в футбол, ходили в школу, — все позаросло. Исчезло. Природа быстро отвоевывает свое, хороня память о человеке...

Зигзагами чертит небо одинокая ласточка. В густой траве еще гудит запоздалый шмель. Одурело и пряно пахнет августовскими травами, упавшими блоками.

До вечера Иван сумел найти в отцовском ящике провод, инструменты и провел свет. Пришла соседка «угостить новой картошкой». Сидели на ступенях

крыльца, и она вспоминала с мельчайшими подробностями прошлую деревенскую жизнь с ее радостями и заботами, родителей Ивана, соседей, описывала разные случаи, характеры. Уже затемно, уходя домой, сказала:

— Ты уж прости меня, Ваня, что засиделась у тебя! А то все одна да одна! Цельный день сидишь у окна или у дома — и никто не пройдет.

«Надо бы ехать к Гене», — хотел сказать Иван, но вспомнил ее рассказ о сыне...

Через три дня привезли несколько больших банок краски и кисти. Первым делом Иван покрасил ограду и кресты на могилах родителей и бабки. Затем, когда выдался солнечный день, покрасил крышу дома, оконные переплеты. Оставшейся краской обновил двери и веранду.

Быстро и незаметно уплывали дни, словно в ветреную погоду облака.

По вечерам Иван обычно ходил на пруд, купался. Подолгу сидел на плотине, наблюдая за плавающими утками и важными цаплями. Рана на плече зажила. Спал удивительно крепко. Только под утро ему снились яркие цветные сны.

В сентябре зарядили дожди — нудные, с ветрами и прохладными ночами в обнимку.

В один из таких неясных дней приехал Саша — брат. Пили хорошую водку. Угостили зашедшую «на огонек» тетю Марусю. Проговорили всю ночь. На рассвете поехали на пруд. Искупались в холодно-жгучей воде, освобождаясь от хмеля. И брат уехал.

И опять лил и лил нескончаемый дождь.

Иван надел отцовский, из непромокаемого брезента, плащ, за спину рюкзак и пошел в лес. За грибами. Он с детства знал грибные места.

Осенняя гора — так называлось место, где находился лес. Больше похожая на высокий холм, точнее, напоминающая верблюжий горб, поверх которого рос лес. Раньше Иван пробовал узнать: почему гора называется Осенней? Никто толком не мог пояснить. Правда, бабка Прасковья говорила, будто Емельян Пугачев, проходивший в этих краях именно осенней порой, в горе похоронил погибшего друга. А может, гору так называли в еще более давние времена.

Осенняя гора была изрезана глубокими шрамами-оврагами. Иван лез по крутым склонам, перешагивал через упавшие деревья. Остановился у волчьей норы со свежевыкинутой землей. Заторопился уйти и рядом увидел целую колонию груздей — желто-белых, «молодых», с бахромой на «изнанке». Срезал хрустящие ножки и радовался находке, словно ребенок.

В лесу мягко пахло прелой листвой, отмирающей травой. Осенью... Редкий дождь не мешал ему, скорее наоборот: с ним Иван был не одинок. Дождь шумел в уцелевших листьях, вместе с ветром срывал их и падал на землю. Ударял холодными каплями по лицу, щекоча, стекал за воротник. Вскоре Иван забыл про дождь и про одиночество. То и дело находил грузди, волжанки. Очнулся,

когда грибами набил рюкзак. Отдыхая, присел на пенек и отчего-то улыбался... Хорошо!.. Осенняя гора, осенний лес с его груздями, запахом осени и дождем! И нет места одиночеству среди живых деревьев, трав. Еще вспомнил, как в грибной год он нарвал так много грибов, что не мог донести, и во второй заход поехали с отцом на мотоцикле. Набили два мешка. Один положили на бензобак, второй — между Иваном и отцом. Два ведра повесили на руль. И доехали! Мыли грибы «в трех водах», как говорила мать. Солили в больших кастрюлях, а сверху клали смородиновые и капустные листья. И придавливали все это тяжелым камнем-«дикарем». По устоявшейся традиции грибы начинали есть на третий день, но в тот раз отец тайком испробовал грибы на следующий день и с восхищением сказал: «Ох, вкусны! Вера, налей-ка стаканчик по такому поводу». «Ты и без повода найдешь причину выпить», — усмехнулась мать...

Вернулся Иван из леса усталый, но веселый, с радостью в душе. Принес воды из родника, помыл грибы и засолил. Делал это не спеша, обстоятельно. Вроде не сложная наука, но надо солить грибы с добрым душевным настроением, иначе будут горчить, получатся кислыми и невкусными.

Через день Иван, вспоминая отца, достал из кастрюли груздь и, отпробовав, сказал: «Хорошо!» К вечеру наварил картошки, пригласил соседку.

На следующий день его разбудил стук в окно. Иван узнал рыжего участкового.

— Начальник за тобой прислал, — коротко известил он.

Иван быстро привел себя в порядок, позавтракал. И они поехали.

«Паспорт будем делать, — поздоровавшись, сказал брат. — Иди к фотографу».

Иван ходил по кабинетам, снимался на фото, заполнял бумаги, подписывал. И морально устал от беготни, от суеты...

Потом участковый привез его к брату домой. Жена Саши, похожая тонкими чертами, смуглостью и черными волосами, глазами на итальянку, встретила так, будто знала его много лет. Позже приехал брат. «Завтра получишь паспорт», — сообщил Ивану. «Так быстро!» Брат подмигнул: «Городок небольшой, все друг друга знаем»...

Утром Саша отвез Ивана в паспортный стол, и спустя час тот получил новый паспорт.

— Ну, брат, не потеряй! — напутственно улыбнулся Саша.

— Постараюсь, брат, — в тон ему ответил Иван. — Спасибо тебе. За все!

— На здоровье! — шуточно отозвался Саша. — Мне пора. Звони, если что.

Иван остановил такси и поехал в деревню. Он не хотел находиться в городе, не хотел напрягать брата.

Дни летели за днями. Прошел дождливый сентябрь, следом — октябрь, на редкость теплый и сухой. Иван втянулся в новый распорядок дня. Просыпался рано и, как на острове, бежал на пруд, купался, несмотря на холодную

воду. До обеда готовил еду. Все чаще ходил ловить рыбу на пруд. И поневоле вспоминал море... Несколько раз совершал вылазки на речку. В первое посещение с час продирался к ней через высокие и непролазные заросли крапивы, осоки и кустарника. В прежние времена возле реки добывали торф. Ямы заполнила вода. Между ними вырос, поднялся, как на дрожжах, лес. Пробираясь сквозь чащобу, спугнул стаю диких уток. Они с шумом поднялись в небо. Речка на первый взгляд своим видом расстроила и даже напугала Ивана: взятая в плен заросшими кустарником и камышами берегами, она представляла жалкое зрелище. Вода была странного — сизого, мутного — цвета. Течение почти замерло. Местами речка заболотилась, заросла ряской и кувшинками. Иван не узнавал ее. С грустным чувством потери, будто умирал близкий человек, возвращался тогда он с речки...

А ночью проснулся часа в три и увидел необычайно яркий сине-фиолетовый свет. Он исходил от его тела. Но не слепил глаза. Иван подумал, что это ему снится. Он поднял руку, облитую синим светом. Нет, это не сон. Он растерялся. Лежал, окруженный насыщенным сине-фиолетовым свечением, и не понимал происходящего. Потом перед его глазами из света стали появляться разные эпизоды — словно показывали фильм из его собственной жизни: детство, еще молодая мать, речка, друзья; увидел он и остров, и почему-то маленькую Динку, а с ней Её — Любу. И все это совершенно реально, осязаемо — можно дотронуться рукой. На острове были скалы, лес и дом под большим деревом. Иван подплывал на лодке к берегу. Навстречу ему бежала с лаем Динка, следом за ней шла Люба...

Ивану больно было смотреть все это, больно от яркого до жути сияния, и он взмолился: «Господи! Спасибо Тебе! Но устал я, плохо мне. Убери свет!» Густая синева стала таять, сияние прекратилось...

Все чаще стал сниться остров, озеро, море. Однажды приснилось, будто он возвращается на остров, а на берегу его встречает Динка. Сон был так реален, с деталями и подробностями, что Иван проснулся и не мог осознать — он на острове или в деревне. Даже собирался свистнуть, позвать Динку. Часто снилась Люба. И тогда весь день ломило тоской сердце, словно его пронзали острыми иголками. Ночами, крадучись, приходила бессонница. Иван выходил из дома, пробирался на окружающую дорогу. И бродил по ней до изнеможения. Это приносило ему короткий, но тяжелый сон. Иногда он начинал задыхаться, будто от нехватки воздуха. Хотелось взлететь высоко-высоко над деревней и, может, хотя бы издали увидеть море...

Остров вторгался в его память райским наваждением не только во снах, но и днем: прервет какое-нибудь дело и задумается крепко. И видит остров, свою жизнь там, «жилцов» — Федота с ужом, дом, им построенный. И, конечно, Любу...

Стоит неподвижно и не видит, и не слышит никого и ничего. Таким его однажды и застала тетя Маруся.

— Э-э, сынок, видно, пришла пора тебе уезжать из деревни. Зовет кто-то тебя, зовет душа...

Она точно определила его состояние. Он думал об отъезде, но боялся в том признаться самому себе. «Зовет душа»... Надо уезжать. К Любе. Найдется и для него в этой жизни остров...

Смотрел родительский дом заново. Что-то подкрасил, подремонтировал. Навестил Осеннюю гору. И все не решался уехать. Непрошенная тоска, грусть властно взяли в свои тиски сердце. На самом деле ему хорошо жилось и живется в деревне. Воспоминания о друзьях, о родителях согревали душу в тягучие и долгие ночи, в дождливые дни. Первое время они помогали ему не сломаться, выдержать...

«Воспоминаниями сыт не будешь!» — как-то грустно обмолвилась тетя Маруся. И это верно. Жизнь требует от него перемен. К тому же заканчивались деньги. Просить Иван не привык. Даже у брата. Но — придется. Видимо.

Это ясное утро — непохожее на окончание октября — выдалось теплым и безветренным. Иван с удочкой пошел на пруд. На свою последнюю рыбалку. Через день-два он уедет. Так окончательно решил.

Высоко дотлевало и так уже выцветшее светло-синее, как на старых фресках, небо. Спокойно и задумчиво дремал пруд. Осень на все — на землю, на небо, на деревья, на воду — набросала свои неяркие, сдержанные краски. А может, она просто устала от работы и ждала прихода зимы...

Иван сидел на плотине. Удочка лежала рядом. Смотрел на гладь пруда, где плавали утки. Из воды у берега выскакивала резвая рыбка и, сверкнув серебром чешуи, исчезала в глубине. В такие светлые и теплые дни, бывало, в деревне играли свадьбы, ходили в гости или просто собирались на скамейках возле домов. Смех, говор, музыка разносились на всю округу. А сейчас стоит тишина...

Задумался Иван. Не слышал, как тихо по плотине подъехал к нему черный джип. Только когда хлопнула дверца, он обернулся, взглянул. «Крутой» приехал на рыбалку, — подумалось. — Но зачем в такую глухомань?» Не успел додумать...

— Здорово, Иван, — подходя, сказал Филатов.

Иван понял: приехали за ним.

— Места тут хорошие! Наверное, неплохо отдохнул?

Из джипа к ним подошел второй — долговязый, остролицый — Хруст.

— ...Набрался сил. Пора и ехать.

— Отдохнул неплохо, — подтвердил Иван и добавил: — Но с вами не поеду.

— Ты, что, думал здесь отсидеться? За лохов нас держишь. Натворил дел, изволь ответить.

— Какие дела?

— Жена хозяина поведала о твоих подвигах. Кстати, не подскажешь, где находятся Нина с Русевым?

«Значит, они их не нашли», — мелькнуло у Ивана.

— Не знаю.

— Вполне ожидаемый ответ. По-человечески мне жалко тебя, Иван: баба от тебя ушла...

— Мне твоя жалость нужна как собаке пятая нога.

— ...Решил хозяина подставить...

— Да пошел ты!

Филатов вынул из кобуры пистолет.

— Давай поднимайся!

Иван не шевельнулся. Перед его глазами привиделся остров, Люба, «ка-мешек цветной»...

— Кончай тут!

Филатов приставил пистолет к его виску и сказал:

— По сути, могу и здесь пристрелить, — он повернулся к Хрусту: — Сбросим тело в пруд. И поминай как звали бедного нашего героя Ивана. А хозяину скажем, что не нашли. Пару месяцев для видимости еще будем тебя искать. Бабло за это заработаем.

Откуда-то донесся крик. Звали его, Ивана. Голос был Любин. И, кажется, еще чей-то. Она смотрела на него своими раскосыми глазами, мягко и нежно целовала его в губы.

Иван поднялся:

— Черт с вами! Поехали.

— Может, наручники на него наденем? — предложил Хруст.

— Так довезем! — одернул его Филатов.

Иван с Филатовым расположились на заднем сиденье. Хруст завел джип, с трудом развернул его на плотине. Медленно поехали по изрытой ямами дороге.

Сбоку виднелся пруд, еще дальше — кладбище, а впереди них старый сад, а над головой родное небо. Мысленно прощался со всем и со всеми...

...Молниеносным движением рук Иван ударил Хруста по шее и крутанул руль джипа в сторону. Слева ему больно стукнул по ребрам Филатов.

— С-сука! — прошипел он.

Машина съехала с плотины и, утробно урча, словно живое существо, начала погружаться в воду. Встала на попа и нехотя опрокинулась на крышу.

Филатов суматошно пытался достать пистолет. Вода быстро заполняла кабину. Иван почувствовал еще удар от Филатова. Но было не до него. Вода потемнела от ила и торфа. Он нашел ручку и навалился на дверь плечом. Его охватывало удушье. Иван рванулся из кабины, оттолкнулся от машины и очутился на поверхности. Выполз на берег. Несколько раз глубоко вдохнул воздух и опять погрузился в мутную воду пруда. Филатов вяло шевелился большим

червем. Руки его цепко обхватили Ивана за шею. Он барахтался, ногами застряв в кабине. «Конец!» — подумал Иван. Изо всех сил дернул Филатова и потянул из кабины. Наконец тело его легко поддалось. На берегу Иван едва отодрал вцепившегося в шею Филатова. Задыхаясь, хрипя, жадно хватал ртом воздух. Филатов еле слышно стонал. Иван вдохнул во всю силу легких воздух и вновь нырнул в пруд. Мышцы ног сводило от холодной воды. «Сведет судорогой — не выплыву». Повезло, что Хруста он быстро сумел вызволить из машины. Но силы были на исходе. Вскипала кровь, и казалось, разорвет вены. Мутило разум от подступающей тошноты. Почти теряя сознание, Иван вытащил на берег Хруста. И сам упал рядом с ним на землю. Все его тело сотрясало от озноба. Но сразу же взялся за охранника. Вспоминая на ходу, что надо делать, стал давить на грудину, зажав пальцами нос его, делал искусственное дыхание. Хруст не дышал. «Кажется, бесполезно», — подумал Иван. Вдруг охранник всхлипнул, задышал.

Спустя несколько минут Иван выполз на плотину. На обочине дороги ему попала палка. Опираясь на нее, он встал и, шатаясь, как пьяный, поплелся к деревне. Это была долгая и длинная дорога. Казалось, до дома он добирался несколько часов. Может, так оно и было.

В доме Иван скинул мокрую одежду, выпил граненый стакан водки. Переоделся в сухое белье. Отыскал в шкафу теплый свитер, надел, сверху — джинсовую куртку.

Позвонил брату:

— Саша, сможешь приехать?

— Что-нибудь случилось?

— Да. Люди приехали от хозяина.

— Где они?

— На пруду. Купаются...

— Иван, ты что — грохнул их?

— Нет. Приезжай. Остановись на окружной.

— Жди через полчаса.

Водка и теплая сухая одежда согрели Ивана. Дрожь в теле унялась, прошла. Стал собираться в дорогу, размышляя с тоской: «Ну, вот и пришло время прощаться! В спешке, как-то не по-людски. Но я еще вернусь. Обязательно вернусь».

На память о матери положил в сумку два платья ее и платок...

Запер входную дверь на замок. Ключ положил под кирпич. На крыльце оставил для соседки продукты и записку. Иван знал, что вечером она придет.

Немного задержался, постоял у дома, который хвастался светло-вишневой крышей, подмигивал обновленными окнами, спрашивал участливо: «Что, досталось, Иван? Больно»...

— Бывает больше, — ответил ему Иван.

— Не забывай меня, Иван.
— Не забуду! — пообещал он и пошагал к окружной дороге.
Вспоминал тех двоих у пруда. Ничего, очухаются. И тут же: а может, зря спас? Отбрасывая напрочь эти мысли, вслух выругал себя.
Саша уже ждал его на дороге.
— А тех не проведедем? — спросил.
— В другой раз.
В дороге Иван коротко рассказал брату происшедшее, попросил:
— Довези до соседнего города Спасска.
Брат не спрашивал, все понял правильно...
В Спасске у автовокзала он сунул Ивану в карман деньги.
— Удачи, брат! Она сейчас тебе необходима. И — звони! Не пропадай.
Иван смотрел вслед машине брата, пока та не затерялась среди улиц и домов.

IV ТИН-ТИН

Дороги, дороги... Они бывают разные — легкие, тяжелые, веселые и грустные, железные и асфальтовые, душевные и злые. Могут всю душу растрясти на колдобинах и ямах. Могут успокоить, отвлечь от дум грустных и плохих. Утомить. А если ты им надоешь, заставят спать.

Иван, если честно, не любил дороги. Но в данное время они были ему необходимы. Его покачивало на сиденье, невнятные мысли и образы не задевали мозг и душу. Хотелось ехать и ехать, безостановочно и бездумно. Отдыхать и спать...

В каком-то незапоминающемся и сером от пыли городе он сделал передачку. Продолжил путь на поезде. Затем на электричке. И вот Иван у моря, в городе, где Люба...

Заканчивался «бархатный сезон». Иван без труда снял квартиру. Несмотря на усталость, поехал на побережье.

Долго сидел на берегу и все не мог насмотреться на море. Появилось то же желание, что и на родине: чайкой взмыть в небо и летать над бесконечными просторами. Вдалеке проступили контуры острова. Сердце у Ивана забухало. Хотелось броситься в море и поплыть к острову...

Её дом Иван нашел быстро, словно прожил в нем тысячу лет. Унимая яростный стук сердца, позвонил. Дверь открыл незнакомый лысоватый мужчина. Иван подумал, что ошибся.

— Люба... Любовь здесь живет?

Из-за плеча мужчины выглянула смеющаяся женщина:

— Да, Любовь здесь живет. А вот Люба Полякова — нет. Переехала.

— Куда?

— Не знаем. Спросите в школе, где она работает.

— В какой именно школе?

— Номер четыре. Она рядом находится...

Школу он отыскал на соседней улице. В фойе его задержал охранник и посоветовал обратиться по его вопросу к секретарю.

Иван заглянул в небольшую комнатку, где находилось несколько женщин, спросил:

— Можно увидеть Полякову?

— Их у нас двое. Вам какую?

Иван смутился.

— Любовь Полякову.

Женщины переглянулись. Одна из них, худенькая, с белобрысой челкой, как у школьницы, сказала:

— Она уволилась.

— А где она сейчас?

Больше ничего они не могли сказать.

Иван вышел из школы с чувством досады и бессилия. Навалилась усталость и резко заболела голова. По школьному двору бегали ребяташки, играли в футбол. Иван присел на скамейку...

Неожиданно его тронули за плечо. Около него стояла худенькая с челочкой.

— Вы — Иван?

— Да.

— Мы подруги с Любой... И она рассказывала о вас.

— Где она? Поймите, мне очень это нужно знать.

Она внимательно посмотрела ему в глаза, точно искала ответ на сложный вопрос. Потом улыбнулась:

— Она работает в техникуме, через две улицы. Найдете. Пишите номер телефона.

Иван занес номер в память своего мобильного.

— Спасибо!

Неяркое осеннее солнце скупо улыбалось городу, Ивану. Плыли светлые, прозрачные, как старая вязаная шаль, облака, махали ему своей изношенной бахромой: «Все бегаешь по земле, человек, все ищешь. Мы ведь тоже ищем. Всю жизнь!» Но Ивану было не до них.

На широкой просторной улице отыскал светло-бежевое здание техникума. Подошел к двери, постоял и от волнения не смог войти, спросить.

Поблизости нашел скамейку, откуда была видна дверь техникума, сел и стал ждать. Её.

Как они встретятся? Скорее всего, плохо. Он попытается рассказать, как все произошло и что заставило его быстро и внезапно покинуть город. Она поймет. Должна понять...

Иван неотрывно наблюдал за входной дверью. Люди входили и выходили. Он слышал их смех, отдельные реплики. Может быть, позвонить ей? Нет. Надо посмотреть в Её глаза...

Иван мгновенно Её узнал, когда Люба спускалась по ступенькам. Он вскочил со скамейки и пошел Ей навстречу.

В синей куртке, короткой белой юбке Она выглядела девчонкой.

Люба увидела Ивана только в двух шагах от себя. Ему показалось, что в глазах Её вспыхнула радость. И погасла. Она зябко поежилась, словно от холодного ветра.

Молча стояли и смотрели друг на друга. И куда-то пропали слова. Иван тщетно искал их. Затем в Её глазах увидел нарастающее отчуждение, неприятие...

— Люба!

— Нет!

Он шел за Ней, смотрел на опущенные плечи, на тонкую шею, которую любил целовать.

— Выслушай меня, пожалуйста!

— Нет!

— Даже осужденному перед казнью дают последнее слово.

— Никто тебя не судил. А последнее слово ты сказал своим поступком!

Иван еще пытался объяснить, достучаться до Ней, но получал в ответ неизменное — «нет». В конце концов Она гневно сверкнула зеленым светом своих глаз, чем и заставила его остановиться. Остро ощущая свое бессилие, Иван смотрел Ей вслед.

А в глаза с ухмылкой смотрело Одиночество.

До позднего вечера Иван бесцельно шатался по улицам города. Заходил в кафе, что-то ел, не чувствуя вкуса еды, с кем-то говорил, спорил, пил вино на брудершафт. На узкой старой улице он нечаянно толкнул молодую женщину. Сопровождающий ее мужчина схватил Ивана за отвороты рубашки, занес для удара кулак, но, увидев глаза его, выругался и отпустил с миром.

На съемную квартиру Иван пришел поздно. Не раздеваясь, лег на кровать. Свет не включал. Лежал с открытыми глазами и слушал доносящийся из открытой форточки шум еще не спящей улицы, чьи-то голоса, смех, музыку...

В памяти проступало Её лицо, глаза, опять слышал это жесткое и непреклонное слово «нет». Затем это все смыло, будто приливной волной, и появился родительский дом, что-то говорила тетя Маруся, укоризненно качая головой; Осенняя гора с ее глубокими оврагами, волчьими норами и грибами; осиротевшая речка... Кто-то тонко, высоко вибрируя голосом, пел, а может, плакал...

Иван вспомнил про мобильник. Набрал её номер.

— Да, слушаю.

У него перехватило дыхание. Чудилось, что она находится рядом.

— Кто это?

— Я...

Она тотчас отключила телефон. Иван часа два пытался дозвониться до нее, но «абонент был недоступен».

Путру Иван пешком добрался до моря. Наблюдал, как восходило солнце, оживала набережная, город. Затарахтели лодочные моторы, мимо него прошли два мужика с удочками и рюкзаками за плечами. И остров ясно прорисовывался в синей дали. Даже был виден его дом. Бывший. Бывший... Какой безвозвратностью и потерей дышит это печальное слово. Безысходностью, безнадежностью...

Но этот осенний, новый и светлый день давал надежду Ивану. Что не так уж все плохо в брэнном мире и надо надеяться на лучшее...

Иван шел по просыпающимся улицам города, вслушивался в его нарастающий гул, дышал его воздухом и незаметно очутился перед «Букинистом».

В магазине пахло свежавымытым полом, желтыми страницами старых книг. Из подсобки к нему навстречу вышла Аня.

— О! О! — удивленно округлила она глаза. — Как вас давно не было! Куда же вы пропали?

— Уезжал, — неопределенно сказал Иван.

Он почему-то был рад встрече с прошлым.

— Новые работы ждать?

— Скорее да, нежели нет, — улыбнулся Иван.

— Кстати, вам просили передать письмо.

— Письмо... От кого?

Она протянула ему конверт.

— Не представился.

Иван с опаской его открыл. Достал листок бумаги, прочел. Потом еще раз. Оглянулся, словно решал, куда сесть...

— Что? Вам плохо? — озабоченно спросила Аня. — Принести воды?

— Нет, спасибо.

Слепо открыл дверь и вышел на улицу. Возле магазина вновь прочел письмо. Чему-то недоверчиво улыбнулся.

Шел по улице и крепко сжимал в руке письмо. Иногда останавливался и читал его, пытаясь вникнуть, понять написанное. Читал с недоверием, но помимо него на лице появлялась улыбка. Люди видели его улыбку и улыбались в ответ, а некоторые с опасением торопливо обходили стороной.

Таким при встрече его увидела Люба. Невольно замедлила шаг. Иван молча протянул ей письмо. Она хотела уйти, но неожиданно для самой себя взяла его. Прочла.

— Рада за тебя, — сухо сказала Она.

— И только? — спросил Иван. — А как же камешек цветной?

— Совсем померк он... — ответила Она, уходя.

Иван остался стоять на улице наедине с письмом и со своими мыслями. Он никому не нужен. Что бы он Ей ни предложил, Она не вернется. Зачем тогда это письмо? Порвать его в клочки. Но кто-то невидимый шепнул: «Дурак ты, Иван! Будь мужчиной!»

Иван крикнул Ей вслед:

— Я буду ждать тебя! Приезжай!

Он видел, как Она сжалась от его слов, остановилась на минуту, будто ожидая еще чего-то, и, не дождавшись, быстро поднялась по ступенькам и скрылась за дверь.

«Наверное, она что-то иное хотела услышать от меня», — подумал расстроенно Иван. Вытер пот со лба. Его словно выжали, обессилили.

Он медленно брел по улицам. Все равно куда. Лишь бы идти.

«Что ж, бывает... — сказал сам себе, то ли успокаиваясь, то ли смиряясь. — Ты надеялся, что произойдет то, о чем просил цветной камешек? Нет, брат, ты живешь не в сказке... В нашей жизни другие законы». Вспомнил про написанное в письме и улыбнулся...

В магазине Иван купил коньяк, фрукты и зашел на площадь к художникам. После двух рюмок они начали рьяно обсуждать свои и чужие работы. Хорошо было Ивану среди них. Он не лез в их разговор. Просто рядом нужны были люди. В душе у него, пересекаясь, звенели и жили печаль, радость и ожидание, которое никто не любит. Но у Ивана ожидание обещало хорошее. Правда, пока с привкусом грусти и обиды. Он будет ждать! Сколько потребуется.

Он прождал несколько дней. Надеялся, что Она позвонит и они увидятся. Напрасно. Пробовал сам звонить, но Её телефон был выключен.

Почти все в этой жизни когда-нибудь кончается, и быстрее всего почему-то — деньги. Так и у Ивана: осталось несколько жалких грошей. Надо было уезжать.

Купил на последние деньги билет и поехал в Приморск.

Часов через семь, усталый, вышел из автобуса.

Город ему сразу понравился: чистый, много зелени, но мало машин. Он лежал, словно в гигантской чаше, в круглой долине, окруженный лесистыми холмами, а с юга — морем. И куда-то исчезла усталость, когда он шагал по улицам города. Чем ближе подходил к центру, тем выше устремлялись в небо высотные дома. Рядом с ними уживались старые постройки. Отреставрированные и отремонтированные, они беспечно смотрели на Божий свет своими обновленными окнами.

В один из подобных домов и зашел Иван. В просторной, светлой комнате нотариуса стоял внушительных размеров стол с резными ножками, стальной сейф и два венских стула. Ничего лишнего. По-спартански. Нотариус — пожилой еврей с коричневым от загара лицом — вытирал платком высокие залыси-

ны. Попросил предъявить паспорт. Возвращая, с интересом взглянул на Ивана. Вынул из стола кожаную папку.

— Садитесь. Поработаем.

Иван читал документы, подписывал. Нотариус ставил печати.

— Черт! — выдохнул Иван. — Не верится...

Еврей улыбнулся:

— Поздравляю! Теперь вы официально являетесь владельцем острова Тин-Тин.

Тин-ти-и-ин — тихой волшебной музыкой звучало название острова. Его острова. Что-то китайское слышалось — Ти-и-ин... А может, так поет весной синица. Но сейчас — осень. Все смешалось в этом мире, все случилось — и радость, и грусть, и Любовь, и разлука... Тин-Тин... — пело в душе у Ивана.

— Кто является дарителем? — спросил, вспомнив, Иван.

Нотариус вежливо развел руками.

— Аноним.

Из сейфа он вынул толстый сверток и, держа его в руках, сказал:

— Кстати! Мой заказчик просил — это, конечно, чистая формальность, но я обещал выполнить его просьбу: скажите некие кодовые слова. И мы закончим дело.

Иван оцепенело и растерянно посмотрел на нотариуса, на папку с документами. «Некие кодовые слова»... Наверное, это все — Приморск, нотариус, остров Тин-Тин — чья-то шутка. Не иначе. В других комнатах старого дома сейчас сидит кто-то и смеется над его очумелой харей, и, может, они это не раз проделывали. Скорее всего, снимут все происходящее скрытой камерой. Потом будут смотреть и угорать над «владельцем острова». Еще и выложат в Сеть. Откуда-то издалека грустно улыбнулась Люба...

Иван встал со стула.

— Камешек цветной...

Нотариус крепко и уважительно пожал ему руку:

— Именно так! Возьмите это.

Иван взял пакет, небрежно бросил его в сумку.

Нотариус на это нервно потер руки, потом позвонил кому-то и сказал Ивану:

— Вас ждут на пристани. Катер номер пять. Еще раз поздравляю вас.

Иван пошел на пристань.

«Тин-ти-ин, — слышалось ему. — Тин...»

Около катера номер пять его ожидал седоусый, коренастый человек в матроске. «Егор», — представился он и деловито спросил:

— Поехали?

— Да, конечно, — сказал Иван.

Внутри него все сжалось, напряглось. Его слегка подташнивало от волнения, будто перед прыжком с высокого трамплина в холодную воду.

Он закрыл глаза. Боялся ошибиться в своих домыслах, в острове, не до конца все осознавая и веря...

Ти-ин-ти-и-ин... Он здесь, рядом. Ти-и-ин...

Лодка мягко ткнулась в берег. Иван открыл глаза, спрыгнул на песок.

Тин-Тин. Его остров.

Он положил сумку на землю и осмотрелся. На восточной стороне острова виднелись невысокие, но живописные скалы, на западной почти до середины острова рос лес. Под огромным деревом стоял дом.

Иван глубоко вздохнул и выдохнул, рассмеялся. Он все это видел «во сне». Только сейчас поверил в реальность происходящего. Остров действительно принадлежит ему.

У берега покачивались две лодки.

— Это чьи?

Егор недоуменно посмотрел на Ивана.

— Ты — хозяин острова, и все на нем твое.

Иван подошел, потрогал лодки, словно сомневаясь. Нет, не исчезли...

Егор, кажется, понял его состояние. Засмеялся, сказал:

— Тут тебе подарок...

— От кого?

— Просили передать. Что и делаю.

Он вынес из каюты катера деревянный ящик и поставил на песок. Иван открыл ящик. Там находился лопухий щенок. Он взял его на руки. Щенок лизнул щеку Ивана шершавым языком.

Иван прижал теплое тельце к груди:

— Ну что, Динка, останемся жить на Тин-Тине?

Динка, соглашаясь, снова лизнула его.

— Спасибо тебе, Егор!

— Да ладно... — теплея, отозвался Егор. — Понадоблюсь, найдешь меня на пристани.

С Динкой на руках подошел к дому. К своему дому. Мощные сосновые венцы источали терпкий, вязущий запах смолы, свежеспиленного дерева. Высокая крыша, окна с резными наличниками...

Иван открыл дверь с долей волнения и неясного опасения. Зашел в дом. Динку опустил на пол. В доме были три комнаты, готовые к проживанию. На кухне стоял холодильник, правда, пустой, в столе лежали ложки, вилки, чашки. В двух других комнатах было все необходимое — стулья, кровать, диван, на стене висел плоский экран телевизора. Все в доме было кем-то продумано до мелочей. Особенно поразила Ивана печка. Она была точной копией той, что он сделал на хозяйском острове.

«Олег... Нина, — подумал Иван. — Это их рук дело! Не иначе!»

Он ходил по комнатам, прикасался к вещам и улыбался...

Начала негромко повизгивать Динка. «Хочет есть», — догадался Иван. Да и ему бы не помешало. В сумке нашел пакет с едой, что на скорую руку купил возле пристани. Налил молока Динке. Постелил ей коврик под кухонным столом. Из сумки вынул еще один пакет, перепопаянный резиновыми жгутами. Вспомнил, что его дал нотариус. Иван освободил пакет от жгутов, раскрыл его. И отшатнулся, точно там лежала змея. В пакете находились деньги. Много денег! Теперь Иван понял нотариуса, нервно потирающего ладони, когда он небрежно бросил в сумку пакет с деньгами.

— Это уже лишнее, — сказал он укоризненно Олегу с Ниной, словно они находились рядом.

Смеркалось. Динка спала под столом. В навесном шкафу Иван отыскал свечи. Но не мог найти спички. «Ага! — отчего-то по-детски обрадовался он. — Все-таки кое-что забыли». Но если есть холодильник, телевизор, значит, где-то есть генератор. И, скорее всего, он находится в подвале. В крайней комнате под ковром обнаружил железный литой диск люка. Непрошеным гостям такой люк не взломать. Его можно только взорвать или открыть. Перебрал ключи, нашел нужный.

Спустился в подвал, в темноте на ощупь удалось отыскать ящик генератора и включить свет. Вдоль стены подвала стоял верстак с тисками, с инструментами. В продолговатом стальном сейфе обнаружил два ружья. Одно из них забрал в дом. С ружьем ему будет спокойнее.

Иван вышел из дома. Вдалеке сверкали огни города.

Тин-ти-и-и-ин...

Иван не спеша ходил по берегу, думал...

Ти-ин-ти-ин... Ти-и-ин-ти-и-ин...

Прошла ночь, и наступил день на острове Тин-Тин.

Иван встал спозаранку. Хотелось немедленно осмотреть свой остров, свои владения. Этому благоприятствовал и безоблачный солнечный день. Не углубляясь, прошел около леса. На деревьях заметил белку. «Мы с тобой обязательно подружиться», — крикнул ей. А может, в чаще леса есть и другие «жильцы». Южный берег состоял из песчаных отмелей и бухт. В западной части он с интересом осмотрел скалы, даже нашел пещеру, исследование которой решил отложить на будущее. Остров оказался небольшим и красивым.

И особенным. Ведь Тин-Тин — его остров.

Ти-ин-ти-ин...

Где ты был раньше, Тин-Тин? Я мечтал жить тут, Тин-Тин! Жизнь, судьба подарили мне тебя — Тин-Тин. Я буду всегда с тобой, Тин-Тин...

Тин-ти-и-ин...

Единственно, чего не было на острове Тин-Тин, — озера. Втайне осматривая остров, думал найти озеро...

Но и без него Тин-Тин за короткое время знакомства стал ему родным. У Ивана еще будут открытия на Тин-Тин. Ведь остров тоже должен присмотреться, узнать Ивана, привыкнуть к нему, породниться, а затем покажет свое сокровенное, тайное... У Тин-Тин есть душа, и надо добиться ее расположения, понимания.

Возвратившись домой, вытащил из подвала лодочный мотор. Необходимо съездить в город и привезти продукты. Метрах в десяти от дома нашел врытый в землю железный бак с бензином. Динка, повизгивая, бегала за ним.

В куртке зазвонил телефон.

— Да, — сказал Иван.

Но никто не отвечал. Затем — до озноба знакомый голос:

— Иван, я хочу видеть Тин-Тин.

Он уронил мотор на землю. Голос его внезапно охрип, осип. С трудом выдавил из себя:

— Ты где?

— На пристани.

— Жди меня там. Я сейчас приеду за тобой.

У него мелко дрожали руки, когда он крепил мотор на лодке. Под ногами путалась маленькая Динка, упрашивала его взять с собой.

— Добро, — сказал Иван и взял ее в лодку. — Поедешь со мной встречать хозяйку Тин-Тина...

Лодка стремительно мчалась по сверкающей воде к причалу.

Не по-осеннему ярко-синее небо задумчиво смотрело на море, на остров Тин-Тин, на пристань, где девушка в белом платье и белой куртке махала рукой приближающейся лодке с мужчиной и крохотной собачкой и что-то звонко кричала...

Тин-Тин — ты мой остров, где можно свободно любить, жить. Ты мое счастье — Тин-Тин! Ты — моя исполненная мечта... Тин-Тин...

Татьяна КАДНИКОВА

НА РАССТОЯНИИ ВЫТЯНУТОЙ РУКИ

Стихи

* * *

Осталась от жизни какая-то треть...
И... сколько там, в космосе, точек!
...Мне с возрастом в доме охота иметь
Советский (представь!) уголок.
Чтоб там Первомай был, и техники шум,
И с горном был гипсовый мальчик,
И чтоб целый день «бум-бум-бум-бум-бум-бум!»
Лупил в барабан барабанщик,
Чтоб мы проклинали линейки с утра,
Играли в спектаклях дурацких
И Ленин стоял, не рассыпавшись в прах,
Флажок в карандашнице — красный.
...И ухо соседки, как чуткий прибор,
Прильнуло бы к стенке кирпичной...
И всех нас на миг затопила любовь
К припрятанной Родине личной.

* * *

Научившись, как все, ходить,
Я училась бродить без цели,
И прекрасное находить,
Ум проветривать и студить,
И подолгу стоять у церкви.
С неба вечности льет вода,
Если держишь кулак разжатым.
И торопятся господа
Нищим кинуть пятак свой жалкий.
И зари каменеет желчь,
И с усмешкою смотрят в спины

Две вороны в плащах бомжей,
Гордо головы запрокинув.

* * *

Если вы спросите, как я живу,
Отвечаю со смехом:
«Каждый день собираюсь в Москву,
Чтоб никуда не уехать».
В маленьком городе хорошо
Мне, восхитительно-смертной:
Кружится жизни моей колесо
Мышкою интернетной.
Вот и с соседней планеты глядят,
Прячась в скафандры тугие,
Те, кого манит с рожденья Земля...
Но долетают другие.

* * *

Осенью много у ветра любовниц:
Бабочек-тленниц, рябинниц, костровниц.
Каждой любовнице в огненных лентах
Ветер насвистывает фламенко.
Каждая гордо несет подбородок.
Бабочки осени — из благородных.
Каждая, скорый конец рисуя,
Ляжет в прекраснейший гроб из сосульки.
Тронешь зимою сверкающий слепок...
Белые мухи танцуют нелепо.

* * *

Мне помнится,
в домике у реки
Мы жили — светло и тесно...
И мама дарила мне
лоскутки —
Она обивала кресла
На фабрике мебельной
день-деньской
Своею маленькою рукой.
Стучали страшные молотки,
Кричали страшные мужики.
И куклам Машам —
их целый взвод,

Сабинам,
толстущим дамам
Я мастерила на Новый год
Пальто от «любимой мамы».
Гулять
Их выстраивала
по головам —
О, сколько завистливых ахов!
...Вот и сейчас —
обниму диван —
И мамин приходит запах.
И вспомню,
как цветной лоскуток
Лег надолго
в письменный ящик,
Как мама ходила
в немодном пальто,
И мех был ненастоящим...

* * *

С Масленой неделей сходит снег —
Распрявился, оголившись, куст...
И сто тысяч бабушек во мне
Блинчики румяные пекут,
Подхватив меня под локотки:
«Брось компьютер, детка, на часок!»
Из-под их уверенной руки
Спустится в тарелку стая солнц.
Вот летят блины мои, летят —
В кружевах, виньетках, вензелях.
Домочадцы очень есть хотят,
Сели кошки под окном, молясь.
Воробьи: «И нам ис-печь, ис-печь!»
И в руке половник задрожит:
Блин — моя торжественная речь,
Лучшая, быть может, за всю жизнь.
Будут вам — с вареньем и с икрой,
Тридцать — толстых, двадцать — потощей.
Ну а мне — блинок чудной, с дырой...
Или же с улыбкой до ушей?!

* * *

Такая на люстре висит тишина,
Что ангел под ней — сутул.

Как черное солнце на фоне окна,
Восходит компьютерный стул,
Случайно вчера пододвинутый мной
Вплотную к балконной двери,
Отполирован моею спиной,
Без бриллиантов внутри.
В ночи — жутковатое божество,
Закрывший все звезды диск...
И днем не видит вокруг никого
Тот, кто на нем сидит.

* * *

Когда мужчина спит, зажав в кулаке
Воздух, с которым сражался он,
Не стучи, рука, не шурши, пакет,
Телефон-дурачок, не жалуйся.
Свою дверь, сосед, дрелью не буравь,
Гони, байкер, другим кварталом.
Когда мужчина спит, из-под его ребра
Свет по-над одеялом.
В своем сне он не крепит флагшток,
Не прет со стремянки в космос.
Когда мужчина спит, он словно хомячок,
Даже если тренер по боксу.
В его снах — тишина
И — ни одного боевого товарища.
Средь банановых рощ
Идут жена и дочь.
Переговариваются.

* * *

Души рыжих — к небу ближе.
Проливая рыжий цвет,
В сентябре все ниже, ниже
Солнце — близорукий дед.
Ни брюнета, ни блондина
Ручкою в пигментных пятнах
Он не гладит. Ищет сына —
В цвет своих волос, понятно.
Кинет в листья жара горстку.
И добавит цвет в физалис...
Может быть, солнцеволосый
Мальчик был положен в завязь?

Иль в тишайшей из песочниц
Спит в оранжевом ведрке?
Дед, забыв про стыд и совесть,
За собой сжигает город
И, сложив в паучью сетку
Листьев тлеющие искры,
Трогается в путь осенний —
Всех сердец, по цвету близких.

* * *

Не денежнее, не удачливее
И не при муже кошечкой —
Хочу я стать музыкальнее...
Колокольчиком
Парад открывать на площади,
А следом — оркестр с тушем.
«Динь-динь» петь усталой лошади,
Стыдясь за свою воздушность.
Или взлетать над звонницей,
Язык от усердия высунув,
«Динь-дон» петь дуэтом с горлицей
О том, что асфальт весь высох,
Несет одуванчики Радоница,
В зеленых чепчиках почки...
А если спую неправильно,
Не примут меня в колокольчики.
Положат в котел, где сталь кипит,
Назавтра сделают ложкою.
И станет жизнь моя сытою,
А сытым молчать положено.

* * *

На расстоянии вытянутой руки
Живем мы лет двадцать и столько-то...
Сидим, как пещерные старички
У огонька бойкого —
У телевизора мы сидим.
Влюбленные? Невлюбленные?
И льется времени синий дым
На наши веки бессонные.
И Вечность-паук, отделясь от стены,
В бинокль наблюдает — разведка!
Приглядывается пристально со спины...
Но нет между нами просвета.

Иван ТЕРТЫЧНЫЙ

СКВОЗНЯК

Рассказ

И вот осталось позади ещё одно пустоватое степное пространство, и снова справа и слева от дороги, огороженной пирамидальными тополями, протянулись вдаль зелёные шеренги виноградников и абрикосовых садов... И вот замелькали за стёклами нашего авто осанистые дома с крепкими металлическими воротами — началась какая-то станица.

Завидев на обочине белые вёдра, увенчанные горками пожелтелых абрикосов, Наталья попросила Сергея Сергеевича остановиться. Они вдвоём вышли из машины, чтобы взглянуть на фрукты повнимательнее и, может быть, прицениться. Я же только снял тёмные очки и, поёрзав на сиденье, уселся поудобнее. Что мне они, эти желтобокие абрикосы? Пожалуй, с куда большим удовольствием я съел бы сейчас разрезанный на половинки свежий огурец, посыпанный крупной солью. Ну а кому-то только успевай подавать южные фрукты. Вот, скажем, Наталья...

Едва мои спутники достигли цели, в проёме распахнутой калитки тут же появилась невысокая моложавая женщина в цветастом халате. Лёгкими шагами она в считанные секунды одолела малое расстояние и, улыбнувшись и коротко глянув на Наталью, поздоровалась с Сергеем Сергеевичем. Боковое стекло было приспущено, и потому я, не напрягая слуха, слышал каждое слово.

— И почём ваши абрикосы? Дорогие, наверное?

— А сколько вы будете брать? — ответила вопросом на вопрос женщина. И улыбнулась.

— Может быть, ведёрко, — предположил Сергей Сергеевич. — А?

— Трудно сказать почём... — женщина на миг задумалась. — От если б взяла ведёрка два-три, я б сразу сказала почём...

— Беру три! — решительно сказала Наташа и достала из сумочки кошелёк. — Да, три! И сколько нужно заплатить?

— Сколько-сколько... Та сколько хотите, столько и платите!

Казачка тихонько и радостно рассмеялась, словно у неё камень с души свалился.

— Хорошие абрикосы, — сказал, открывая багажник, Сергей Сергеевич.

— Прекрасные абрикосы! — оценила свою покупку Наталья. — Ну, Сергей Сергеевич, вы, похоже, приносите людям удачу...

На игрушечно-поддельном казачьем хуторе на морском берегу, куда нас, дабы распотешить, решил завезти на часок Сергей Сергеевич, мне почему-то сразу не понравилось. Зной, вылизанные — ни пылинки, ни соринки — беленькие хаты, организованные забавы, толпы туристов-ротозеев с фотоаппаратами... Единственное, что увлекло и даже немного растрогало, — это старинная песня, исполненная хором во главе с пожилой певуньей в узорчатом одеянии; отчаянно-искреннее звучание её чистого голоса вело за собой весь хор, оживляло его старательное исполнение... В её пении, казалось, нежно светилась неистребимая временем правда сердца, некогда вверенная ей небесной волей. Знала ли она об этом? Может быть, да, а может быть, и нет. Она жила в своём трепетном голосе, окидывая внутренним взглядом собственную судьбу — счастливую, несчастную ли... Я уж был готов, дождавшись паузы, подойти к певунье, сказать ей благодарное слово, легонько, по-родственному приобнять, но — вот диво! — мои спутники, неведомым образом уловив моё взволнованное настроение, стали поглядывать на меня, и мне пришлось, мысленно махнув рукой, направиться к машине.

В чередѣ мелькающих тополей я нечаянно, мельком углядел скромный дорожный указатель «Тамань», а вскоре появилось и его могучее белокаменное повторение, его-то невозможно было не заметить даже самому рассеянному пассажиру, ну а водителю — тем более...

Неспешно ступая затѣкшими ногами, мы перешли небольшую площадь и увидели сизую гладь моря.

— Тут рядом домик Лермонтова, а по соседству — музей. Зайдѣм? — предложил Сергей Сергеевич.

Наташа не ответила. Она увлечѣнно разглядывала живую картину моря, возможно, надеясь увидеть «парус одинокий»... Я же не колебался:

— Нет! Хочется спуститься к воде и оттуда посмотреть на берег. На обрыв.

Про обрыв я сказал не случайно, воображение нарисовало мне его много-много лет назад в тот самый день и час, когда я впервые прочитал «Тамань». И вот теперь нестерпимо хотелось сравнить мысленную картину с оригиналом.

Глаза Сергея Сергеевича засияли-залучились за широкими стѣклами очков, и он одобрительно кивнул, будто я угадал какое-то его заветное желание:

— Годится. Пойдѣм вниз.

Быть в летний зной у воды и не искупаться...

После трёх-четырёх коротких заплывов мы собрались в кружок и, стоя по грудь в воде, стали обмениваться недолгими впечатлениями.

— А водичка здесь куда теплее, чем в Анапе...

— Азовская, здорово прогретая, смешивается с черноморской, вот он и получается, друзья мои, эффект такой.

— Дно, как на ладони... Ни волн, ни ветра...

Беззвучно качается-покачивается море, и требуется невидимое усилие, чтобы оставить его приветливые объятия и отправиться на сушу.

Я отвёл правую руку в сторонку и от избытка чувств легонько похлопал ладонью по воде. И вот тут... И вот тут, когда рука расслабленно лежала ладонью вверх на зыбкой влаге, откуда-то из воздуха скользнуло наискосок и легло на мокрую ладонь длинное птичье перо. Белое остроконечное перо с золотистым отливом. Мои товарищи переглянулись и изумлённо уставились в моё лицо, словно на нём внезапно появилась диковинная маска.

«Птица?..» — именно так, скорее всего, подумал каждый из нас, поскольку, не сговариваясь, мы обратили взоры к небу. Но, кроме мягкого солнечного сияния и блёклой синевы, там, увы, ничего увидеть не удалось.

— Это что — дар поэта? Он увидел в тебе нечто близкое? Мол, продолжай, товарищ, писать задуманное?

— Да, вот и предполагай, что хочешь... — поглядывая на золотистое перо в моей руке, смущённо произнёс Сергей Сергеевич. — Похоже, Наташа права: дар поэта. Тем более, вон там, над обрывом, стоит домик, где он однажды пребывал, да и на море здесь смотрел, думал о чём-то, конечно...

И тут же, жестикуюлируя мокрыми руками и, как мне почему-то показалось, совершенно не к месту процитировал:

— «Тамань — самый скверный городишко из всех приморских городов России. Я там чуть-чуть не умер с голода, да ещё вдобавок меня хотели утопить...»

— Ну как, здорово? Но сейчас здесь совсем не так. Правда?

Что я мог ответить Наталье насчёт «дара поэта»? Взгляд мой на мир давно не мальчишеский, наивно-восторженный. Моё дело — стол, бумага... Я бы мог ответить вслух иное, очевидное: как хороша эта прилипшая ко лбу русая чёлка, как приманчивы чуть мерцающие карие глаза и приоткрытые вишнёвые губы... Да и, вообще, к лицу ей, нашей спутнице, это море!.. Но, естественно, насчёт «вслух» я малость погорячился. Море, как выяснил, к примеру, герой только что процитированного произведения, не лучшее место для свиданий и искренних объяснений...

Сказать же что-то Сергею Сергеевичу в ответ на его, схожее с предыдущим, предположение тоже непросто; что-то серьёзное — не выйдет, потому что сказать мне нечего; иронично же пошутить невозможно, глядя на его широкую ясную улыбку, восторженно сияющие глаза. В кои веки человек вырвался

из цепких объятий экономики и оказался, похоже, свидетелем мистического случая... И всё же я каким-то образом вышел из странного положения, и мы, поддерживая наш общий разговор о красотах местной природы и прелести морской воды, побрели к берегу...

И вроде бы с утра разлита в воздухе беспощадная жара, а так явственно, так ощутимо студил затылок и спину сквозящий над зыбью тягучий ветерок.

Ночью я спал беспокойно: просыпался, засыпал... И вот снова очнулся от неясного шороха. Я медленно открыл глаза, повернул голову — и остолбенел: в дальнем углу моей комнаты стоял какой-то рослый тип, темноволосый, в тёмной рубашке... Его я разглядел в одну секунду — лунный свет мягко сеялся из-за моего изголовья (я так и не опустил жалюзи: читал-читал и незаметно задремал).

Мужчина шевельнулся и приподнял затенённое лицо. Теперь, при лунном свете, я увидел, что он ещё довольно молод. Помолчав и, видимо, рассмотрев меня, он резко спросил:

— Ну и что же будем делать?

Перспектива в любом случае вырисовывалась для меня невесёлая: крепкая фигура незваного гостя, его решительный вид и поплёскивающие глаза...

— Я говорю... — выдержав паузу, незнакомец приподнял плечи. — Что ты думаешь об этом? О случае на море?

Волна неожиданного гнева подняла меня с постели.

— Что значит «думать об этом»?! О каком таком «случае»?!

Голос мой зазвенел, страх разом куда-то улетучился. И я шагнул навстречу незнакомцу. Он неожиданно отступил к порогу — на шаг, потом ещё... И, повернувшись к стене, толкнул её свободной рукой... Я ничего не мог понять: передо мной висело длинное узкое зеркало в деревянной рамке — и никакой дверцы, и никакого движения. Я — да, вот я... И больше никого. Я расслабил наконец кулаки и для пущей уверенности потрогал ладонями зеркальную гладь. Холодок стекла, сплошного стекла — и никакого за ним пространства, и никаких следов дерзкого незнакомца... Да и был ли он? Я взглянул на циферблат мерно тикающих настенных часов: половина четвёртого. И потянул за ручку балконную дверь. Ночной холодок обнял меня и потёк дальше, в комнату, и ещё дальше — в невидимую щель под входной дверью... Живая ночная тишина мало-помалу успокоила гулко стучавшее сердце, напряжённое тело расслабилось, обмякло... Опираясь на прохладные перильца балкона, я неторопливо рассматривал дальние россыпи звёзд, огоньки невидимых во тьме селений, вдыхал пахучий воздух, любовался притихшим рядом с лунным диском крохотным белым облачком... а потом с непонятым умилением коротко подумал о хозяине дома Сергее Сергеевиче, спящем сном праведника на своём любимом кожаном диване, о нашей спутнице Наталье, облюбовавшей тишайший второй этаж и широчайшую кровать у закрытого зеленью платана окна...

Где-то недалеко — показалось, что совсем рядом, у соседского забора — вдруг ни с того ни с сего заорал молодой петух, через минуту-другую ему ответил такой же хриплоголосый собрат. «Э-э! — понял я. — Пора мне возвращаться в постель, иначе с этими горлопанами придётся на балконе до самого утра куковать».

Ожидая прихода сна, я вспоминал поездку в Тамань: мерное колыхание моря, длинный желтоватый обрыв над водой, белёную снаружи и изнутри чистенькую хату, где недолго жил офицер-постоялец, будущий автор великого романа, её скромный быт (стол, кровать, сундучок, два кувшина — вот, кажется, и всё), соседний музейный домик, где с благородной простотой явлены неразговорчивым посетителям разнообразные экспонаты, думал о том, что наитие порою не подводит меня: рассматривая на портрете лицо молодого гусара — свежее, чуть припухлое, с глазами, полными надежд и весёлого спокойствия, я невольно, ощутив щекою мягкое движение некоего холодка, перевёл взгляд на висевший поодаль портрет того же гусара (на портрет фотографический, дагерротип, который только-только появился в России) — и был потрясён. Где же та свежесть лица, припухлость щёк, губ? Где полные жизненной энергии глаза? Я был потрясён. Я подошёл поближе, и моё потрясение не только не улеглось, оно даже усилилось: передо мною было лицо старика.

Уже подрёмывая, я вдруг вспомнил про перо из Тамани. Вчера я положил его на тумбочку у кровати. Я повернул голову — настольная лампа и... больше ничего! Неужели унесло куда-то сквозняком? Я приподнялся и огляделся. А, вон оно где! Перо почему-то покоилось на подоконнике, золотисто мерцая под лунным светом.

Вероника СУРНЯЕВА

РАЗОМКНУТЫЙ КРУГ

Стихи

СКАЗКА

Когда-нибудь, с «Критикой чистого разума» Канта
Под мышкой, ты мимо не сможешь пройти, узнав
Меня в окружении уличных музыкантов,
Поющую там в состоянии полусна:
Зеленая донизу юбочка с узким кантом
Да пальцы, натертые струнами докрасна.
С достоинством преуспевающего ваганта
К тебе подойдет, аская, один из нас.

А ты шелохнуться не сможешь, застыв, не веря
Глазам своим, несколько раз протерев очки.
Тебе будет слышно лишь то, как шумят деревья
И как разрывается голос мой на клочки
(Когда же, заметив тебя, я глотнула вермут,
В груди — в эпицентре — подземные шли толчки).
Я прочь побегу, чтобы спрятаться там, за дверью,
Но мысли о встрече закрутятся, как волчки.

Стою, напевая, — как будто бы в солнечном блике.
Тугие слова вдруг ложатся на пульс, как жгут.
Увидев тебя, я глотаю воздух на вскрике —
И он застревает в легких на пять минут.
Пока наши взгляды нелепо играют в крикет,
Ты мне представляешься: «Робин Гуд.
О, дева с чертами прекрасной арийки,
Ответь мне, красавица, как же тебя зовут?»

СИДДХАРТХА

Знать бы, куда эти ноги меня несут.
В какие далекие дали, кому на суд?
Я переполненный молодостью сосуд.
Я переплавленный жизнью, раздет, разут.

Дней прожил меньше я, чем прочитал страниц.
Буду я принц или сам буду падать ниц?
Чую свободу отпущенных в небо синиц.
В смысле, свободу как поиск её границ.

* * *

Дождь окропляет йодом картофель неба —
Сумерки дышат туманом крахмально-синим.
Я никогда не видела столько гнева
насилъно.

Это бывает редко, но все же снится.
Память беззвучно взрывается на стоп-кадры.
Сердце стучится в реальность, дрожат ресницы
стаккато.

Учишься слизывать слезы со вкусом клюквы
Или брусничные, с блеском литых заглавий.
Кажется, будто глотаешь острые буквы
и гравий.

В горле першит — и, ворочаясь, ключ скрипичный
Звук издает, открывая замок гортани.
Вместо рычания — стон, как стена, кирпичный,
картавый.

Это рождается музыка сверхзвуковойю.
Это рождается слово глухим глаголом.
Смазывай голое горло с зудящим воем
люголем.
И Бог с тобою.

* * *

Потеплел Петербург и расплылся в декабрьской улыбке,
Словно слепок из лавы, опущенный в талую воду.

За витринами — шарики, как пузырьки или рыбки;
Мишура и гирлянды замкнулись в цепи хороводов.

Сизый город шипит, остывают оконные углы.
Есть едва уловимое сходство с рождественской лавкой.
И качается строчка, как веточка, голой и смуглой,
Вдрызг обглоданной костью, безжизненной птичьей лапкой.

* * *

А когда-то ты пел в дуэте со —
Столь счастливой и юной — мной.
Мы встречались в отеле «Radisson»,
Выпивали, пока темно,
А к утру уходили в комнаты.
Ты все время меня стерег.
И в ушах у меня проколотых
Не висело уже серег.

Мы могли с тобой спотыкаться и
Вместе падать, смеясь вдвойне.
Будто звезды, цвели акации
В посиневшем моем окне.
На заливе выл пассакалией
Надвигавшийся с юга шторм.
Между нами была тоска или...
Мы не знали. Не знали, что.

И теперь вот в пальтишке драповом
Я к тому подхожу окну,
Вижу солнечный диск в царапинах —
Небу хочется здесь всплакнуть.
И колотится сердце бешено —
На заливе вовеки штиль.
Я глазами, чуть покрасневшими,
Вспоминаю, как ты шутил.

УНЫНИЕ ИЮНЯ

Деревья дерутся, друг друга листвою тараня,
Ветвистые, кажутся креслами из ротанга.
В сухих облаках — бездомных, в какой-то рвани —
Слышно эхо ханга.

Бессмысленная какофония птичьих трелей.
Тебя заливают опять разноцветной краской
Горячая боль и внезапно горчит — острее
Итальянской пасты.

Неделями маешься, ищешь попутный ветер,
Покуда один из них душу не выгибает,
Как парус, и ты поддаешься, ломаешь сети,
Как сухой гербарий.

Как будто кто-то тебя пригласил на танец
И подал руку, но взялся довольно крепко, —
Покорно встаешь, и он тащит тебя, шатаясь,
В ледяную реку.

И там, где люди похожи на лебедей и
Где горы похожи на швы на изнанке мира,
Тебе тычут пальцем в главного лицедея,
Сотворившего нам кумира.

* * *

Старый дом на Вишневой улице.
Как тогда, я стою на крыльце,
Слышу снова кудахтанье курицы,
Что клюет семена в огурце,

Лай соседских собак под яблоней,
Скрип колодца под крышей резной...
Запах сена в сарае с дряблыми
Удилами, дух детства и зной.

Вот сейчас бы бежать к орешнику
И — в смородиновые кусты,
В красных пятнах, с руками грешника,
С сердцем праведника — в монастырь.

Там в подземных пещерах — Вышнее,
Троеперстье морщинистых рук...
Снится мне старый дом под вишнями,
Сельской жизни разомкнутый круг.

ФАНТАЗИЯ

Небо сыплет цветными снежинками, как цитатами.
У неба высокий сердито-серый, голубоватый лоб.
Смерть и рождение вдруг поменялись датами.
Новый день начинается как озноб.

Деревья на солнце любят листьями, как ладонями,
Рассмотрев на иссохшей руке предсказание февраля.
Неграмотный ветер зубрит свое первое до-ре-ми,
Но новорожденный кричит неизменно на ноте ля.

И судьбу никому не дано выбирать, словно песнь неспетую,
И кому-то поможет в беде Иисус, а кому-то — жид.
Не хотят умирать молодыми, все хотели родиться поэтами.
Только им суждено умереть, чтобы жить.

Закрывается небом — холодными, влажными веками —
Уставший смотреть не моргая, краснеющий солнечный глаз.
Обжигаются светом хрусталики — тают, стекают реками.
Тогда ты считаешь овец, засыпая на счете «раз».

Луна обливается тучами, как слезами, и
Снится, что кто-то стучит тебе в дверь: отвори, отвори!
В кадре на синем небесном экране все замерло.
И стала во сне я «поющей под снегом», твоей Госпожой Говори.

В тишине предпоследнего вздоха спустя рукава я
Ищу новый космос; мой пафос так груб, нарочит.
В составе химической формулы времени музыка — роковая:
Она существует, пока звучит.

Валерий АЛЕКСАНДРОВ

«ПО-ЧЁРНОМУ»

Рассказ

Кельи «дожителей» Дома ветеранов почти всегда приоткрыты, чтобы не застаивались основные запахи бытия человеческого, к старости еще более выразительные. А они и не застаивались. Это чувствовалось прямо от входной двери, где у вахтёра был свой маленький, ну почти никакой по нынешним меркам, бизнес. Вахтёр продавал — наверняка тайно от налоговой — посетителям «юдоли» бахилы, по пяти рублей за пару, и имел — страшно подумать — по одному рублю прибыли с клиента.

Таким образом, посещая заведение безысходности по воскресеньям, племянник бабы Мани из комнаты 412 делал вахтёра богаче на четыре рубля в месяц. Его уже не записывали в журнале посетителей, так как был он тем редким «случаем» неблизких родственников, которые навещали своих «кормильцев» не только в день пенсии. Да и остатки пенсии бабы Мани он тратил нетрадиционно: на памперсы, салфетки, фрукты и маленькие субсидии нянечкам, банщице и парикмахеру. Действительно, редкий случай...

— Салют караулу! — племянник привычно сунул очередной пятак в окошечко вахтёра.

— Сегодня можешь без бахил, в качестве бонуса, — улыбнулась молодая вахтенная.

— Нет, лапуль, я «по-чёрному» не хожу.

— Как, как? Лапуля? Спасибо, родной, меня с детства так не называли.

«Как мало женщинам надо. Одно слово, и опять невеста... Не наболованы жизнью нашей, сердешные...» — подумал он.

«Упаковав» бабку в тёплый халат, платок с мотивами хохломы и короткие чёсанки сорок второго размера, племянник осторожно скатил кресло-коляску с широкого пандуса на мокрый асфальт про-

гулочной площадки. Сегодня после дождя было по-осеннему ядрёно, и с ожиданием свободной коляски проблем не возникло.

В коридоре второго блока оказалось целых три невостребованных. Отчасти потому, что обитатели Дома ветеранов в основном были из бывших городских «продвинутых» и к остаткам здоровья в такую погоду особенно бережливы.

А вот тут у бабы Мани была огромная фора — восемьдесят три года деревенской закалки «по-чёрному». Восемьдесят три прокопченных, промороженных, погрязших в земле, поте и навозной жиже «сквозных» года. Они пролетели без отдыха, отпуска, выходных, праздников, без проку, без толку одним единым Великим Трудоднём!

«Этот годок-то, похож, последний, — подумала она, посмотрев на непослушные ноги в казённых чёсанках. — Прожила без толку и отдохну чуток без проку... ещё чуток...» Она устало улыбнулась.

— Чему обрадовалась, Мамань? — участливо спросил племянник, поправляя накиннутый на нее «общественный» платок.

Одежды здесь было в достатке. Умиравшие и вновь прибывающие всегда «на потоке». Одни оставляли бранный скарб, а вновь прибывающие приносили с собой.

— Так... Не знаю, — незатейливо уклонилась она от ответа.

Как человек одинокий, проживший всю жизнь с домашней скотиной, она вообще не любила общаться с себе подобными, считая это излишним, ненужным лукавством. Даже родственников не особо жаловала, да, собственно, редко и видела их...

— Ты «Денискины рассказы» читаешь? Те, что я на той неделе принёс?

— Не галди! На кой они мне.

— На «той», чтоб без скотины своей тут совсем не рехнуться. С соседками по палате не общаешься, санитарок тоже вниманием не жалуешь. Даже телевизор не смотришь. Хотя бы рассказы читала, в детстве-то не довелось...

«Денискины рассказы» были отпечатаны наикрупнейшим шрифтом, и очки для прочтения не требовались. Требовалось только желание, а его давно не было...

И когда она читала-то в последний раз?.. Ну да, перед войной, весной 41-го, по окончании третьего класса. Она была самой способной из пятерых детей, а в семье были четыре сестры и брат. Не только самой способной, но и самой старшей — последнее обстоятельство и определило всю её дальнейшую судьбу...

Там, в сорок первом, осталась последняя счастливая весна её так внезапно рухнувшего детства. Счастливая, несмотря на вечные хлопоты в помощь больной матери, ранние — не по возрасту — колхозные трудодни и вечные субботники. С началом войны этот яркий свет трудового детства превратился в сумерки, а немного позже — в темноту, сплошную темноту на всю такую дол-

гую и такую беспросветную жизнь. Как окна, как иконы, как всё пространство её прокопченной пятитстенки, что в последние годы огульной «свободы» топи-лась «по-чёрному» по воле пьяного печника, бестолкового царя, и собственно-го бессилия что-то изменить в этом непонятном мире.

— Ну не молчи, Мамань. Расскажи хоть, как кормят. Может, чем из еды по-баловать?

— Да не колготися, оглашенный. На дню, почитай, четыре разу кормют. Токмо ананасов не мают.

— Так, может, ими и порадовать?

— Годков двадцать назад, може, и порадовал, а ныне чем радоваться? — она ослабилась совершенно беззубым ртом. Говорю ж, не колгатися...

О «плотном» режиме питания в заведении племянник знал от нянечек, которых регулярно «благодарил» за услуги и которым передавал памперсы, чтобы тётка не докучала с постельным бельём. Знал и то, что аппетит у Мамани был как у солдата-срочника и что ей постоянно давали добавку. Нянечек это удивляло. Но как им было объяснить, что этот «блокадный» синдром у тётки от пожизненного недоедания по пожизненно разным причинам... Сначала потому, что было нечего есть в большой колхозной семье времён подъёма сельского хозяйства и индустриализации. А потом... потом тоже было и нечего, и некогда.

Отец сгинул в мясорубке Курской дуги, мать постоянно болела и умерла вскоре после войны. Зато сёстры и брат, благодаря её недоеданию и недосыпанию, окончили школу и разъехались в города строить свою жизнь по-современному, трудиться и учиться, благодаря её беспросветным стараниям. И всё у них дальше было «по-белому», а у неё, как и раньше, «по-чёрному»...

— Вон, посмотри, — племянник развернул каталку в сторону палисадника, — какой красивый котяра вышагивает!

Огромный, откормленный обитателями приюта, воронёный с белым воротником Баюн сыто щурился на отражение заката в окнах третьего этажа.

«Ну, у этого точно всё «по-белому», — с горькой усмешкой отметил про себя племянник.

— Красивый Васька, — уважительно прошептала бабка.

— А у тебя сколько кошек было? — ухватился он за возможную нить общения, так необходимого в её вынужденном безделии.

— Так... много...

— А звали их как?

— А той помню... разно кликала.

— Ну а коровок-то своих как величала? — он настойчиво старался поддержать редкий интерес к разговору с ее стороны.

И тут действительно «попал». Заслышав о своих единственных по жизни бескорыстных и верных «подругах», она оживилась, заёрзала на каталке. Лицо слегка напряглось и просветлело, словно всматриваясь в кого-то родного и далёкого, того, кто когда-то «с горочки спустился»...

— Сама первая... Красавка, посяла её Белянка, потой Зорька. Резвуха была малясь, убёгла посяла, да на гатях, дура, потопла. А потой Паня, шибко бодуча была, да телилася справно. Да Зинка... продать случилось, доилась мало... А там... и не помню...

Вот и все подруги по жизни после самой главной, самой чёрной и загадычной — работы.

— А свиньям тоже имена давала? — настойчиво не отпускал он её «в себя».

Она с минуту что-то обдумала, подняла голову и посмотрела на него с укором, как бы давая понять, что знает, что он её «разводит» на разговор.

— Да на кой ляд свиньям имя? — тетка сделала вид, что хочет задремать.

«Ладно, — решил он, — и так сегодня плотно побеседовали. Пусть передохнёт».

В детстве он звал её просто тётя Маня, но лет в двенадцать стал замечать, что такое обращение её как-то напрягает. Спросил почему. Она не стала объяснять, а перед отъездом в деревню попросила, если можно, называть её Маманей.

И это, действительно, было по жизни как-то оправданно. Ведь своих детей, как и мужа, у неё не было по причине вечной «родственной перезагрузки». А последние лет двенадцать сестра Верка привозила к ней сына на всё лето — подхарчиться.

Да и с молодых глаз долой. И всё-таки Маманей он стал звать её позже.

Когда же это было? Да, точно, в первое и единственное полугодие её вынужденного безделья в стационаре неухоженной районной больницы.

Это после того, как тетку бык «закатал». Спасло то, что рядом канавка оказалась. Каким-то чудом, по природной сметливости своей, Маманя в неё занырнула с пятью поломанными рёбрами.

Колхозное стадо тогда пасли по дворовой очерёдности. А по неимению во дворе мужика пасти раз в полтора месяца приходилось самой тетке. Ниже неё ростом в стаде были только телята. И что тогда быку в ней не глянулось?

Может, платок красный, может, запах керосина, пролитого вчера на фуфайку, а может, и кнут не «по масти»? Кто его, быка, знает...

И вот тогда в палате она во второй раз шепотом напомнила ему свою давнюю просьбу — звать её при всех Маманей. Так ей было уютней. Особенно в окружении болезных соседок и медперсонала, присутствие которого вызыва-

ло в ней трепетное уважение, как к «белым» представителям умственной профессии. Мамаля... Так и прижилось тогда это имя, как-то скрашивая и немного овещая её жизнь «по-чёрному»...

А лет через двадцать непосильного и ежедневного труда выпал Мамане очередной «заслуженный» отдых — аж на целых девять месяцев. Везла она в тот день в своём «непреклонном» преклонном, лет семидесяти, возрасте дрова с вырубки на зимовку себе и скотине. Везла да и задремала в дровенках с устатку. Оно бы ничего, лошадь дорогу знала не хуже хозяйки, да вот хозяйка заснула в позе неустойчивого равновесия. И такого неустойчивого, что слетела на очередной ухабине и приложилась о родимую мёрзлую так, что треснули два трудных позвонка в грудном отделе. Половину её «скотского» поголовья соседи тогда продали, другую по себе разобрали. Ну, думали, поживёт наконец-то Маня по-человечески. На пенсии по возрасту да вынужденной ущербности в город съедет. Сёстры уже и малосемейку ей присмотрели, и с деньгами подсуетились. Да вот фиг угадали! Маманя молча оклемалась, заковала в очередной раз кости в стальные сухожилия, собрала остатки своего «войска скотского» по соседям и опять «по-чёрному» — с лопатой и вилами и граблями наперевес.

Тогда в её отсутствие сёстры провели в избу свет, радио, купили на её кровные телевизор, холодильник, плиту, машинку стиральную. Поживи Маня хоть здесь по-человечески, раз в город не затащишь.

Да опять не получилось «по-белому». Не могла уже иначе, чем могла. А может, и не хотела. От пользования «по-чёрному» скончался телевизор, немного позже почил холодильник, не выдержала изготовления браги (деревенской валюты) стиральная машинка, да и новости радиоточки недолго скрашивали бессонные ночи. А когда от сырости стен замкнуло электроплиту, Маманя выдрала проводку, обесточив всю эту «пиротехнику», легко вздохнула и перекрестилась: «А ну её... туда совсем...» И всё пошло у неё по старому, пахучему и годами «утоптанному»...

— Ну ты не дремли, всю неделю ещё «клопов давить». Смотри, какие у вас тут на клумбе пионы красивые.

— Шпиёны... красивые, — зевнула она, приоткрыв правый глаз.

— Пионы, без «Ш», — поправил племянник.

— Всё одно шпиёны, глядь, как подзывают.

— Да откуда тебе знать, возле избы всю жизнь одна крапива росла.

— А неча баловство маить, и крапива на дворе гожа.

«Гожа» последние годы была и скотина в самом доме, и комбикорм, и навоз от неё там же. А когда силёнок ещё поубавилось, то в избе остались пяток овец да четыре прилудных собаки, спасённых от пуль «супостата» участкового. Собаки тоже питались комбикормом, который она иногда разбавляла водой. А кошки и куры приходили и уходили, когда им заблагорассудится.

Пенсию приносили к дому, автолавка подъезжала к порогу, а в дом она никого не пускала. Даже фельдшера, заходившего раз в полгода. Показывала ему больные ноги прямо у входа в сени. Из дома выходила весной и осенью сажать и убирать картошку, не доеденную колорадским жуком. Картошку собирала, стоя на коленях: артроз не позволял иначе...

Три раза в год племянник доставлял ей пару ящиков консервов да китайской лапши. Колбасу, сыр и рыбу он перестал привозить после того, как её одичавшие кошки растерзали это добро за несколько минут, пока он разгружался. С тех пор брал продукты только в жёсткой упаковке, но не настолько, чтоб она не смогла открыть.

На его постоянные уговоры перебраться в город Маманя твёрдо заявляла, что помрёт здесь, на родном навозе, со своими бедными и полуслепыми овцами и собаками. Здесь, в родном селе с диким именем Котёл.

— Так хоронить будет некого: твои же собаки тебя и обглодают, — как последний аргумент в сердцах выдавал племянник.

— А никак, им тожа нада, — отшивала она со злой бравадой, отмахиваясь рукой, искорёженной артритом от пожизненной дойки.

Увещевать её было без толку, да уже и некому. Брат давно почил в славном городе Ленинграде, который она не видела даже на открытках; средняя сестра — в Пензе; другая давно и благополучно отгородилась ото всей родни в стольном Киеве. А младшая ухаживала за обезножившим мужем средней сестры при участии племянника.

А дом... Дом не ветшал, нет. Он просто долго сопротивлялся безволию своей хозяйки. Маманя убивала дом год за годом, вместе с собой, по незнанию и нежеланию знать другую жизнь и уже просто по физической немощи.

А ведь ещё лет тридцать назад дом этот был отстроен заново мужем средней сестры. Отстроен добротнo и обстоятельно, по-родственному.

Теперь же он упокоился окончательно, вместе с печальными и строгими закопчёнными ликами святых на почерневшем иконостасе. И помочь уже было некому...

...А вот Мамане помог случай, хотя и запоздалый, но закономерный. Вернее, два случая: плохой и хороший.

Обо всем по порядку... Осенью опился, в очередной раз, и помер «старый» — пятидесяти лет жизни, помноженной на магарыч, — печник Федотыч. А дымоход у Мамани к тому времени забился окончательно, почти закоксувался, сердешный. И, по причине давнего отсутствия на улице Красиловке трезвых и рукастых, печка в последнюю зиму топилась по-чёрному. До весны Маманя дожила благодаря недюжинному здоровью, но ноги на девятом десятке не выдержали такого издевательства и почти отказали от копоты и холода.

А весной — это и был единственный в её жизни счастливый случай — приехала на такси из города младшая сестра Шура. Так, на всякий случай, не угрожать на переезд, так хотя бы попрощаться. И не успела подойти к избе, как выбежала сердобольная Маманина соседка, упала Шуре в ноги и заголосила на всю обезлюдевшую улицу: «Манька помират, забери её от греха». И вот тогда, впервые в жизни, на восемьдесят третьем году, Маманя не стала возражать и сопротивляться. Она позволила сестре Шурке вместе с таксистом загрузить себя на заднее сиденье, благо все документы в последние годы всегда были при ней — в истлевшей, вязанной лет тридцать назад, безрукавке.

Безропотно и отрешённо проехала она на такси эту самую длинную в своей жизни дорогу — дорогу к началу новой недолгой жизни, точнее, дожитию.

Тогда, по прибытии, сестра Шура, с тем же равнодушным таксистом, героически затащила Маманю на третий этаж хрущёвки, где жила и ухаживала за восьмидесятилетним мужем своей средней сестры. Сестра Вера, мать их единственного племянника, уже лет пятнадцать как упокоилась в ночь на Пасху, тихо и мирно, в своей кровати.

Шура положила сестру Марию на шерстяное одеяло, под недовольный ропот шурина, прямо у приоткрытого балкона, прямо на деревянный пол... Вот так, «по-чёрному»... Там Маманя и пролежала двое суток рядом с миской, в которую сестра регулярно подкладывала еду, и пару раз сестра меняла ей простыню. Там же она и заполучила левостороннее воспаление лёгких... тоже впервые в жизни.

Скорее всего, так бы и почил на дощатом крашенном лет двадцать назад полу, если бы опять не случай, хотя на этот раз и закономерный. В тот день племянник пришёл побрить и искупать отца, но, узрев происходящее, не сделал ни того, ни другого. Он молча изъял из истлевшей тёткиной безрукавки полуразвалившийся паспорт с фото, похожим на «их разыскивает...», и удостоверение работника тыла. Через час нашел участкового врача и оч-ч-чень доходчиво обрисовал положение — её, врача, положение в этой ситуации. Обрисовал так живо, что тут же получил благословение в виде направления для Мамани в госпиталь ветеранов. Вызвал перевозку, вынес тётку на руках и доставил в приёмное отделение. Там было попытались возмутиться таким наплевательством на порядок госпитализации, но, пообщавшись с сопровождающим пару минут, поняли, что вариантов у них только два — либо сдать бабкиного племянника в полицию, либо нет. Но, так как при любом раскладе бабка останется у них, остановились на втором, с одним жёстким условием: чтобы он собственноручно постриг и отскрёб эту старую лохматую полусгнившую «зверушку»... Тем более было видно, что он готов на что угодно, лишь бы благополучно определить бабку и вернуться к работе, детям, внукам, другим родным старикам.

Он внёс тётку в санитарную комнату, наполнил ванну, снял ее упревшие лохмотья. Белое чугунное «корыто» она увидела впервые и с испугу так прихватила шею племянника жилистыми руками, что он разжал их не сразу и не

без труда. Санитарки принесли хозяйственное мыло с мочалкой, ножницы, похожие на сапожные, смену больничного белья. Встали чуть поодаль и с брезгливым любопытством наблюдали, как этот «отмороженный» делает их работу: оттирает жёсткой мочалкой продублённую топкой «по-чёрному» кожу, стрижёт свалевшиеся в неопределённый субстрат волосы и вросшие, прочерневшие до глубины «когти» на руках и ногах. Всё ЭТО ополаскивает, вытирает и переодевает.

Посмотреть на такое шоу подтянулись ещё несколько санитарок.

Он покосился на них, грустно усмехнулся: «А ведь вы, девочки, уже сами в почтенном возрасте, брезгливые мои. Да ладно, чужое всегда хуже и выглядит, и пахнет. Хорошо ещё, каталку дали...»

...Драчливые воробьи суетились вокруг куска свежей булки, брошенной из окошка юдоли чьей-то щедрой рукой. Старики вообще к птицам и кошкам бескорыстней, нежели друг к другу. Он обогнул коляской маленькое пернатое пиршество, поправил на подлокотнике правую руку тётки.

— Мамань, а для чего жила-то, ведь сёстры последние лет пятьдесят в трудах твоих уже не нуждались, — настойчиво разворачивал он тему.

— Да жила вот...

— Да грех это, вот так всю жизнь «по-чёрному»... Зачем?

— ...

— И чего молчишь?!

— Дура была...

— А теперь?

— Да и таперя дура...

Изношенная коляска натужно докатывала грустный периметр Дома ветеранов. Мелкие крошки старого асфальта впечатывались в лысые шины и с тихим шуршанием осыпались... Каждая со своим «невезением» — через один, два, три оборота колеса... в ожидании очередного кресла-каталки... из черноты к небу... и опять в черноту...

Было безветренно, безлюдно и как-то безысходно... Только эти двое на сыром осеннем периметре «юдоли»... Они доехали до восточной стороны фасада. Здесь небольшой промежуток дорожки был закатан свежим асфальтом, и коляска пошла по нему ровнее и спокойнее. Ощувив эту перемену, Маманя посмотрела под колёса:

— Чёрный какой...

«Да, да, как вся твоя жизнь», — подумал племянник, но вслух сказал:

— Да не чёрный он... Новый... новый и чистый после дождя...

**Анна
БОНАРРИГО,
Мария Грация
ДЖЕНОВЕЗЕ**

**ВСМОТРЕВШИСЬ
В БЕЗДНУ**

Стихи

Анна БОНАРРИГО

МЫ СУТЬ СЛОВА...

...Перетасованные в гробовом молчанье,
И ветру брошенные на съеденье,
И в поле сжатые безжалостным серпом,
И давшие бутоны в сердцевине сердца,
Вмурованного в неприступность стен души,
Затем вдруг вспыхнувшие пламенем желанья,
Которое сейчас осядет пеплом на страницах жизни...

* * *

В узорчье мной вытканной судьбы
Вплела я мне отмеренное время,
Я, пальцы погрузив в прозрачность истины, его познала,
Всмотревшись в бездну, головы не преклоняя,
Хоть бездна заживо ее проглотит..
Он где-то здесь, тот, что меня бросает и находит вновь,
Он кроется за дуновеньем мысли, которая сейчас моею руч-
кой водит,
Он тот, что кружево плетет, в него тебя вплетая.

Мария Грация ДЖЕНОВЕЗЕ

ПУТЫ

Сомнительно,
Что силы я найду

Распутать вретище,
Которое
на мне,
Как лиф,
Шипами изнутри покрытый.

Рассудок
Словно ком колючек,
Ехидна с жалами,
И жала эти
Насквозь пронзают
То, что есть,
И то, что будет.

Надежды, впрочем, нет,
Что жить сумею
Вне этой власяницы,
без этих мук,
без этой пытки.

Но изредка, прошу,
ты все же
Слизывай
Мою запекшуюся кровь...

СИНИЙ КОБАЛЬТ

Сегодня кобальт синевы
Надежд не обманул.
В ультрамарине
Тонут мысли.

Дыханья нет
В торжественной надменности
природы.

В ней рассыпается
И тает
Нечто
под названьем «Я».

СОЗЕРЦАНИЕ

Почило время
На луче нежнейшем света.

Сквозь стебли желтых
Листьев сочится солнце и омывает черные полосы
На мордочке
Осенней кошечки,
«Пятерочки» моей.

Она, зверек неприхотливый,
Зажмурив в наслажденье глазки, себя волшебной ласке
Предлагает,
Которая, пока еще слегка,
Ее окутывает светом.
Потом эффект становится сильнее,
И вот уж мех пылает жаром и лоснится...

(Примечание: «пятерка» — самая плохая отметка в итальянских школах, поэтому кличку кошечки можно по смыслу перевести и как «Двоечница»).

САЛЬТО-МОРТАЛЕ

Всего один прыжок назад.
Без
Сетки снизу.

Внезапно. Вдруг.

Как в детстве, когда в расщелину глядишь,
А на тебя беззвучно смотрит бездна.

Рассудок
С вечным мраком справиться не в силах,

ведь мечталось
примять ногами
ковер роскошный
трав какой-то солнечной долины...

Вот бездны зев.
И хочется отпрянуть.
Но сальто вспять не повернуть,
И завершение полета неизбежно.

И вот раздавлена.
Но все ж
Она пьянеет от последних капель
жизни.

Перевод с итальянского Федора Самарина

Илья ЦАРЁВ

НАХОДКА

Рассказы

ДВЕ СЕСТРЫ

Жили на свете две сестры — Правда и Ложь. Жили они дружно. Если и случались ссоры, то не у них между собой, а у людей из-за них. Ложь постоянно всех хвалила, засыпала напропалую комплиментами. А Правда порой говорила неприятные вещи, никогда ничего не давала просто так, ну разве что имбиря ей не жалко было.

Надо сказать, что сами сёстры находились друг с другом в хороших отношениях. Их даже редко видели порознь, они всегда гуляли по белому свету вместе.

Но вот однажды случилась и между ними размолвка.

Они увидели на детской площадке плачущего мальчика в грязных штанах. Подошли к нему и спросили: «Почему ты плачешь?» Мальчик, всхлипывая, ответил:

— Родители сказали, что, если я опять грязный приду, они меня домой не пустят.

— Ну что ты?! Конечно же, пустят, они же тебя любят, — погладила его по голове Правда. — Пойдем, мы отведём тебя домой.

Сёстры довели мальчика до дома. Мальчик постучал, ему открыла мама:

— Я что тебе говорила, а? Ну-ка быстро в дом, и штаны в стирку! На улицу больше не выйдешь!

Сёстры переглянулись.

— Что ж это получается? Родители врут, а страдает ребёнок, — заметила Правда.

— Это же не моя вина, я ведь не заставляю в себя верить. Просто я чаще выгляжу привлекательнее, — не без гордости ответила Ложь.

Сёстры отошли от дома мальчика, когда мимо них проходили мужчина с девочкой лет пяти — отец и дочь:

— Папа! — потянула отца за руку дочь. — А почему мы теперь не ходим к бабушке?

Отец замялся, он не ожидал такого вопроса.

— Ну... Она просто переехала в другой город, — услышала в ответ девочка.

— И что, сестра, по-твоему, ей нужно было сказать, как все есть на самом деле? Сказать маленькому ребенку, что бабушки больше нет? Чтобы девочка расплакалась? — спросила Ложь с подвохом.

— Она ведь всё равно узнает, но позже, — спокойно ответила Правда.

Сёстры пошли дальше, и навстречу им попались два молодых человека, один из которых говорил:

— Ты не представляешь, ну не могу я врать маме! И в детстве ей никогда не врал, и сейчас язык не поворачивается. Не могу и все! Вот узнает она, какие неприятности у меня на работе, и что? Волноваться начнет, а у нее сердце не железное. А мне-то зачем это надо? Я хочу, чтобы у неё всё хорошо было, чтобы спала спокойно. Вот и стою на перепутье.

Сёстры не стали вмешиваться в разговор: парень взрослый и сам должен решить, кого из них выбрать в спутницы.

И сами сёстры наконец-то поняли, что они всегда будут неразлучны. Самое главное, не мешать людям принимать решения: кто-то будет выбирать Правду, кто-то Ложь, а кто-то может надолго застрять на перепутье.

НАХОДКА

Поздним зимним вечером я возвращался с прогулки. На улице было тепло, дул лёгкий ветер. Недалеко от дороги я заметил что-то блестящее. Подойдя ближе, увидел чехол от телефона. Выкинули? Подобрал розовый чехол с блестящими узорами. Да там телефон! Надо вернуть, не себе же оставлять. Открыл контактный список: «Ира Селёдка», «Лена Ногти», «Даша Шляпы», «Прокурор». После этого «контакта» окончательно убедился, что телефон нужно вернуть. Нашёл контакт «Дом». Звоню.

— Алло! — ответила женщина, судя по голосу, пожилая.

— Здравствуйте. Извините, пожалуйста, за беспокойство, я нашёл телефон и хотел бы его вернуть. Здесь ваш номер...

— Я никому свой номер не давала! — испуганно перебила меня женщина.

— Да нет, вы не поняли, я нашёл телефон и хочу его вернуть. А здесь ваш номер.

В ответ тишина. Видимо, пошла загрузка мыслительного процесса — значит, надо помочь.

— Когда я вам позвонил, у вас на экране кто высветился?

— Дочь.

— Ну вот, значит, ваша дочь потеряла телефон.
— А-а-а, ну сейчас я ей позвоню, — пришла к просветлению женщина.
— Да как же вы ей позвоните, если она телефон потеряла?
— Ой, да. Дочь в Пензе, а я в деревне.
— А кто-нибудь из родственников есть здесь, в Пензе?
— У неё есть муж, — с гордостью ответила женщина.
— Очень хорошо, рад за вашу дочь. А как его зовут? — спросил я, надеясь найти его в списке.

— Олег.

— Спасибо, я тогда позвоню мужу, до свиданья.

Снова открыл список, ищу: «Олег 1», «Олег 2», «Олег 3». Ну, значит, по степени важности надо звонить первому Олегу.

— Да! Ну где ты, недёшевая моя? — громким басом ответил мужчина.

— Здравствуйте. Извините, пожалуйста, я нашёл телефон вашей жены и хотел бы вернуть.

— Кого? Жену?

— Нет, телефон.

— А жена моя где?

— Да откуда я знаю, где ваша жена? Я только знаю, что она потеряла телефон. Я звоню вам и хочу, чтобы вы его забрали.

— А-а-а, всё понял, сейчас подъеду, скажи куда.

Назвал адрес, стою, жду. Через десять минут подъехала иномарка, оттуда вышел крупных размеров лысый мужчина и направился ко мне:

— Ты телефон нашёл?

— Да, — ответил я и протянул чехол с телефоном.

Но мужчина поднял меня за воротник и начал трясти. Ну, думаю, значит, не за телефоном пришёл.

— Где моя жена?! — орал он, продолжая меня трясти.

— Не знаю! — кричал я в ответ.

— Врёшь! — говорил он и начинал трясти еще сильнее.

— Вы так ответ из меня не вытрясете.

Но, видно, он начал уставать. Поставил меня на асфальт.

— Мужчина, успокойтесь, я нашёл телефон вашей жены, но понятия не имею, где она.

Он был в замешательстве. Тут раздался звонок. «Олег-2».

— Где ты, моя конфетка?

— В коробке, — говорю. — Не знаю, где ваша конфетка, но здесь сладкого ничего нет.

— Ты кто такой?! — поменял тон мужчина.

— Я неудавшийся самаритянин.

— Чего?!

— Это вас, — обратился я к Олегу-1 и передал трубку. Олег-1 удивился, но трубку взял.

— Да! А ты сам-то кто? Э, слышь, фильтруй базар! Ты знаешь, кто у меня друзья? Да сам Олег — мой кореш! А-а-а, это ты Олег? Ооо, здорово, братан! Да, я жену потерял. Как у тебя? Должна подъехать? Ну, я сейчас тоже подъеду, всё, давай.

— На! — протянул трубку мне.

— Так это ж не моё!

— А, точно! Тогда пока! — и пошёл к машине. На полпути обернулся:

— Постой, ты, может, хочешь чего?

— Хочу, — говорю, — чтоб ваша жена больше телефон не теряла.

— Хы-хы. Ну, этого не обещаю.

Мужчина сел в машину и уехал, а я пошёл домой, размышляя о хороших поступках и людской благодарности.

НА ОСТАНОВКЕ

Он шёл на остановку. Не торопился, но хотел, чтобы автобус пришёл как можно быстрее. На остановке он от нечего делать стал разглядывать людей, стоящих рядом, и вдруг увидел Её — девушку с очень милым лицом и такими наивными светлыми глазами. Он заволновался. Его сердце забилося еще быстрее, когда подумал: «А почему бы мне к ней не подойти?»

«Ну вот, подойду, а как я подойду? И что ей скажу? Привет, можно с вами познакомиться? Ну это же избитая фраза, а Она такая необычная... И почему на «вы»? Видно, что она не старше меня, а может быть, даже младше, — рассуждал он про себя. — Но надо подойди. А тут народу-то вон сколько! Все сразу обратят на нас внимание и будут слушать. А вдруг я скажу что-нибудь не то, и все с удовольствием посмеются. Может быть, негромко, но ведь это очень неприятно. И Она сразу изменит ко мне свое отношение. Нет, нет, нет! Это всё отговорки! Так, всё! Я сейчас подойду! Подойду к ней!»

Он стал медленно двигаться поближе к ней, его сердце стало биться ещё быстрее и учащеннее, и все больше и больше сокращалось расстояние между ними.

Но тут неожиданно подошел автобус, и он резко свернул и вошёл в него. Сел и начал себя успокаивать. Потом подумал: «Ой! Да что же я наделал?! Я ведь хотел к ней подойти, но тут наконец-то автобус подошел. Мне бы пришлось пропустить, а следующий неизвестно когда бы подъехал. А вдруг я бы ей не понравился и, самое главное, сам бы это заметил, тогда что? Стоял бы и краснел за то, что подошел, а потом бы еще и автобус ждал, да и люди что подумали бы? Наверняка сказали бы злорадно: «Смотри, как она его отшила!» Опять бы мне краснеть. Ладно, потом как-нибудь познакомлюсь... не с ней, так с другой».

А Она просто стояла и ждала своего автобуса, и даже не заметила его взгляда...

ИЗВЕСТНОСТЬ

— Нет справедливости на свете! Вот кто, скажите мне, попадает в историю? Почему, например, какой-нибудь король Франции, не сделавший за свою жизнь ничего хорошего, известен на весь мир? А вот врач из Брянской области, спасший сотни людей, не известен? Короля Франции в школе изучают, а вот врача никто не знает!

Виктор часто возмущался, размышляя вслух над подобными примерами. На этот раз его возмутила газетная статья о ворах, обокравших ювелирный магазин.

— Вот почему, скажи мне, почему? — допытывался Виктор у давно привыкшего к таким вопросам друга Никиты. — Глянь-ка, написали о каких-то ворах, а не написали хотя бы... обо мне. А я, между прочим, вчера кошку с дерева достал! И это, к слову, уже не первая спасенная мной кошка! Я ведь добро сделал, а про меня ни слова.

Никита понимал недовольство своего друга. Спорить не было смысла, он сам с этим согласен, а вот успокоить следовало.

— Понимаешь, сейчас время такое. Люди другие. И тебя найдёт когда-нибудь слава. Необязательно после твоих героических спасений кошек, а может быть, что-то ещё такое случится.

— Да при чём тут я? Я ведь не об этом. Есть намного больше достойных людей.

И Виктор замолчал.

Уже через неделю слава нашла Виктора. В газете было написано: «Утерянный паспорт на имя Парфёнова Виктора считать недействительным».

Виктор ТЕРЕНТЬЕВ

БРИЛЛИАНТЫ НАД ПАРИЖЕМ

Рассказ

— Нет, сына, хватит, — сказал как отрезал Александр Викторович, с долей презрения посмотрев на своего старшенького. — Четвёртый десяток разменял, дочку родил, а всё в бирюльки играешь. Займись делом, не зря же тебя в институте учили. Сколоти бригаду, вон, сколько объёмов по ремонту. У тебя же руки золотые, когда захочешь — блоху подкуёшь. Давно пора самому прилично зарабатывать, а ты всё «дай денег». И не проси. Ладно бы на дело. А то: «На семинар поедем, торговать учиться». Снова Настеньку бабкам подкинете?

— Не торговать, а продвигать товар там нас учат, — попытался было оправдаться Сергей, потупив взгляд, — это тоже целая наука, пап.

— Какая разница, — оборвал его отец, всё больше смурнея, — в наше время престижно было на завод, к станку или кульману идти, таких маркетальщиков презирали. Ой, горе нам с матерью. Сами всю жизнь на производстве, а сын — в баракольщики подался. И жену молодую совратил. Она-то, что, свой красный диплом выбросила? Надо свату звонить. Будем принимать меры! — закончил родитель, стукнув кулаком по столу.

— Пап, — взмолился сын, осмелившись поднять глаза, — ну пойми, это тоже работа. Столько продвинутых людей ей занимается! Владельцы магазинов, директора, доценты! Чёткая организация, весь учёт через Интернет. Мы с Мариной уже семь человек подключили. Вот свозим их в Сурск на семинар, нам ещё баллы в зачёт пойдут. Уже не три процента с продаж буду получать, а, может, девять. Нужно только взнос за всех по тысяче заплатить.

Взгляд отца выражал многое. Горечь несбывшейся надежды увидеть в сыне продолжателя заводской династии. Презрение к торгашам, впитанное ещё с молоком матери — сборщицы часового завода в послевоенные годы. Удивление к непослушанию повзрос-

* Редакция журнала «Сура» поздравляет Виктора Терентьева с 60-летием, желает здоровья, счастья, творческих успехов.

левшего ребёнка, воспитанного в «правильной» патриархальной семье. Озадаченность невозможностью найти простое решение, казалось бы, простой проблемой — заставить отрока поступить так, как решил отец.

— Ну, пап, — вновь затынул прежнюю песню Сергей, почувствовав в молчании отца сомнения, — всего-то пять тысяч не хватает. Ну, взаймы хоть дай. Как разбогатею — верну с процентами.

— С процентами! Ростовщик! Отцу! — сквозь хохот выкрикивал Александр Викторович отдельные слова, покручивая пальцем у виска, — ну учудил, Серёга, учудил, однако.

— Ладно, — сжалился он над совсем расстроенным сыном, — давно ты на даче не был. Всё одни с матерью корячимся. Давай-ка ты, сынок, туалет вычисти. Последний раз ассенизаторов вызывали, когда ты ещё на первом курсе учился. Узнавал: пять тысяч это сейчас стоит. Жалко такую сумму отдавать чужим людям. Лучше уж ты заработай! Завтра суббота, вот и подтягивайся с утра.

Сергей не знал, что и сказать. Не ехать на семинар в соседний город нельзя — всю свою группу уговорил посвятить выходные этому мероприятию. Каждый «подключённый» — так назывались купившие стартовый пакет бытовой химии за тысячу семьсот рублей — уже во сне снился. Столько сил ушло на убеждение. Да и вкладывать свои деньги приходилось под будущие коммерческие успехи завербованных. Но такое — чистить туалет! Ему — в скором времени «бриллианту» «Окрей», а пока ещё рядовому бойцу известной сетевой компании.

— Ну, что, — прервал затянувшуюся паузу отец, — слабо? Ты же бизнесмен! Рокфеллер тоже, рассказывали, с чистильщика сапог начинал. Дерзай!

— Почистищу! — не сказал, а выкрикнул Сергей, с трудом скрывая злость, — вот увидишь: уже через год иномарку куплю. И не буду твой «жигуль» просить. Сами разбогатею.

— Вот и ладненько, — перешёл на примирительный тон Александр Викторович. — Да мы что — первые с матерью рады будем, если миллионерами станете.

И, чтобы совсем сгладить конфликт, протянул руку. Сын, секунду помедлив, хлопнул по ней ладошкой.

* * *

Возвращаясь на трамвае от родителей, Сергей пытался поднять настроение, повторяя формулы аутотренинга. «Я счастлив и удачлив. Счастлив и удачлив, — твердил он, вспомнив заповеди психоаналитика, приглашённого как-то на очередной семинар их компании. Следующим пунктом сегодняшнего плана была организация мастер-класса для вновь подключённых. Для этого они с женой пригласили четырёх «сотоварищей» к себе на квартиру. Здесь, за чаем с булками, с ними должны побеседовать специально приехавшие из соседнего Сурска «спонсоры» — так называются в их сетевой компании сидящие выше члены команды. Помогали они, правда, лишь методически, уступив право нести расходы на угощение «спонсируемым». Заодно получая дополнительные баллы и проценты с продаж нижесидящих.

«Я настроен на успех. Настроен на успех», — прикрыв глаза, шептал Сергей, стараясь переключиться на мажорный лад.

— Дай пройти, чё в дверях-то растопырился, — вернула его к жизни объёмная бабка с ведром, полным семечек. И, заглянув в отвлечённое лицо молодого человека, с сарказмом добавила:

— Наглотался, что ль, чего? Эх, молодёжь!

Настроение было полностью испорчено. Ещё и в наркомании заподозрили!

Поднявшись на свой этаж, Сергей столкнулся с выходящим из их квартиры незнакомым молодым человеком. Бросилась в глаза какая-то смесь растерянности и озадаченности парня. Даже не кивнув, пряча глаза, он проскользнул к лифту. Вообще-то в квартиру Сутягиных со времени увлечения хозяевами сетевым маркетингом стало ходить много народу. Но встреча незнакомца со странным поведением вызвала неприятный осадок, добавив повода для расстройств.

Презентация в квартире была в разгаре. Сурский гость заливался соловьём, рассказывая о новом продукте компании – тюбике зубной суперпасты под названием «Семейная». Фишка инновационного продукта в размере — с поллитровку, а вес содержимого пятьсот граммов.

— На семью из четырёх человек на полгода хватает, — привёл главный аргумент ведущий и добавил уже стандартное: — И никакой химии, из экологически чистой соды с природными ароматическими добавками.

— Но ведь сода тоже химический продукт, как, впрочем, и мы все из органических веществ состоим, — высказал недоумение один из новичков. Хозяйка неодобрительно посмотрела на непонимающего, а Сергей, демонстрируя, кто здесь хозяин, вовсе поставил нарушителя на место:

— Не перебивай, Петя.

— Я имел в виду химически вредные вещества, — вывернулся выступающий. — Сертификат, торговая марка, всё в ажуре.

На нескромный вопрос другого новичка о цене также прозвучал выверенный, но ни о чём не говорящий ответ:

— Соотношение цены и качества идеальные.

Позже оказалось, что приличная водка соответствующего объёма стоит раза в три меньше.

— У нас же с доставкой, — продолжил приводить аргументы «спонсор». — Эти деньги идут вам, сотрудникам компании «Окрей», — завершил он речь и, выдохнув, поставил точку:

— Каждый из вас может стать миллионером. Долларовым!

— Ну, давайте передохнём, — вспомнила о хозяйском долге Марина. — Ирин, пойдём чаю с кухни принесём.

Разговор за столом вращался около той же темы. Главный «спонсор» поведал о «сотоварищах», достигших очередных «окреевских» званий: Володя из Кузнецка, «ну, тот, что на последнем семинаре выступал», стал серебряным агентом, а Наталия Ивановна, «та, доцент, что нашего вождя в институте учила», скоро золотым станет, по двадцать пять процентов с каждой сделки спонсируе-

мых иметь будет. Как замороженные смотрели собравшиеся на гостя, запросто ронявшего слова о миллионах и процентах. Им-то, большей частью не состоявшимися в полученных в вузах профессиях, цифры с шестью нулями казались фантастикой. Но речь гостя изобиловала напеминавшими студенческие времена словами: «норма прибыли, маржа, чистый доход». И от сознания, что это и о твоих, пусть и будущих успехах, приятно посасывало под ложечкой.

— А вот Калябин намедни рассказывал, как они с супругой в Лас-Вегас на слёт «бриллиантов» ездили, — закусывая чай кексом, продолжал источать оптимизм гость. При упоминании фамилии главного «окреевского» вождя всего Поволжья несколько бывалых гостей по привычке повскакали с мест. Так их приучили на семинарах, которые с завидным постоянством проводились в «окреевской» структуре.

— Как они там отдыхали! — проглотив кусок кекса, зажмурил глаза гость. — Закачаешься!

И, уже строгим взглядом окинув спонсируемых, продолжил:

— Рассказывать не буду, скоро сами послушаете из первых уст.

— Сергей! — перейдя на начальнический тон, обратился он к хозяину явочной квартиры. — Все входные билеты на семинар приобрели?

— Есть ещё несознательные, — отозвался тот, потупив взгляд, — но мы сейчас их убедим.

И, уже обращаясь к насупленному молодому человеку, продолжил, видимо, ранее прерванный диалог:

— Ну вот, Пётр, а ты — зачем учиться? Нельзя без семинаров! Таких людей увидишь! Наш Калябин с самим Аленом Пирсом знаком. Он «бриллиант», понимаешь? Каждый месяц по триста тысяч имеет!

— Ну, ладно, — почувствовав со всех сторон неодобрительные взгляды, сдался неверующий, — принёс я шестьсот рублей.

И, снова насупившись, промямлил:

— Больше полтыщи за один день. Братан в платном институте в десять раз меньше отстёгивает. Съезжу, послушаю.

— Не пожалеешь, — встрял в разговор сурский гость и, озарённый новой идеей, хитро прищурился, продолжил:

— А ты подари брату билет на наш семинар. Пусть сам убедится, где больше пользы. Там какой-нибудь доцентикшко мямлит — знаю, сам заочно в сельхозе учился. А у нас такие люди!

— Вот, бери билет, выбирай счастливый номер, — протянул он пачку отпечатанных на принтере листочков, — ну, не стесняйся!

— За так, что ли? — замялся Пётр, переводя взгляд с Сергея на гостя. — А на проезд? Ещё триста!

— Бесплатно только сам знаешь что, — подтянув билеты к себе, посерьёзней приезжий и, вспомнив слышанное где-то, заулыбался:

— За так коммунизм строили. И не получилось! А у нас каждый строит свой бизнес. Понял? С самого начала приучаем платить.

— Ну, — снова замялся Пётр, — а у меня нет денег. С собой только на трамвай.
— Бывает, не горюй, — перешёл на доброжелательный тон гость. — Серёжа, выручи приятеля. А он потом тебе вернёт.

Хозяйева квартиры озадаченно переглянулись. Вообще-то деньгами распорядился Сергей, но у каждого были и карманные средства.

— Пойду ещё чаю поставлю, — прошмыгнула на кухню Марина, предоставив хозяину решать вопрос. Помешкав, Сергей двинулся за ней.

— У меня нет, Серёж, — сразу перебросила жена мяч на сторону мужа. И отрезала:

— Я, что, в рваных колготках в Сурск поеду? Два месяца копила.

— А мне пришлось наниматься к отцу сортир чистить. Поняла? — как обычно, на ближнего, вылил Сергей накопленное за день раздражение.

— Ты себя хозяином считаешь великим, сам и решай, — продолжала настаивать супруга. — Сам затянул: миллионерами будем. На чае вон экономлю.

— Ну, вы что спрятались? — имитируя непонимание, с широкой улыбкой ввалился на кухню сурский гость. — Давай, Марин, я помогу. И подхватил чайник. Вслед за гостем в зал потянулись и хозяева.

— Решили мы вопрос, — продолжал извергать оптимизм гость, протягивая Петру пригласительный. — Передай своему брату. С оплатой с Сергеем разберёмся.

И, посмотрев на часы, развёл руками:

— Мне сегодня домой возвращаться. Двести кэмэ не ближний свет. А надо еще тет-а-тет с Сергеем пообщаться.

Понимающие гости, наскоро допив чай, засобирались.

— До свидания, до встречи в Сурске на семинаре, — заглядывая каждому в глаза, пожимал руки «спонсор».

— Ну, давайте теперь обсудим по существу, — вновь взял инициативу на себя гость, по-хозяйски развалившись в кресле. — Итак, сколько было? Пятёрко. Мало, очень мало. Я полтора бака бензина сжёг, специально приезжал, а ради чего? Надо готовить кадры. Что ж мне — дважды два объяснять? Я должен о новых продуктах «Окрей» рассказывать, методику привлечения клиентов разъяснять. Мои слова должны на подготовленную почву попадать. А здесь четыре молчуна да один Фома неверующий.

Отхлебнув остывший чай, он в упор взглянул на хозяйку:

— Марин, а что это за хлюст, который перед приходом Сергея, не попрощавшись, выскочил? Он у нас подписанный? Стартовый набор купил?

— Да это так, совершенно новый, — засмушалась чего-то хозяйка, — недавно на пляже познакомилась.

— С кем ты на пляже знакомишься, пусть муж разбирается, — заулыбался «спонсор» и, посерьёзнев, произнес:

— А нам случайные не нужны. Людей надо готовить. Вы же на семинарах бываете, чему там учат?

— Стараемся, — стал оправдываться Сергей, стоя, как гость, в дверях заальной комнаты. — Вот сейчас на своей работе ценного кадра обрабатываю.

Серьёзный такой мужик, военный пенсионер, полковник запаса. У него друзей-отставников уйма — в военкомате работал, да и на нашей ТЭЦ по всем цехам ходит, техникой безопасности заведует.

— Сомневаюсь я, — сморщил брови «спонсор», — такие только командовать умеют, а у нас пахать надо. Впрочем, в следующий раз приеду — познакомь, упускать шанс не надо. Так ты на чём повезёшь народ? Вопросы-то, видишь, задают.

— У отца машину попрошу, троих и Маринку сам повезу, ещё одна машина будет.

— Ну, хорошо, давайте работайте, — засобирился гость и, положив на журнальный столик пригласительный, добавил: — Это надо довести до конца, коль прокукарекали. В крайнем случае, сам за брата твоего Фому заплати.

Сергею осталось только молча согласиться.

Вернувшись после проводов гостя до машины, он хмуро посмотрел на жену:

— А кого это ты с пляжа приводила? В подъезде меня чуть не сбил.

— Да просто смех и грех, Серёж, — стала оправдываться супруга. — В субботу я же одна на пляже была, у тебя-то отработка. Ну, приклеился молодой. Я, чтоб отстал, телефон дала. Сегодня звонит, я ему адрес, номер квартиры и время сказала: приходи, мол. О том, что у нас встреча «окреишников», не стала говорить. Он и прискочил минута в минуту. А здесь партсобрание. Представила, он с открытым ртом посидел минут пять и смылся.

— Ну ты и дура, — возмутился муж, — вечно в истории вляпываешься. А если бандит? Зачем телефон-то всем подряд раздаёшь?

— Нас же учат — максимум общения, в каждом незнакомце может оказаться будущий «бриллиант», — продолжила оправдываться жена и, уставившись на лежащий на столике пригласительный, недоумённо спросила:

— Что с ним-то делать будем?

— Петька платить не будет, — констатировал Сергей, — да его братан и за так не поедет. Слушай, убеди своего отца на семинаре поприсутствовать. Что ему стоит шестьсот отдать?

— Снова на меня стрелки переводишь, — возмутилась Марина. — Сам с ним поговори.

— Ты что! — замахал руками муж. — Он, знаешь, куда меня послал, когда я предложил в его фирме презентацию устроить? Сама найди подход. Ты умеешь.

— Хозяин... только щеки надувать умеешь, — исподлобья посмотрев на мужа, сквозь зубы процедила Марина. — Ладно уж, поговорю.

— Вот и хорошо, — обрадовался Сергей. — Ничего, Марин, разбогатеет — машину куплю, частный дом, целый коттедж отстрою за городом, будет жизнь не как сейчас.

Снисходительно улыбнувшись, Марина напомнила мужу об утреннем обещании:

— А абрикосы где? Принесу-принесу. И про них забыл?

— Замотался, — опустив глаза, стал подбирать более весомое оправдание муж, — ну, знаешь... и такой разговор с отцом был.

Качнув бёдрами, Марина молча ушла на кухню.

Упав в уголок дивана, Сергей уставился на экран выключенного телевизора. Отвечать грубостью не хотелось, да и ноющая пустота под ложечкой напоминала о нервном истощении. Из калейдоскопа картинок прошлого вдруг выплыло изображение цветущего куста. «Где я его видел? — спросил себя униженный муж, — это же весной было, мы из окна любовались... Стоп. А ведь там сейчас плоды есть!»

— Ты что, обиделся? — вышла в прихожую Марина, услышав сборы мужа.

— Будут тебе абрикосы, — воспрянув духом, тоном победителя заявил Сергей. — Давай ведро.

— Куда ты, поздно уже, — пытаюсь поймать ускользающий взгляд хозяина, забеспокоилась жена. — где их найдёшь-то?

— Сказал — найду, и всё! — не стал спускаться с семейного олимпа муж и, ополоснув в ванной поданное ведро, выскочил к лифту.

Оставшись одна, Марина впала в минор.

— Ну вот, обидела мужа, — стала корить она себя. — Куда он попёрся? Да и денег-то у него нет. Вот дура! Надо и за такого держаться. Упёртый мужик-то. Дай бог, и действительно разбогатеет.

Сергей появился минут через двадцать. Пройдя на кухню, не снимая обуви и победно взглянув на жену, он поставил на стол ведро, наполовину заполненное жёлтыми и зелёными плодами вперемешку с листьями.

— Во дворе, что ли, набрал? — догадалась хозяйка и, не желая сдаваться, перешла в наступление: — Там же машины постоянно дымят, всю химию плоды абсорбируют. Ребёнку не смей давать, сам и ешь.

— Вот и съем, — не стал уступать Сергей. — Даже яичницу пожарить не соизволила, пока я на куст лазил.

Вечер был испорчен. Впервые молодые супруги легли спать в разных комнатах.

* * *

— Ладно, схожу, послушаю, учиться никогда не поздно, — неожиданно быстро согласился отец. — Может быть, пригодится и мне в реализации оборудования.

— Там такие интересные люди, пап, — радостно затарабанила Марина, ожидавшая очередной отповеди родителя, — даже доценты есть, состоявшиеся руководители. Многие уже поднялись на продажах нашей косметики и средств ухода. Она очень полезная.

— Ну, ты уж мне-то мозги не компостируй, — остановил дочку Владимир Васильевич и перешёл на шуточный тон: — Мне бы в фирму коммерческим директором кого-то из ваших демагогов. Умение воздухом торговать — это супер!

— Может, ты кого-то из компаньонов пригласишь, — попыталась развить успех Марина, — всего-то шестьсот рублей пригласительный.

— Нет уж, извини, — перешёл на деловой тон родитель. — Я с серьёзными людьми работаю. Предложи им ваш семинар, руки подавать не будут.

— Где-то я это уже видел, — размышлял Владимир Васильевич, вглядываясь в горящие глаза молодых и не очень людей, заполнивших зал построенного ещё в советское время Дворца культуры. Состояние дежавю вскорее материализовалось в воспоминания о молодости, комсомольских собраниях, проходящих в этом зале в далёкие уже семидесятые годы прошлого столетия.

— Так же верили в простые решения сложных проблем, зажигали энтузиазмом сверстников, — размышлял родитель, усаживаясь подальше от дочки с зятем, не желая стеснять их своим скептицизмом.

— Но мы же после собрания на субботник шли, песни о Родине пели, — продолжал он воспоминания. — А они? Торговать! Хорошо хоть на базаре Марина не стоит со своей «окреевской» косметикой.

Ностальгию прервали бодрые голоса со сцены. Моложавая пара выкрикивала здравицы в честь заморских отцов-основателей сетевой структуры, чередуя их с перечислением фамилий местных коллег, достигших очередных высот в реализации фирменной продукции. Поименованные под аплодисменты и визг зала громко подтверждали свои достижения, называя достигнутый уровень и количество «подключённых» адептов.

Напряжение нарастало. Вот уже на сцену стали подниматься не середнячки, а «серебряные», а вслед за ними и «золотые» предприниматели «Окрей». Вместе с благодарностями «спонсорам» невзначай упоминалось о машинах и квартирах, приобретённых на средства, заработанные в «любимой компании», семинарах на заморских курортах. Произносимое с придыханием имя местного апостола каждый раз встречалось радостным воем толпы. Сам Калябин народу не являлся. Наконец, когда публика достаточно разогрелась, из-за кулис выпорхнула «верная супруга и компаньон» регионального князька:

— Я не буду убеждать вас в достоинствах нашей «альфа матер», — жеманно заламывая руки, изрекла моложавая дама в «откровенном» наряде. — Это очевидно. Расскажу о нашей супружеской поездке в Лас-Вегас, на съезд независимых предпринимателей «Окрей», достигших бриллиантового уровня. Таких в мире около ста! И мы с Игорем среди них!

На фоне большого экрана с картинками сладкой жизни ронялись слова о миллионах долларов, собственных самолётах и яхтах, рефреном звучало: «это может быть и про вас». Минут через двадцать закончилась и эта прелюдия. Свет погас. Из динамиков с нарастающей громкостью раздался звук метронома, а затем известный каждому советскому человеку свиридовский марш «Время, вперёд!». Зал взорвался аплодисментами, ожидая встечи с вождём. Но оргазм снова был отложен. Предстоял ещё просмотр фильма о простом паренёчке, вознесённом на Олимп благодаря «самой лучшей в мире компании».

Когда на сцене появился «сам», зал неистовствовал. Визг, топот и протяжное «а-а-а» раздавалось со всех сторон. Многие повскакали с мест, пара молодых людей, видимо из числа фанатов местного «Дизеля», упражнялась с трещотками, несколько девушек пустились в пляс, как на концерте рок-звезды. Первые

слова божка: «Вы будете счастливы, я верю вам!» — утонули в буре аплодисментов.

Понимая маразм происходящего, Владимир Васильевич с трудом подавил вспыхнувшее желание встать и криком «Хайль Гитлер!» попытаться отрезвить толпу.

В речи Калябина слов о компании «Окрей» и её продуктах не было. Уверенным тоном он бросал в уже вскрытые мозги адептов понятные любому знакомому с НЛП¹ словесные формулы, настраивающие на успех, внутрисектовую дисциплину и невосприимчивость к критическим оценкам «непосвящённых».

Выйдя на улицу, Владимир Васильевич нарушил принятый полгода назад обет отказа от курения, «стрельнув» у стоящих возле входа в ДК крепких молодых парней. «Хватит, надо спасать детей, — очевидное решение сформировалось быстро и стало конкретизироваться. — Занять, занять их нужно серьёзным делом, перспективу стать состоятельными показать».

* * *

— Ты куда исчез, пап? — ещё с порога родительской квартиры спросила Марина, зайдя вечером вместе с мужем за дочуркой, гостившей у бабушки, пока остальные члены семьи приобщались к «Окрей».

Ну, как вам понравился Калябин? — поддержал тему зять, проходя на кухню.

— Здрасьте, — кивнул он тещё и, обнимая подбежавшую дочку, приняв солидный вид, продолжил, видимо, не раз обсуждаемую тему: — Ну вот, Наталья Ивановна, скоро я не буду в вашей квартире жить, не будет у вас повода меня попрекать.

— Не поняла, — озадаченно встрепенулась та и испуганно взглянула на дочку: — Что случилось-то? Поругались?

— Не волнуйтесь, всё нормально, — снисходительно протянул зять. — Мы на уровень выше поднялись, я теперь независимый предприниматель «Окрей» шестого разряда, следующий уровень — «серебро», затем — «золото». А там и «бриллиантом» стану. Собственную квартиру куплю, а потом загородный дом построю, принадлежащее вам жильё освобожу.

— Ну, слава Богу, — облегчённо вздохнула тёща, — а я-то думала...

И, обращаясь уже к дочери:

— Настеньку я обедом покормила. Молодец, супчик хлебала сама и котлетку съела.

Родитель только крикнул и, тяжело вздохнув, переглянулся с супругой:

— Ты, баушка, ещё чуток с внучкой позанимайся, мне с детьми покалякать надо. И, обращаясь уже к молодым:

— Садитесь. Мариш, чайку бы сделала...

Постояв несколько минут у окна и кивнув дочери за подвинутую чашку с чаем, обратился к зятю:

¹ НЛП — нейролингвистическое программирование — признаваемые не всеми представителями академического сообщества методы психотерапии, основанные на моделировании (копировании) вербального и невербального поведения людей, добившихся успеха в какой-либо области, и наборе связей между формами речи, движением глаз, тела и памятью.

— Давай, Серёж, по-мужски. Ты сколько в месяц имеешь? Всего — и на ТЭЦ, и в «Окрее»?

— Ну, оклад у меня на работе двенадцать, премия бывает сорок процентов. За последний месяц мы с Мариной получили право набрать товаров в «Окрее» на шесть семьсот. Должно удвоиться.

— Понятно. Товар-то надо ещё реализовывать, — не стал углубляться в оценку родитель. — Давай так: плачу тебе тридцатку в месяц. Дом, что в деревне строим, до ума доводить надо. А ты строительный окончил, знаю: руки из правильного места растут. Я двух гастарбайтеров нанял, ни шатко ни валко работают, глаз нужен за ними. Не только глаз — принцип простой: «делай как я», ты это можешь. К осени надо в соответствии с проектом закончить, два месяца осталось. Стыковка с сантехниками-электриками тоже на тебе. Я буду по воскресеньям приезжать; слышал, небось, что на работе: конкуренты заклевали, одно предприятие банкротить придётся. Как закончишь стройку — убедим мать на вас с Мариной квартиру перевести. Да и дом-то, если добротню достроишь, нас переживёт, вы пользоваться будете. Какие вопросы?

Зять, приоткрыв рот, продолжал размешивать остывший чай.

— Ну, это же надо в деревне жить? — наконец разродился он, переводя взгляд с жены на тестя и обратно.

— И не просто жить, а вкалывать от зари до зари, — пожал плечами родитель. — Как же хотел? Я тридцать лет назад, чтобы квартиру построить, которую на вас переведём, не только бабушкину пенсию за семь лет в качестве первоначального взноса в кооператив отдал, но и четыреста часов на строительстве отработывал, полгода каждый вечер после работы сюда мотался. А здесь тебе ещё и зарплата. Кстати, если с ТЭЦ не удастся за свой счёт на три месяца уйти — увольняйся, трудовую в своё предприятие положу. Ещё вопросы есть?

— А как же «Окрее»? — не спросил, а выдохнул Сергей.

— Решайте, — развёл руками родитель.

— Она же тебя съест, — снова нарушил тишину отец, показывая на дверь супруги. — Да и то правда — Настя во второй класс пойдёт, а папа всё в тёщиной квартире живёт. Мариш, тебе сколько было, когда мы от бабушки Раи сюда переехали?

— В садик ещё ходила, — озадачившись поступившим предложением, промямлила дочь, — в среднюю группу.

Напряжение снова повисло на кухне, лишь капли из неплотно закрытого крана нарушали тишину. Каждый думал о своём. Марина, вспоминая полученные в экономическом институте знания, пыталась найти оптимальный алгоритм действий. Сергей вспоминал, как тёща на предложение купить для распространения в своём подъезде упаковку «экологически чистых» зубных паст потребовала не превращать её жилплощадь в химический склад и пообещала выкинуть товар вместе с зятем в окно девятого этажа. Отец, погрозив дочери пальцем, молча затянул кран.

— Ты как думаешь, Марин? — привычно перебросил на жену принятие сложных решений Сергей.

— Думаю, мы можем временно передать наши баллы, накопленные в компании, кому-то из других предпринимателей, — начала рассуждать вслух Марина. — Ну, например, Оле, той подружке, что в марте подключилась и быстро в гору пошла. Прибыль пополам, или в других пропорциях договоримся...

— Есть такое понятие — трастовое управление, — поддержал её отец, — акции и другие ценные бумаги передаются на определённый срок на договорных условиях.

— Нет уж, лучше Игорю из Сурска передадим, — снова перешёл на хозяйственный тон Сергей. — Он наш «спонсор», в курсе всех дел. Хороший, не обманет.

— Ну, вам виднее, — заключил отец. — Сегодня пятница, в понедельник в семь утра выезжаем принимать дела.

И громко позвал супругу:

— Мать, ты что же зятя не угощаешь?!

* * *

Работа захватила Сергея целиком. Загорелых гастарбайтеров пришлось сменить на мастеровых из соседнего села, для трёхфазного электропитания потребовалось за полкилометра от трансформатора тянуть дополнительный провод, соседи настояли на согласовании с сельсоветом устройства выгребной ямы — сами-то просто относили мусор в соседний овраг. Тесть, приезжая, на большинство вопросов отсылал «прораба» к проекту и, похлопав по плечу, уходил с удочками на пруд.

Несколько раз Сергей звонил сурскому «спонсору». На вопрос: «Как наши дела?» — тот успокаивал:

— Всё о'кей, к сентябрю подведём черту, дивиденды поделим.

Но в конце лета телефон Игоря отвечать перестал. Марина, также находившаяся в деревне, позвонила своей подружке. «У нас здесь не знай что, — затараторила Оля на вопрос об «Окрее». — Какую-то перерегистрацию затеяли, сами не понимаем, на баллы даже товар пока не дают». Другие «подключённые» рассказали о приезде Игоря, который предлагал переписать договоры, где место «спонсора» было не заполнено.

— Мне это не нравится, — заволновался Сергей. — Давай отцу Настю отдадим в выходные, а сами в Сурск поедem. Я знаю, где Игорь живёт.

* * *

Уже третий час сидели в машине Сергей с Мариной у подъезда дома недавно обожеествляемого ими «спонсора». Супруга Игоря дальше порога не пустила, на просьбу сказать время возвращения хозяина лишь пожала плечами. Съев все чипсы, Сергей задремал, но, почувствовав толчок в плечо и шёпот Марины: «Вон он», выскочил из машины.

— Игорь, подожди, — увидев быстро движущуюся к двери знакомую фигуру, окликнул он бывшего «шефа», — поговорить надо!

— Ты, что ли, Сергей? — спокойноотреагировал тот, остановившись. — Откуда? Ты же на бабки тестя хоромы в деревне строишь.

— Ты телефон сменил, что ли? — стараясь также сохранить спокойный тон, начал Сергей. — Вот пришлось нам самим приезжать за дивидендами.

— Ты о чём? — сделав непонимающее выражение лица, пожал плечами Игорь. — У нас уже всё по-новому. Переоформление прошло, ты выпал из списков.

— У нас же договор был, письменный, самим Калябиным утверждённый, половина дивидендов мне. Кидаешь, да? Я к нему пойду, адрес знаю.

— Как всё запущено-то! — не без презрения процедил Игорь. — Ничего-то ты не знаешь. Нет уже Калябина. В Сурске, во всяком случае. Развелись они, она теперь главная. Статус «бриллианта» сохранила, а самому только на «серебряный» уровень осталось, куда-то на юг уехал, в Ставрополь, кажется.

— Но работа-то шла, и реализация была, — вмешалась в разговор стоящая поодаль Марина. — Я собрала исходные данные у наших «подключённых», тысяч двадцать ты нам должен.

— Ты тоже здесь? — как бы впервые увидев молодую женщину, заулыбался Игорь. — Привет! Похорошела. Загар — супер, тебе идёт.

— Погоди про загар, не выкручивайся, я тебя на чистую воду выведу, — теряя спокойствие, вмешался Сергей и, потрясая бумагами, двинулся на обидчика. — Вот он, договор, пункт четыре-два: дивиденды делятся пополам.

— У меня тоже документы, — доставая папку, парировал Игорь. — Пожалуйста, смотри: договоры с ребятами вашего города, где «спонсор» я.

— Да ты всё подделал, — дрожащими руками перебирая бумаги, едва говорил Сергей. — Ребята рассказывали, что графа «спонсор» была пустая, когда они подписывали. Смотри, Марин, он и дату поставил майскую.

— Ты же всё бросил и в деревню съехал, — отмахнулся Игорь. — Паровоз ушёл. Всё, проехали.

— Поймай, — хватая двинувшегося к двери Игоря, засуетился Сергей, — но мы же два года вместе работали. Не думал, что подлецом окажешься.

— Ну-ну, руки убери и базар фильтруй, — оттолкнув Сергея, Игорь рванул к подъезду, — не в своей деревне.

— Да я тебя!

Марина успела перехватить поднятую руку мужа и потащила его к машине. Когда фонтан его красноречия иссяк, Марина, приобняв мужа, резюмировала:

— Ну вот, и пролетели мы с «бриллиантами».

— Как фанера над Парижем, — согласился тот и повернул ключ зажигания. — Ехать надо. Мужики сегодня обещали стропила доделать. Крышу завтра крыть будем.

Валерий СУХОВ

**ПЕНЗЕНСКИЕ
ПОЭТЫ
О ВЕЛИКОЙ
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ
ВОЙНЕ**

Тема Великой Отечественной войны — одна из самых важных в творчестве многих пензенских поэтов разных поколений. У каждого из них свой собственный подход к ее осмыслению и раскрытию. Особый интерес в связи с этим представляет антология «А памяти вечен огонь...», изданная к 65-летию Великой Победы в 2010 году. Ее составитель О.М. Савин так определил поставленную перед собой задачу: «Антология пензенской военной поэзии «А памяти вечен огонь...» как бы соединила в своем названии огонь и жестокий пламень войны с языками Вечного огня у памятников не вернувшимся в родные села солдатам, тем, кто в тяжелую годину войны не дрогнул в бою с фашизмом, ценой единственной жизни остановил вражескую лавину на доверенных им страной солдатских рубежах. Ее авторами стали 137 поэтов...»¹. В первый раздел антологии составитель включил произведения известных советских поэтов К.М. Симонова, Н.С. Тихонова о героях-пензяках — летчике-истребителе Николае Терехине, политруке Василии Клочкове...

Во второй раздел вошли стихи, созданные во время Великой Отечественной войны и опубликованные в пензенских газетах. Среди его авторов пензенские поэты — А.А. Анисимова, П.Д. Дружинин, А.И. Карасев, Н.А. Катков, Н.М. Почивалин.

Для творчества известной поэтессы Александры Анисимовой было характерно ярко выраженное песенное начало. В ее стихотворениях на военную тематику «Цветик алый» и «Цвела черемуха» можно отметить тесную связь с фольклорными традициями. Это проявляется в характерном приеме психологического параллелизма: «Цветок в саду зеленом // До времени появл. // Неужто друг мой милый // Любить меня не стал?» — «На дальней на сторонке // За родину в бою // Сложил мой друг размилый // Головушку свою» (С. 29). Бессмертие героя, погибшего за Родину, символизирует образ

цветка: «Зачем теперь цветочек // Расцвел, горит, как кровь? // Чтоб я не забывала // Про смерть и про любовь» (С. 29). Опора на фольклорные традиции и ярко выраженное песенное начало сближало с А.А. Анисимовой поэта Павла Дружинина, развивавшего в своем творчестве есенинские традиции. В стихотворении «Ой, поле мое, поле...» поэт с большою пиететом обращается к широкому русскому полю, которое топчет враг: «Ой, поле мое, поле, // Томит мне душу мрак: // В моем родном раздолье // Хозяиничает враг» (С. 37). Кольцевой характер композиции подчеркивает характерное для фольклора обращение. С него начинается и им заканчивается стихотворение: «Ой, поле мое, поле, // Ой, русская земля!..» (С. 38).

Пензенские поэты А.И. Карасев, Н.И. Катков и Н.М. Почивалин были непосредственными участниками военных событий. Поэтому в их стихах ярко отражена суровая «окопная правда» и сохранились конкретные детали, хорошо знакомые фронтовикам. Именно это придает им особую достоверность. Вот как, например, начинал свою «Балладу о комбате» Алексей Карасев: «Закат как будто кровью моросит, // И лужи кровенеют на песке, // Надрывно где-то чайка голосит // О том, что жизнь висит на волоске» (С. 40). Баллада поражает глубиной проникновением во внутренний мир солдата, который должен преодолеть страх смерти и честно выполнить свой воинский долг: «Ах, чайка, чайка — верить ей нельзя! // Рванулся батальон в последний бой... // В броске солдаты — братья и друзья, // А он — комбат — под вспыхнувшей звездой // Лежит, пробитый пулей на земле, // И слезы по щекам его текут» (С. 40).

Яркая образность отличает стихотворение Н.И. Каткова «Наступление». Поэту, как живописцу-баталисту, удалось создать зримую картину начала наступления, когда «Громовый гул качается по фронту, // Бьют артполки, в лощинах дым стеля, // Клубится черный шквал по горизонту. // Столбами к небу прыгает земля» (С. 40 — 41). Запоминается смелая метафора, ставшая подлинной находкой автора: «Гвардейские рокочут минометы, // Пуская золотые веера». Выразительны эпитеты, искусно подобранные поэтом-фронтовиком: «ветра железные», «стебли оробевших трав». Афористично звучит концовка стихотворения: «Бушуют смерчи раскаленной стали, // Глуша, сметая, наповал разя. // Мы столько смерти на врага послали, // Что в жизнь не верить нам нельзя!» Это четверостишие выражает основную идею стихотворения с помощью характерного для поэта приема антитезы, когда такие понятия, как смерть и жизнь, осмысляются по-новому.

Символический образ природной стихии становится ключевым в стихотворении Н.М. Почивалина «Гроза». Тема мести фашистским агрессорам раскрывается автором с помощью яркой и выразительной метафоры: «Пылая, злобствую, сжигая, // Сверкала русская гроза!» (С. 52).

В третий раздел антологии «Во имя погибших, расстрелянных, павших...» вошли стихотворения участников Великой Отечественной войны, созданные в послевоенные годы. Среди его авторов — поэты В.А. Стрелков и Я.Г. Танин.

Память о войне заставляет их выделить самое важное, самое главное. Для Виктора Стрелкова годы войны остались незабываемыми, что подтверждается выразительной метафорой: «Четыре года — незабвенных, // В которых вечен каждый миг, — // Они в моих набухших венах, // Они в артериях моих» (С. 80). Очень актуально для нашего времени звучит стихотворение Я. Танина, написанное еще в 1964 году, в связи с острыми спорами о той роли, которую сыграл Сталин в Великой Отечественной войне. Яков Гаврилович Танин в «Балладе о приказе «Ни шагу назад!» и светлом голосе Ольги Федоровны» поднимает очень острую тему о заградотрядах, которые по приказу Сталина должны были остановить солдат, повернувших назад. Поэт рассказывает о реальном случае, который произошел с ним на фронте. Во время страшных боев под Старой Руссой комбат прочитал солдатам «Ленинградскую поэму» Ольги Берггольц, которая подняла дух бойцов. Яков Танин убедительно доказывает, что не угроза расстрела по приказу Сталина, а именно «светлый» голос поэта остановил отступавших солдат: «Да! Нужна была — не угроза. // Знать, поэту правда видней. // Светлый голос напомнил нам просто: // «Смерть страшна, но бесчестье — страшной!» // И пошли мы — болотами, лесом, // по простреливаемым полям... // Остывающим за ночь железом // пахла брошенная земля... // Боль вернула нам нашу отвагу. // Мы свой страх одолели. // И вот // с той поры мы — назад ни шагу, // с той поры мы — только вперед» (С. 82).

В четвертый раздел антологии «Горит наш вечный пламень — память» включены стихи современных пензенских поэтов о минувшей войне. Их авторы — сыновья и внуки фронтовиков. Это поэты, члены Пензенского отделения Союза писателей России В. Агапов, В. Бахарев, Г. Горланов, В. Давыдов, Д. Злобина, В. Иванов, В. Кельх, М. Кириллов, Ю. Кузнецов, Н. Куленко, Ф. Ракушин, О. Савин, А. Сазонов, В. Самсонов, Ю. Самсонов, М. Смирнова, В. Сухов, Л. Терехина, Б. Шигин, Г. Штурмин, Л. Яшина.

В стихотворении Владимира Бахарева «Единение» рассказывается о том, как по завещанию маршала В.И. Чуйкова его похоронили на Мамаевом кургане. Так после своей смерти легендарный командующий 62-й армией, защищавший Сталинград, «В курган, как в мавзолей, навеки // С погибшими бойцами лег» (С. 91). Нельзя не отметить переключки этих строк с широко известным четверостишием С. Орлова из стихотворения «Его зарыли в шар земной», написанного еще в 1944 году: «Давным-давно окончен бой... // Руками всех друзей // Положен парень в шар земной, // Как будто в мавзолей»².

Создавая стихи на военную тему, многие пензенские поэты избрали жанр баллады. Это не случайно, а вполне объяснимо. Ведь в основе многих стихов есть определенный сюжет, связанный с трагическими событиями, в которых раскрывается характер героя. Так, например, Геннадий Горланов назвал свое стихотворение «Баллада о памяти». Именно из нее составитель антологии О.М. Савин взял строчку для названия всего четвертого раздела. Процитируем это выразительное в художественном отношении четверостишие полностью:

«Павших в тех сраженьях не оплакать... // Хоть давно привыкли к тишине, // Но горит // Наш вечный пламень — память, // Память о погибших на войне» (С. 97). Автор «Баллады о памяти», обращаясь к новым поколениям, убедительно доказывает, что «память о героях павших» должна жить в сердцах их детей и внуков.

«Разговор с отцом» — так назвал свою поэму А.А. Сазонов, рассказав о нелегкой судьбе своего отца, участника Великой Отечественной. Память о детстве, опаленном военным лихолетьем, во многом определяет жанровое своеобразие этой лиро-эпической поэмы. Голос автора привлекает проникновенной искренностью и исповедальностью. Центральным становится эпизод встречи отца и сына: «Я встречал тебя с фронта (Германии — крышка!). // Посредине России — меж двух деревень // Мы бежали друг к другу — солдат и мальчишка. // Ты меня подхватил на виду всей земли. // И смеялось, и плакалось — были причины! // А потом по селу рука об руку шли // Мы, войну пережившие, — оба мужчины» (С. 138). Долгожданная встреча изображается поэтом крупным планом. Кинематографический прием придает этой сцене особую художественную выразительность. Детское восприятие выделяет самые значимые детали. Отец присылает домой посылку с фронта: «со свастикой черной фашистское знамя». Солдат-победитель, держа за руку сына, возвращается домой, а на пороге «вместо тряпки валялся паучий штандарт». Финальная сцена обретает глубокий символический смысл: «Мы ступили на тряпку и вытерли ноги» (С. 138).

Поэт Николай Куленко принадлежит поколению «подранков». Его отец погиб на войне, а мальчишке пришлось вынести весь ужас фашистской оккупации. Одно из самых пронзительных стихотворений — «Алешка» — Николай Куленко посвятил памяти умершего брата. В нем рассказано о голодном военном детстве, когда в холодной хате дети «дивились молча сухарю». Страдание детей отражено через емкие и выразительные детали. Описание куска засохшего хлеба помогает понять мучительное чувство голода. Такое нельзя придумать. Это нужно самому пережить. «Сухарь был чуть продолговатый, // Продольно вытянут, как брус, // Покрытый плесенной ватой // И сладкий, видимо, на вкус. // Я отдавал его Алешке, // Как бинт от раны отрывал, // Потом смотрел, как брат по крошке // Сухарь тот медленно жевал» (С. 114). Поэт находит очень точное по смыслу сравнение, которое отдается болью в душах читателей.

Суровая память о Великой Отечественной войне находит отражение и в стихотворении Н. Куленко «К Мамаеву кургану». Оно представляет собой своеобразный диалог лирического героя с курганом. Этот художественный прием олицетворения помогает автору создать выразительные образы — символы народной доблести: «Ты стоишь, курган, над рекой святой, / Где врагов своих сокрушил. / Ты скажи, курган, отчего седой? / — Горе родины пережил... / Над тобой, курган, днем и ночью тишь, / Только слышится плеск реки. / Ты скажи, курган, отчего молчишь? / — Спят дивизии и полки... / Твой высокий меч

— мирных зорь исток, / На весь мир горит он в лучах. / Ты скажи, курган, отчего
высок? / — Слава Родины на плечах...» (С. 111).

Выразительно в художественном отношении стихотворение Бориса Шигина «Не пьяный сабантуй, не пир среди чумы», которое достоверно передает мысли и чувства солдата Великой Отечественной, идущего в смертный бой: «Дойдешь ли до села, откуда в бой ушел, / Накроет ли на стол в саду вишневом мать? / Да через пять минут что ждет тебя еще? — / Тебе не угадать, тебе не угадать! / А потому закон: пред тем, как в бой идти, / Из фляги два глотка, — отнюдь не даровых! / Чтоб месть была страшна, / Чтоб боль была сладка — / Сто граммов фронтовых, / Сто граммов фронтовых» (С. 151). Борис Шигин, раскрывая тему, своим суровым лаконизмом близок по духу В. Высоцкому, автору бардовских песен, реконструирующих трагические события войны.

Проникновенно пишут о войне пензенские поэтессы Лидия Терехина и Лариса Яшина. Их стихи объединяет особый детский взгляд на эту трагедию. Предельно достоверны и многозначны детали в терехинском стихотворении «После войны», которые говорят все сами за себя: «Суходол. Суходей. Сухостой. / Рубим хворост, / Лесорубы из нас — не ахти! — / Брату нет еще и десяти, / Мне — восьмой, / А у папки — плечо / Изуродовано войной» (С. 145). А с какой пронзительной болью написала о том горе, которое принесла война ее осиротевшей семье, Лариса Яшина в стихотворении «Мне лишь четыре было в сорок пятом»: «Ах, мама, мама! Ранние седины... / И, не умея слез твоих унять, / Про тонкую и горькую рябину / Пыталась я тихонько подпевать» (С. 157).

Память о Великой Отечественной войне нашла достойное художественное воплощение в творчестве многих пензенских поэтов. Читая их стихи на военную тему, прикасаешься к самому святому, что хранится в глубине души нашего народа и заставляет поверить в его несокрушимые духовные силы. Стихи, вошедшие в антологию «А памяти вечен огонь...», отразили тему Великой Отечественной войны во всем ее многообразии. Хорошо бы было переиздать ее, дополнив новыми стихами поэтов-пензяков, в год 70-летия Великой Победы.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Савин О.М. От составителя // «А памяти вечен огонь...» Антология пензенской военной поэзии (1941 — 2005). Пенза. 2005. С. 9. Далее стихи цитируются по этой антологии с указанием страниц в скобках.

2. Орлов С. Стихотворения. М., 1976. С. 42.

СТИХИ О ВОЙНЕ

Василий ПОЛЯКОВ

НА ПЕПЕЛИЩЕ

Дышала неостывшая зола,
Прогорклый дым стоял над пепелищем.
Развалины остались от села,
И ничего от милого жилища.
От жгучей боли скрежетала жесьть...
В безмолвии встал воин на колени.
Одно воинственное слово «мечь»
Услышало сожжённое селенье.

Виктор МАЛЯЗЁВ

ОБЕЛИСК

Вы повисли зачем в небесах, жаворонки?
С вашей песней страшнее в сто раз умирать.
Вы замрите в траве, посидите тихонько в сторонке,
С чем сейчас расстанюсь, вашим птичьим умом не понять.

Я куда-то бежал и кричал несуразное что-то,
Я не видел ни слева, ни справа, кто рядом со мной...
В том бою полегла из дивизии лучшая рота,
В том бою мимо каждого жизнь пронеслась стороной.

То ли точным был враг, то ли мы неискусны в атаке,
То ли солнце слепило, иль ветер наш бег замедлял —

Словом, мне невдомёк, почему в этой праведной драке
Враг наш больше, а главное, метче стрелял?

И неслись мы навстречу кровавой резне рукопашной,
Стервенела душа и ломалась кинжальная сталь,
Было весело нам, потому что нам не было страшно,
И заметить успели: какая красивая даль.

Но её не достичь, она вдруг унеслась к жаворонку,
И берёзку ту дальнюю так захотелось обнять...
...Тут стоит обелиск, и гнездо жаворонка в сторонке.
Здесь живёт наша память, которой нельзя умирать.

Яков МАРКОВИЧ

* * *

Это память? Любовь? Зов безмолвный природы самой?
Я молчу, как немой, а звучит отзвучавшее имя,
С ним я связан судьбой, в нём отчество с отчеством слиты
И политы и кровью, и потом — звёздной росой.

Не босой мальчуган, гордый тем, что отец пал героем, —
Роем звёзды безмолвно кружат уже семьдесят лет, —
Я ответ не нашёл, почему всех на свете дороже
Кто лишь дожил до дня, когда я появился на свет.

Владимир РОГОЖКИН

А ГАРМОШКИ ВСЁ ПЕЛИ И ПЕЛИ

А гармошки всё пели и пели,
Гармониста сменял гармонист.
Дождь по крышам лупил очумело,
Как заправский народный артист.
Сразу всё было: радуга, солнце,
Даже кто-то сказал, что гроза.
И сияли, искрились, лучились
Обращенные к небу глаза.
Кто молчал, кто смеялся, кто плакал,
Кто твердил: «Повтори, повтори».
И плясала толпа, как шальная,
Что-то пело у сердца внутри,

Целовали девчонки военных,
Не стеснясь, по-русски, взасос,
Прикрывая девичьей слезою
Затаённые капельки слёз.
А солдат, что не кланялся пулям,
Стороной обходил медсанбат,
Раздавал пацанам по медали.
И зачем ему столько наград?
А близнец его
Родный, две капли,
Побывавший в немецком плену,
Плакал: «Ногу бы мне,
Я сплясал бы.
Ногу б мне,
Ну хотя бы одну!»
И рябило в глазах от гранёных,
Чуть прикрытых просоленным хлебом.
Уложи те стаканы горкой,
И закроет гора небо.
И крутили кино за бесплатно,
Ведь победа ж —
Не жалко, смотри!
А гармошки всё пели и пели
Под крылами победной зари.
Повернули назад эшелоны,
Возвращая ушедших солдат.
Эта дата — Девятое мая.
Нет, пожалуй, священнее дат!

СЕНЬКА

Уложила бабушка в платочек узелок,
А в узелочке паспорт да сахара кусок.
Заплата на заплате нательное бельё.
Что делать? Нет другого сегодня у неё!
Ещё немного денег да пара пирожков,
И к порогу сделала несколько шажков.
Притворила дверцу, присела на ступеньки.
От крыльца родного
Комок земли — для Сеньки!!!
Перекошен домик, подгнила ступенька.
А как она кричала вслед:
«Сенька! Сенька! Сенька!»

Трусит помаленечку память
Солидных запасов крупы.
Огромные птицы с крестами
И крики мальчишек: «Фрицы!»
И взгляд нерешительный мужа:
«Не плачь, я везучий, не нужно!»

«Не нужно! Не нужно! Не нужно!» —
Гудят паровозы натужно.
И весточки нет, ни единой,
С тех пор столько лет уж от мужа.

...В лесах Подмосковья недавно
Нашли следопыты останки.
Там пешие, в 41-м,
Остановили танки!
Стоит там, забытая Богом,
На склоне холма деревенька.
И там, на краю погоста,
Её ненаглядный Сенька!
Но как же узнает её он
В старухе согнутой, седой,
Её ненаглядный Сенька,
Красивый и молодой?
...Под мирным, непуганым небом
Сегодня уснёт деревенька.
И вздрогнет, проснувшись с рассветом:
«О Господи! Праведный боже...
Сенька! Сенька! Сенька!»

Владимир КЕЙЛЬ

* * *

Как из дома родного мы в ночь уходили,
Всё молчали, мычали... старались терпеть.
И глаза отводили... курили, курили...
И першило... горчила проклятая мреть.

Низко головы, низко... Дорога пылилась.
Мне б вздохнуть перед смертью...
вздохнуть и простить.
Знаю, ночи и дни за меня ты молилась.
Я подумал сейчас: «нам бы жить всё и жить...»

Александр ДАВЫДОВ

ВОЕННЫЙ НАРЫВ

Полвека в душе остывала война,
Дав повод кошмарным снам.
О ней не болтал, даже выпив вина,
Ни дочке, ни трем сынам.
Но годы прорвали военный нарыв,
Болевший сильнее всего, —
Хмельной, в День Победы он вспомнил тот взрыв,
Отбросивший в тыл его.

Он год воевал и полгода страдал,
С тоскою смотрел в закат,
Ведь ногу стране для победы отдал,
Как будто бы напрокат.
Вернули ее фронтовые врачи —
Больную, но все же свою.
Он рвался туда, где заходят лучи,
Где можно погибнуть в бою.

Катил по стране разрушающий вал,
Но разве докажешь врачу:
Диагноз поставил он: «отвоевал»,
Ему ж еще все по плечу!
Он волю напруг из последних сил,
Судьбу продолжая ругать,
Сестру костыли принести попросил
И начал учиться шагать.

Хирург удивленно взглянул на него:
«Смотри-ка, порхает птенец!»
И тут он, на фронте хлебнувший всего,
Подумал: «Еще не конец!»
За всех не вернувшихся с фронта юнцов
В тылу отпахал сполна...
Столь стойких и верных Отчизне бойцов
Ковала тогда страна!

Навел ГУСЕВ

ПОСЛЕДНИЙ ГЕРОЙ

Рассказ

Будь проклята война — наш звездный час.

М. Роцин

Николай Порфирьевич, 86-летний житель типовой хрущевки, ежедневно ходил мимо своей звезды. Не той звезды, что на специальной аллее в Голливуде, а одной из многих тысяч звезд, которые фиксировали по всей стране на углах домов количество «проживающих в этих домах фронтовиков ВОВ». Раньше звезд на его доме было три, но оправдомша, она же бывшая парторг завода, методично их затирала при уходе из жизни их хозяев. Николаю Порфирьевичу было не до звезд на стене, но хозяева двух затертых были последними, кто обращался к нему: «Коля, Колька, Николай» и просто (что крайне редко было) «Колян». Для жильцов дома он теперь был «Николай Порфирьевич», «дядя Коля» и, что меньше всего ему нравилось, «деда Коля», как называли его совсем маленькие детишки. Не нравилось, потому что дети — сын и дочь — у него были, а внуков не было. Дочь почему-то так и не смогла родить, а внука от сына сгубили наркотики. С детьми он был в хороших отношениях, но виделся редко, так как они все время с головой погружались в работу и про нее рассказывали словно про не прекращающуюся никогда битву.

Самому же Николаю Порфирьевичу, как гвардии старшему сержанту-разведчику, обладателю двух орденов Славы, напоминали про его войну регулярно: то 9 мая — дежурными поздравлениями, то председатель ТОСа чуть ли не силой тащил на очередное мероприятие, где тянулись бесконечные пустые разговоры с нелепыми представлениями о его войне у присутствующих там лиц. Раздражали фронтовика фальшивая конфетная забота всяких депутатов, председателей различных обществ и их показное участие к нему и немногим его ровесникам. Всю заботу о себе он вполне ощутил,

К 70-ЛЕТИЮ ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЫ

когда стоял тридцать пять лет в очереди за квартирой, в которой сейчас жил. Затем ждал десять лет стационарный телефон, который поставили в то время, когда все те, кому можно было позвонить, были уже на том свете. Выходя на всякие для него ненужные тематические формальные мероприятия, он надевал на пиджак только орденскую планку, сами ордена оставлял в шкапулке. Все блестящие и звенящие медали, которые чуть ли не ежегодно приносились и вручались под конфеты и гвоздики, он складывал в «металлолом» на антресоли, вместе с велосипедом внука, удочками и железными банками для гвоздей и шурупов. За этими медалями не стояло ровным счетом ничего, кроме желания чиновников освоить средства к очередной годовщине под благовидным предлогом.

Количество врученных медалей точно совпадало с количеством ежегодно навязываемых путевок в санаторий на лечение в связи с наличием в голове и груди Николая Порфирьевича минных осколков. Пару раз он в санаторий съездил, осколки после всевозможных процедур рассасываться отказывались. Также не становилось легче от междугородних переездов на поездах и бесконечной беготни по этажам и корпусам во время лечения. Да и в санаториях умудрялись донимать расспросами и тематическими патриотическими вечерами воспоминаний, когда узнавали, что он дважды орденосец.

Единственное, почему он все-таки ходил каждый май на вечера памяти в честь фронтовиков, — это потому, что не хотелось в очередной раз смотреть по телевидению фильмы, которые не сходятся с его представлениями о войне.

Все «военные сказки» по ТВ отдавали водевилем, лживой комедией, в ореоле неприемлемой для Николая Порфирьевича романтики.

Вечно наступающая Советская армия с вечно великими подвигами советских людей. Не считал он, что победа не была великой, но...

Иногда ему хотелось, чтобы вместо второго ордена у него была медаль «За спасение при пожаре», что, собственно, и имело место с его стороны лет через десять после войны. И бесконечно мучили сомнения, и терзал душу вопрос: а герой ли он? Или — настоящий ли он герой? Хотя все, кто побывал в мясорубке Сталинграда, для него были героями.

Первый орден был получен после ночной вылазки вместе с другом Петром. Ползли они в ночной зимней морозной тишине под Сталинградом по межфронтальной полосе и угодили в «секрет» к «коллегам-разведчикам», только с немецкой стороны. То ли немцы уснули на морозе, то ли ползли Колёк и Петрок (как они друг друга называли) слишком тихо, но к падению сверху двух русских мужиков немцы были явно не готовы. Наверное, устали от бесконечной мясорубки и морозов и хотели отдохнуть, схоронившись в утепленном глубоком «секрете» (яма для наблюдения и маскировки для разведчиков). Как это ни странно, уже проваливаясь в метровую по глубине яму, оба поняли, что это за яма, и за долю секунды было необходимо сообразить — наш это «секрет» или немецкий. Петро определил чужаков по запаху чужеродного табака, который

был ароматней нашего, а Николай имел нюх похуже, но зрение лучше, и повезло, что, упав, он под лунным светом мгновенно смекнул, что сапог у лежащего в яме немецкий.

Тут же началась возня, а правильной сказать, схватка, а еще точнее — война два на два, в которой ни той ни другой стороне нельзя было применять огнестрельное оружие. Пальба в межфронтной полосе могла спровоцировать для обеих сторон неподготовленную бойню с немалыми потерями. Ордена они с Петро получили лишь потому, что не немцы упали на них, а наоборот. Все четверо вскочили, и пошла рукопашная.

Петро достался седой, Кольку достался рыжий. Седой был шире своего противника в плечах, рыжий моложе, лет двадцати пяти, и выше ростом Николая. Взаимоуничтожение шло минуты две. В темноте их спины, ноги, локти, головы бились друг о друга, и надежда была лишь на то, что товарищ выстоит и у врагов не окажется преимущества в численности. Две минуты, превратившиеся в вечность, смазались, от них остался один страх за свою, а не товарища жизнь. И за это было стыдно. Запомнился финал драки, в которой Петро предпринял исход тем, что придушил фашиста локтем, прижав к земле, предварительно выдавив ему правый глаз. Коле же повезло: он успел каким-то непонятным для него самого образом выхватить штык-нож, когда рыжий уже душил его, и вогнать его по рукоять в бок. Левую руку перед ударом пришлось снять с шеи врага и закрыть ею ему рот, чтобы заглушить его предсмертный крик.

За медальоны, оружие и прочие трофеи вражеских разведчиков и были получены их первые с другим ордена. Да остался Кольку в память шрам от укуса рыжего, синева с которого сошла через пару месяцев, а Петрок же для воспоминаний получил разрыв правого века, которое зашили не очень удачно, в результате чего правый глаз был постоянно прищурен и создавалось впечатление, что он все время в кого-то прицеливается. За это Петрок получил прозвище «Не смотри на меня».

— А где «Не смотри на меня»? — спрашивал, шутя, кто-нибудь.

— Смотрит, наверное, на кого-нибудь, — отшучивались в ответ.

— Петрок, иди сюда, только не смотри на нас!

Почему-то тогда это всем было смешно.

Вспоминая всю войну, все ее эпизоды, Николай Порфирьевич смотрел на себя со стороны как другой человек, разменявший девятый десяток лет стонный наблюдатель. Всю оставшуюся жизнь он ненавидел зиму. Не из-за того, что условия более суровые бытовые, а из-за того, что в боях часто приходилось обкладываться трупами и своих, и чужих солдат, которые зачастую специально не убрали, чтобы пригодились в будущем в качестве защиты от пуль.

Наличие ордена не освобождало от подозрений в измене Родине. И через полгода он уже сидел перед следователем женского пола и силился понять, чем же он все-таки провинился перед Родиной. За всю войну он именно в ка-

бинете следователя видел в ее лице самую толстую человеческую особь. Женщиной это существо он не мог назвать не из-за несимпатичности, чудовищной полноты и бородавки на носу, а по другим причинам. Допрашиваясь третий день, имея уже четыре переломанных пальца и кучу царапин, ссадин, синяков, Николай Порфирьевич уже заявил, что готов подписать все что угодно и пойти в штрафники, но мегера не унималась. Бессмысленные вопросы о явках, фамилиях, должностях, званиях наших и не наших, которых он должен был якобы знать и с ними изменять Родине, теснились в его голове непрерывным густым потоком. Бессонные ночи, голод, унижение, признания не давали освобождения от дальнейших пыток.

Еще двое суток садистка требовала к себе разведчика и продолжала глумиться над ним, пока не произошло то, чего она, собственно, как он после понял, и ждала. Он описался во время попытки сломать ему еще один палец. После этого она тут же успокоилась. А на следующий день пояснила, что информация была насчет него не совсем верная и что он должен быть благодарен органам следствия за то, что они вовремя разобрались. Но ему впредь было наказано быть более бдительным в общении с неблагонадежными и указано, что лишь его собственная неосмотрительность привела к таким последствиям. Порадовало, что оснований лишать его звания и ордена у органов нет и что он скоро, хоть и с переломанными пальцами, может отправиться в свой полк. Вернувшись в расположение своих, Николай получил десять суток отдыха для окончательного залечивания пальцев, а после — задание, которое обернулось еще одним орденом.

Вернее, заданием это было назвать трудно, потому что в три часа ночи он был разбужен почти всегда пьяными в это время старшими офицерами, которые приказали ему вместе с еще двумя разведчиками осмотреть поле, примыкающее к правому флангу окопов немцев. Гвардии старший сержант сразу понял, что без подготовки это крайне опасно и эта прогулка по минному полю ничем хорошим не закончится: это работа для саперов.

Но краснолицые командиры, пар изо рта которых шел в несколько раз обильней, чем у троих разведчиков, пригрозили судом за неисполнение приказа. Николай Порфирьевич, как старший, пошел в сторону заминированного поля, приказав двум обождать. И на глазах распаренных офицеров начал шатать столб, от которого в разные стороны к другим столбам тянулась колючая проволока.

При попытке прислонить столб ближе к земле раздался взрыв. Потерявшему зрение Николаю в госпитале был вручен второй орден за выполнение опасного боевого задания. Через пару месяцев зрение вернулось, но осколки выковыривать из головы и груди не стали, посчитав, что это слишком опасно. Еще полгода лечения в санатории, а после признание годным к строевой службе — снова в свой полк. Николай Порфирьевич надеялся, что хотя бы на его примере командиры научатся не кидать солдат в бессмысленные, крайне

опасные кровавые авантюры. Но та же пьяная офицерская братия, уже при освобождении Риги, в очередной раз бросила среди ночи на взятие Даугавских высот пехоту, где полегло более двухсот человек за полчаса боя. После чего было решено пойти другим путем.

Николай Порфирьевич не мог понять: почему всю войну Советская армия бесконечно брала высоты? Почему сама Советская армия никогда не закреплялась на высотах, почему просто не обходила их?..

Самого его больше в откровенную бойню не посылали, только по прямому назначению разведчика — на добычу информации, поиск и захват «языков», проведение рекогносцировки противника.

Однажды (уже после войны), на одном из «любимых» Николаем Порфирьевичем мероприятий, мальчик лет семи прочитал патриотическое стихотворение:

Нет! — сказали мы фашистам, —
Не потерпит наш народ,
Чтобы русский хлеб душистый
Назывался словом «брот».

.....
Встали, с русскими едины,
Белорусы, латыши,
Люди вольной Украины,
И армяне, и грузины,
Молдаване, чувашаи...

И ему сразу же вспомнился случай в начале войны, когда нервы не выдерживали у всех — у молодых и старых, у старших командиров и рядовых, у вельчаков и угрюмых, у партийных и у прочего военного люда.

Семья Николая Порфирьевича хоть была и русской, но деревня, в которой они жили, была чувашская, и по-чувашски, равно как и по-русски, разговаривали в ней все — от мала до велика.

В один из вечеров у костра группа чувашей, отделившись от всех, стала обсуждать побег к немцам с целью сдать в плен. С точки зрения их старшего, захват СССР — дело ближайшего времени, и сплошные отступления, сбои в поставках боеприпасов и продовольствия ни к чему, кроме гибели, не приведут. Чувашаи не знали, что рядом, у соседнего костра, сидит человек, который их слышит и понимает. Николай Порфирьевич в чем-то и разделял точку зрения на вещи чувашаи-заводилы, особенно по факту бездарности и безжалостности к солдатам командиров, но мысль о предательстве не вмещалась в его голову. О подслушанном разговоре он доложил командиру.

Командир, отрядив двух пулеметчиков, приказал выйти в поле и дожидаться, когда чувашаи направятся в сторону немцев, — и, если они все будут

без оружия, расстреливать без предупреждения. Примерно в пять утра, когда начало светать, четверо заговорщиков пошли в сторону немцев. Все они были без оружия. Пятый был расстрелян через три часа перед строем за то, что не доложил.

На мероприятиях его постоянно просили рассказать о чем-нибудь героическом — о подвигах. Было о чем поведать, но Николаю Порфирьевичу казалось, что он не имеет права рассказывать не всю правду, половинчатость ему претила. А всю целиком правду рассказать было невозможно по двум причинам. Первое: ему никто не поверит, и подумают, что он врет или голова уже не варит. И второе: остался на всю жизнь страх попасть еще раз в кабинет к следователю, и больше всего был страх, что следователем будет не мужчина.

Поэтому приходилось рассказывать, как он видел красавца Рокоссовского и как генерал вручал ему наградной пистолет. Женщинам всегда нравилось слушать об этом польском высоком красавце дворянине, который обожал женщин и которые обожали его. С особым удовольствием рассказывал байку о нем и Сталине, когда Рокоссовского назначали командующим 2-м Белорусским фронтом. Женщины смеялись, и эта байка для некоторых из них и была войной.

С женщиной же на войне была одна совсем невеселая история. В Польше, как раз родной для Рокоссовского, при освобождении Гданьска. Стали прочесывать дома, после того как бой стих. В один из закоулков из подъезда выскочила полька в разорванном в клочья платье. С криками «Руссишшвайне!» она побежала в сторону скопления войск на площади. За ней из дома выбежали двое советских военных из младшего состава и капитан. Николай Порфирьевич лично их не знал, но знал, что если она сейчас добежит до кого-нибудь из командиров высшего звена, то этим троим героям на Родину не вернуться.

Трое смотрели на него, он смотрел то на них, то на польку. Полька еще не пробежала мимо Николая Порфирьевича, но эти трое в нее уже не попали бы ни из какого оружия, так как она завернула за угол. Только орденосеец герой-разведчик видел ее и имел еще возможность ее остановить. Сигнал, данный взглядом троих одному, не оставил ни секунды на размышление. Он вздернул автомат и короткой очередью прекратил ее бег, пока она не выбежала на всеми просматриваемое пространство из закоулка.

Все трое, проходя, хлопали его по плечу и говорили: «Спасибо, браток...»

Смотреть им в лица и запоминать их не хотелось. Ничего не ответив, он дальше пошел осматривать дома, а трое стали затаскивать тело женщины в подвал полуразрушенного дома. Закончилась война в Праге (если война вообще может закончиться). И именно в пригороде Праги и погиб его друг Петрок, с которым они упали в «секрет» к немцам. Именно погиб, а не был убит. Было ясно, что маятник качнулся уже в сторону советских войск и победа уже не за горами. Вяizzlyваться в открытую бойню и перестрелки никто не хотел, пытались решить исход боев поддержкой авиации и артиллерии, а также с помощью

минометов и ручных гранат. Решил Петро кинуть гранату в окно дома, где было пулеметное гнездо немцев. Прокрался ползком сбоку от обстрела он правильно, но бросить точно гранату не сумел. Ударившись об оконный косяк, граната отлетела точно в него. Метрах в пятидесяти друг Колёк наблюдал, как погибает от собственной гранаты тот, с кем была пройдена вся война.

Потом была капитуляция Германии, была радость, слезы победы, ощущение счастья от нее. Но в последующие годы позитивные нотки звучали все реже... Пока не заглохли совсем.

Ему постоянно хотелось стереть звезду на стене дома, потому что она ему казалась не его. Потому что не про его войну рассказывали по телевизору, не о той войне хотели слышать и от него, не о той, на которой он был. Он не осуждал других фронтовиков, которые с пафосом, а кто-то и с радостью рассказывали о своих войнах. И он бы хотел рассказывать так же, но не умел. Он не мог ни хвалить, ни осуждать кого-либо. Так же, как он не осуждал своего внука, застрелившего себя наркотиками после Чечни. Не осуждал потому, что и сам был отравлен своей войной, хотя его война была не менее беспощадная, но более осмысленная.

И не понимал, почему он, не принимающий и не понимающий ту войну, о которой рассказывается везде и которую приняло большинство граждан, до сих пор живет и мешает радоваться другим.

Ни радоваться не хотелось, ни плакать не хотелось.

Жить хотелось.

Без войны. И не вспоминая ее.

Марина КУДИМОВА

ТРИ ЭССЕ О МИХАИЛЕ ЛЕРМОНТОВЕ

НЕВЫНОСИМЫЙ

Ставка на усреднённость, заурядность, которую сделали в наши дни сильные, но отнюдь не великие мира сего и которая, может быть, полнее всего отразилась в обезличивающем ЕГЭ, препятствует осознанию и приятию любой неординарности. Что уж говорить о наиболее полном её выражении — притягательной и отталкивающей фигуре гения! Как в сложившейся ситуации воцарения — и общественного поощрения — «среднего человека» (как написал в 14 лет герой этой статьи, «ничтожество есть благо в здешнем свете») объяснить детям и взрослым, а вернее — взрослым детям, что мир держится на единицах — и всегда одиночках, которыми были и остаются гениальные личности? Как передать владельцам 5-го айфона, привыкшим ответы получать в виде информационного фастфуда, величие замысла Шекспира, недостижимую ясность Пушкина или космическую «мрачность» Лермонтова?

«ВЕНОК НЕБРЕННОЙ СЛАВЫ»

Ни в какой семье не ждут рождения гения. Нет и не может быть такого «планирования» и такой программы. Нормальные люди готовятся к появлению просто красивого здорового ребёнка. Гений — «беззаконная комета», в своём роде генетический казус. Михаилу Лермонтову на роду была написана военная карьера. Его предки — офицеры и генералы — «прописали» эту модель в генах наследника рода Столыпиных. Даже гувернёром Мишеля был наполеоновский гвардеец Жан Капе (который любил жаркое из молодых галчат и тщетно пытался привить свой вкус воспитаннику).

Если последовательно прочитать поэта и проследить его поступки, приходишь к выводу, что он мистически знал о кратковременности своего пребывания в земной юдоли. С отроческих лет его

стихи переполнены предсказаниями ранней смерти. Задолго до знаменитого «с свинцом в груди лежал недвижим я», где описан выход из физического тела, летом 1930 г. в подмосковном Середникове написана первая часть триптиха «Ночь»: «Я зрел во сне, что будто умер я...»

Возможно, этим сознанием кратковременности объясняется и то, что Лермонтов всегда и везде хотел первенствовать. Где, как не на военном поприще, слава достижима скорее всего? Служба в гвардии, куда Лермонтову позволяло вступить происхождение и бабушкино состояние, обещала блистательную и — главное — стремительную карьеру. К тому же для молодых дворян именно военная карьера была наипрестижней. В октябре 1832 г. Лермонтов писал М.А. Лопухиной: «...если будет война, клянусь вам Богом, буду всегда впереди». И ведь сдержал клятву! Кстати, бабушка, вопреки распространенному заблуждению, вовсе не радовалась военной карьере Мишеньки, а, напротив, скрепя сердце приняла выбор внука, которому не перечила ни в чём.

Однако и сам Лермонтов принял решение стать военным не сразу. Он называл литературную карьеру «неблагодарным кумиром», прекрасно зная ей цену хотя бы на примере боготворимого Пушкина, из-за которого позже получил свою первую ссылку и, наблюдая венчание которого из толпы, упал в обморок. Но всё же несомненно думал о ней в своём неистребимом мечтании о венке «небренной славы!» Ведь не только Пушкин, но и самый знаменитый поэт своего времени — лорд Байрон — был его земным божеством. Школе прапорщиков предшествовала учёба во вполне «статских» заведениях — университетском пансионе и собственно Московском университете.

Этот период представляет собой сплошные белые пятна, как, впрочем, и значительная часть биографии поэта. Достаточно сказать, что истинная причина роковой дуэли до сих пор не выяснена. Исследователь Н. Бродский так прямо и писал: «Годы пребывания М.Ю. Лермонтова в университетском загородном пансионе (1828 — 1830) — столь же мало изученная страница в биографии поэта, как и другие периоды в его жизни». Чудовищные разноречия царят и в том, какова истинная причина ухода Лермонтова из университета. Был ли он исключён или ушёл своей волей? Одни мемуаристы пишут, что Лермонтов хотел перевестись в Петербург, но там надо было начинать курс сначала, а 18-летний юноша торопился жить и спешил чувствовать. Другие утверждают, будто его, в ком ещё никто не подозревал гения русской поэзии (а 40 стихотворений уже были переписаны в особую тетрадь), вышибли за вольнодумство и высокомерие. Третьи — что Лермонтова оставили на второй год на первом курсе из-за «академической неуспеваемости».

«СРЕДЬ ДЕТЕЙ НИЧТОЖНЫХ МИРА»

Любить гения — «тяжёлый крест», и первопричина этих трудностей, конечно же, сам гений. В житейском измерении характер большинства выдающихся дарований невыносим. Но когда гений уже проявился — куда ни шло. А «скры-

тый период» гениальности ни о чём, кроме «тяжёлого характера», окружающим не говорит.

Марина Цветаева — сама непревзойдённый мастер невыносимости — в мемуаре об Андрее Белом вспоминает ангела из «Чудесного посещения» Г. Уэллса, который «в земном бытовом окружении был просто непристоен!» Поведенческие отклонения большого таланта — паче гения — объяснимы только после его исчезновения «с поверхности земли» и относительным — всегда неполным — раскрытием его истинной природы. Смешно требовать, чтобы современники «угадали» гения при жизни. Жизнь — ежедневная повинность с кучей обязанностей. Гений — праздник, который далеко не всегда «с тобой». Он пытается жить нашу жизнь, совать голову в хомут социальности. На нём те же, что на нас, «панталоны, фрак, жилет» (мундир, пальто). Он почти неотличим «среди детей ничтожных мира». Природа гения таинственна и неисследима. Как ведёт себя мальчик, только что написавший:

Лицо моё вам не могло
Сказать, что мне пятнадцать лет.

На каком «всесожигающем костре» он сгорал, пока рука выводила эти строки? Какие муки испытывал «от страшной жажды песнопенья»? Какие чисто физиологические изменения происходят в организме художника при колоссальном энергетическом и эмоциональном «выбросе», которым сопровождается творческий акт? Все «научные» попытки зафиксировать подобные моменты тщетны, ибо гений и сам не знает, когда на него «накатит» «мир иной/ И образов иных существовань», которые мы почти бездумно и привычно называем «вдохновением». Откуда оно посылается и куда потом исчезает? Ответа нет! Чуткий — и независтливый — к чужому таланту В. Розанов говорил, что Лермонтов присутствовал при сотворении мира. Эта метафора, может быть, исчерпывающе объясняет «трудозатраты» творчества. Стоит ли удивляться, что однокурсники не разглядели за лермонтовской байронической маской его нечеловеческую ранимость и беззащитность? Молодость вообще достаточно жестока, а к другому, непохожему — тройне.

Не существует даже сколь-нибудь согласованного портрета поэта. Ф. Боденштедта привлекла «гордая, непринужденная осанка, средний рост и необычайная гибкость движений», «белокурые, слегка выющиеся по обеим сторонам волосы», «красиво очерченные губы». Художник М. Меликов писал о Лермонтове: «приземистый, маленький ростом, с большой головой и бледным лицом». П. Вистенгоф, вольнослушатель Московского университета в 1831 — 1832 гг., Лермонтова терпеть не мог и увидел его «неприветливый, насквозь пронизывающий взгляд». И.С. Тургенев оставил такое описание: «Вся его фигура, приземистая, кривоногая, с большой головой на сутулых широких плечах, возбуждала ощущение неприятное; но присущую мощь тотчас сознавал всякий». Эта

«мощь» отпугивала современников, но не меньше пугает и «надменных потомков».

То же и с характером. Белинский искренне считал Лермонтова пошляком и с высокомерием, до которого и адресату было не допрыгнуть, заявлял, что «ни разу не слышал от него ни одного дельного и умного слова». Можно подумать, что всякий поэт так и сыплет незабываемыми афоризмами! Но ведь Лермонтов многожды недвусмысленно высказался и на эту тему:

И звук высоких ощущений
Он давит голосом страстей.

Иван Панаев писал (вполне справедливо), что Лермонтов «был любим очень немногими, только теми, с которыми был близок, но и с близкими людьми он не был общителен», и добавлял беспощадно: «Он непременно должен был кончить так трагически: не Мартынов, так кто-нибудь другой убил бы его». И. Забелла называл Лермонтова «корявым» и сознавался: «Помимо его безобразия, я видел в нём столько злости, что близко подойти к такому человеку мне казалось невозможным, и я струсил».

«Я ЗВУК НАШЁЛ ДОТОЛЕ НЕИЗВЕСТНЫЙ»

Скорее всего, Лермонтов и покинул университет из-за нелюбви. Той самой нелюбви человеческой, которая преследовала его всю короткую жизнь и с которой в студенческие годы он столкнулся после бабушкиного дома, где его обожали, впервые. Претензии сокурсников смехотворны! Особенно если учесть, что мемуары свои они писали в зрелом возрасте. Значит, подростковые обиды пронесли через всю жизнь. Вряд ли их проблема заключалась во вселенском одиночестве и земной неуживчивости давно убитого поэта. Особенно отличился тот же Вистенгоф, который обвинял Лермонтова в том, что он «та-а-ак взглядывал!», имея в виду какую-то особую «ядовитость» взора. Наверняка большеголовый студент устремлял невыносимый взгляд своих темно-карих глаз в такие бездны, что среднестатистическому человеку вынести его было невозможно.

Автомиф, который Лермонтов творил без передышки, тянется за ним, словно шлейф за кометой. Почему он выбрал миф с отрицательной, как теперь говорят, коннотацией? Думается, виной тому не только фрейдистский контекст отсутствия матери («В младенческих летах я мать потерял») и тоски по отцу, которого Е.А. Арсеньева лишила возможности видеться с сыном. Мы совершенно не осведомлены в том, как формируется личность человека, которому суждён гиперсокращённый даже в сравнении со средним срок жизни. Если верить в предопределение (а Лермонтов верил в него убеждённо), можно допустить, что все процессы в таком организме протекают с огромным ускорением, но и с колебаниями большой амплитуды. Раннее взросление перемежается с

инфантильными проявлениями. Среди ровесников подобный человек чувствует себя то как академик в младшей группе детского сада, то как детсадовец в академии. В среде военной этот дискомфорт сглаживается постоянным риском и ежеминутной близостью смерти. Там Лермонтова воспринимали менее болезненно, но тоже нельзя сказать, что безоговорочно. «Инфан терриблем» он прочно слыл в обеих корпорациях.

Если верить легенде, что Лермонтов постоянно приближал собственную гибель (так это выглядело на сторонний взгляд), а на самом деле, повторим, твёрдо **знал**, что ему недолго предстоит находиться среди живых, многие его поступки, слова и **взгляды** становятся куда более понятными и даже логичными. Тем не менее биографам и исследователям Лермонтова приходится его постоянно оправдывать. Славянофил Юрий Самарин понял это раньше других. Ему мы и дадим последнее слово: «Пушкин не нуждается в оправдании. Но Лермонтова признавали не все, поняли немногие, почти никто не любил его. Нужно было простить ему».

«Я звук нашёл дотоле неизвестный»... Простим хотя бы за этот невыносимо прекрасный **звук**, если уж не сумели понять!

МИХАИЛ И НИКОЛАИ

Людей, сыгравших в судьбе Лермонтова сколь-нибудь значительную роль — и хорошую, и дурную, — часто звали Николаями.

Начать с того, что так звали царя. Лермонтов встречался с Николаем I дважды — и оба раза на обедах. 11 марта 1830 г. Николай I без предупреждения, без свиты посетил Московский университетский благородный пансион. При входе императора встретил только старый сторож. Николай был поражен вольными порядками пансиона, поскольку шла перемена и в коридоре кипела толпа пансионеров. Среди них наверняка был и Лермонтов.

После дуэли с де Барантом на докладе генерал-аудиториата по делу Лермонтова, который предлагал продержать Лермонтова три месяца на гауптвахте, рукой царя начертано: «Поручика Лермонтова перевести в Тенгинский пехотный полк тем же чином.... Николай. С.-Петербург 13 апреля 1840». Военный министр А. И. Чернышев сообщил вел. кн. Михаилу Павловичу, что Николай I «изволил сказать, что переводом Лермонтова в Тенгинский полк желает ограничить наказание».

Стихи «На смерть поэта» Николай I оценил как «бесстыдное вольнодумство, более чем преступное» и приказал лейб-медику выяснить, не сошел ли Лермонтов с ума. Подчеркнем, что всего три месяца назад подобный диагноз вынесли Чаадаеву, о котором скажем ниже.

В 1841 г. Николай Павлович, заметив, что поручик Лермонтов не находился при своем полку, написал резолюцию: «Зачем не при своем полку? Велеть непременно быть налицо во фронте, и отнюдь не сметь под каким бы ни было

предлогом удалять от фронтовой службы при своем полку». Это распоряжение было получено на Кавказе уже после гибели Лермонтова, и под «фронтом» государь разумел не боевые действия, но караульно-уставные. Фразу Николая I «собаке — собачья смерть» передал семье Карамзина (тоже Николая) полковник Иван Лужин, флигель-адъютант императора, якобы в Зимнем дворце слышавший это своими ушами. Царю, конечно, не глянулся роман «Герой нашего времени». Но отвратительные слова в адрес поэта оставим все же на совести флигель-адъютанта.

Училище, которое окончил Лермонтов, впоследствии назвали Николаевским.

По случаю рождения Лермонтова на квартире его отца молился протоиерей Николай Петров. Он же крестил новорожденного раба Божия Михаила.

В Московском благородном пансионе с Лермонтовым учился Николай Сатин (впоследствии они встречались на Кавказе). Сатин написал мемуары и посвятил Лермонтову плохие и пламенные либеральные стихи:

Когда поэт, сознав свое призванье,
Свой приговор народу возвестит, —
Как мощно он стихом негодованья
Народ бичует и клеймит!
Кто б ни был тот народ, — что нужды для поэта!
Поэт в сей миг не франк, не славянин,
Одною истиной душа его согрета,
Он человек, он мира гражданин!
Но горе, если он в сужденьях увлечется
Народною иль личною враждой!
На грозный суд его кой-кто лишь улыбнется,
И грозный стих над целью пронесется
Хоть звучною, но слабою струною.

В Московском университете в 1832 г. начал чтение курса теории изящных искусств и археологии Николай Надеждин, тот самый, который вскоре станет редактором журнала «Телескоп» и опубликует «Философические письма» Чаадаева. Среди его слушателей были Белинский, Станкевич, Константин Аксаков, Осип Бодянский. По всей вероятности, бывал на лекциях и Лермонтов. Лекции Надеждина были блестящими импровизациями, поражавшими слушателей, хотя многие из них потом не могли воспроизвести ни одной мысли, в них содержащейся. В 1836 г. «Телескоп» был запрещен, а Надеждин сослан в

Усть-Сысольск. Б. Эйхенбаум называл Чаадаева «учителем Лермонтова». Некоторые исследователи считают, что Чаадаеву посвящено лермонтовское стихотворение:

Великий муж! здесь нет награды,
Достойной доблести твоей!
Ее на небе сыщут взгляды
И не найдут среди людей.

Но беспристрастное преданье
Твой славный подвиг сохранит,
И, услышав твоё названье,
Твой сын душою закипит.

Свершит блистательную тризну
Потомок поздний над тобой
И с непритворною слезой
Промолвит: «Он любил отчизну».

Тот же Эйхенбаум отметил, что в 1816—1817 гг. «Чаадаев служил в том самом лейб-гвардии полку, в котором потом служил Лермонтов. Это тоже могло влиять на отношение Лермонтова к Чаадаеву: в полку сохранились воспоминания о Чаадаеве и личные связи с ним».

Лермонтова в школьном лазарете навещал дальний родственник его бабушки Николай Анненков с молодой женой Верой. Лермонтов, бывая в Москве, у него обедал. Анненков сделает блестящую карьеру, станет адъютантом Великого князя Михаила, генерал-губернатором Юго-Западного края, государственным контролером империи, но в описываемую пору он — начальник штаба 6-го пехотного корпуса. Вера Ивановна оставила о посещении воспоминания: «Однажды к нам приходит старая тетушка Арсеньева вся в слезах. «Батюшка мой, Николай Николаевич! — говорит она моему мужу. — Миша мой болен и лежит в лазарете школы гвардейских подпрапорщиков!»...

Мой муж обещал доброй почтенной тетушке немедленно навестить больного юношу в госпитале школы подпрапорщиков и поручить его заботам врача.

Корпус школы подпрапорщиков находился тогда возле Синего моста; позднее его перевели в другое место...

Мы отправились туда в тот же день на санях.

В первый раз я увидела будущего великого поэта Лермонтова.

Должна признаться, он мне совсем не понравился. У него был злой и угрюмый вид, его небольшие черные глаза сверкали мрачным огнем, взгляд был

таким же недобрым, как и улыбка. Он был мал ростом, коренаст и некрасив, но не так изысканно и очаровательно некрасив, как Пушкин, а некрасив очень грубо и несколько даже неблагородно.

Мы нашли его не прикованным к постели, а лежащим на койке и покрытым солдатской шинелью. В таком положении он рисовал и не соблаговолит при нашем приближении подняться. Он был окружен молодыми людьми, и, думаю, ради этой публики он и был так мрачен по отношению к нам, пришедшим его навестить.

Мой муж обратился к нему со словами приветия и представил ему новую кузину. Он смерил меня с головы до ног уверенным и недоброжелательным взглядом. Он был желчным и нервным и имел вид злого ребенка, избалованного, наполненного собой, упрямого и неприятного до последней степени».

А еще у Николая Анненкова была сестра Варвара, поэтесса. Они с Лермонтовым вместе сочинили пародию на балладу Жуковского «Смальгольмский барон» и посвятили ее Александре Верещагиной, родственнице и приятельнице Лермонтова. Баллада Жуковского начинается стихами: «До рассвета поднявшись, коня оседлал...». Первые строки пародии, принадлежащие Лермонтову, таковы:

До рассвета поднявшись, перо очинил
Знаменитый Югельский барон.
И кусал он, и рвал, и писал, и строчил
Письмецо к своей Сашеньке он.

В конце на оригинале — приписка: «Сочинено Михаилом Лермонтовым и Варварой Анненковой в то время, когда я читала письмо от моего жениха».

Варвара Николаевна написала и отклик на гибель Лермонтова, по сути, посвященный его неутешной бабушке:

Утешь ее! Утешь! явьсь во мраке ночи,
Когда смыкаются задумчивые очи,
Когда создание почиет в тишине,
Явьсь страданице, утешь ее во сне.

Князь Николай Манвелов, генерал-лейтенант, а некогда соученик Лермонтова по Школе юнкеров, нашел завалившуюся «за шкаф» тетрадку с рисунками поэта, не потерял ее и почти через полвека (1889 г.) отослал в первый Лермонтовский музей. Манвелов, в отличие от многих, Лермонтова любил и дорожил памятью о нем: «...считаю себя счастливым, что могу с своей стороны принести музею в дар сохранившийся у меня экземпляр с собранием ри-

сунков, составляющий ныне весьма, может быть, редкий памятник этого рода художественных дарований незабвенного поэта, доставшийся мне благодаря особой счастливой случайности».

Кузен Лермонтова, поступивший в школу годом позднее него, Николай Юрьев, отдал Осипу Сенковскому в журнал «Библиотека для чтения» поэму «Хаджи Абрек» — так появилась первая серьезная публикация Лермонтова. Говорят, Юрьев, прекрасный декламатор, так зачитал хитрющего Сенковского стихами Лермонтова, что тот согласился печатать каждую строчку из-под его пера («если цензура разрешит»).

А первая домашняя публикация Лермонтова случилась в Тарханах в рукописном журнале «Утренняя заря», выходившем под редакцией соседа бабушки Е.А. Арсеньевой, Николая Давыдова, который общался с Лермонтовым не только в Тарханах, но и в Москве, а по некоторым данным, Лермонтов бывал и в имении Давыдовых в Пачелме.

В 1830 г. в Севастополе во время чумного бунта был убит первый севастопольский военный губернатор Николай Столыпин — родной брат бабушки Лермонтова, генерал-лейтенант, герой Отечественной войны 1812 года, кавалер орденов Святого Георгия. Карантинные меры в связи с распространением эпидемии в городе предпринимались, возможно, и преувеличенно жесткие. Город мало-помалу превращался в тюрьму. День карантина обходился казне в 170 рублей — цифра по тем временам астрономическая. Городские чиновники не преминули воспользоваться щедрыми субсидиями и объявляли каждого мертвеца жертвой чумы. Бунт разгорелся в Корабельной слободке, когда населению было запрещено покидать жилища. Толпа ворвалась в дом губернатора, Столыпина вывели на улицу и забили дрекольем и камнями.

Варвара Лопухина, пожизненная любовь Лермонтова, вышла замуж за Николая Бахметева. Странно: неужели никто не замечает при сравнении портретов, как внешне похожи «некрасивый» Лермонтов и красавица Лопухина? Ей посвящены поэмы «Измаил-Бей» и «Демон» и многие стихи:

У ног других не забывал
Я взор твоих очей;
Любя других, я лишь страдал
Любовью прежних дней...

Бахметев и его родственники не допускали упоминания в печати об отношениях Вареньки и Лермонтова.

В лейб-гвардии Гродненском гусарском полку Лермонтов поселился вместе с Николаем Краснокутским в так называемом «доме сумасшедших» для холостых офицеров. Этот Краснокутский сделал подстрочный перевод сонета А. Мицкевича «Вид гор из степей Козлова», и Лермонтов тогда же перевел это стихотворение под тем же названием. Командиром полка был генерал-майор Николай Плаутин. Он требовал разжаловать Лермонтова в рядовые после дуэли с де Барантом.

Последний вечер в мае 1840 г. перед отъездом на Кавказ, откуда ему не суждено было вернуться живым, Лермонтов провел в доме писателя Николая Павлова. Славянофил Юрий Самарин записал: «Он уехал грустный. Ночь была сырая. Мы простились на крыльце».

Дорога, близ которой состоялась роковая дуэль между Лермонтовым и Мартыновым, вела в немецкую колонию Николаевскую. Население составляли саратовские немцы, переселившиеся сюда в 1835 году и проживавшие до выселения в 1941 году. О том, что Россия уделяла серьезное внимание переселению немецких колонистов на завоеванные ею земли Закавказья, свидетельствует распоряжение императора Александра I выделить на их обустройство из государственной казны 100 тыс. руб. серебром. Самой первой самостоятельной иностранной колонией здесь стала колония Каррас, основанная шотландскими миссионерами. Не забудем, что род Лермонтовых происходил из Шотландии.

Убийца Лермонтова Мартынов носил то же самое имя.

ПЕРВЫЙ СКАЗАЛ!

«У поэта напарника нет», — заявил Андрей Вознесенский. А наставник — есть? Художнический дар нельзя приобрести — следовательно, на него нельзя «наставить». Знаменитый психотерапевт Шелдон Б. Копп в книге с характерным названием «Встретишь на пути Будду — убей его» пишет: «Важнейшей вещью, которую должен понять каждый человек, является то, что никто не может его ничему научить». Эта мысль особенно разработана в буддизме. Дхарма учит не поддаваться заблуждениям других. Сакральная метафора с призывом «убить Будду» на поверхностный взгляд неприменима к христианским ценностям. Но разве не ее аналог находим в Евангелии: **«Кто любит отца или мать более, нежели Меня, не достоин Меня** (Мф. 10:37) и **«Сберегший душу свою потеряет ее; а потерявший душу свою ради Меня сбережет ее** (Мф. 10:39)?

Искусство построено на соперничестве с современниками и предшественниками и на тонкой балансировке между **адом** и **раем** как полюсами добра и зла в пределах эго художника. Недаром Белинский о герое нашего повест-

воваания сказал: «Все, все в поэзии Лермонтова и рай, и ад». Академик Нес-тор Котляревский, связавший личность Лермонтова с его произведениями, пришел к следующему выводу: «В том виде, в каком поэзия Лермонтова перед нами, — она неразрешимый диссонанс». А сам поэт «на заре туманной юности» написал:

...но все образы мои,
Предметы мнимой злобы и любви,
Не походили на существ земных.
О, нет, все было ад иль небо в них.

Преодоление художником ученичества и есть осуществление призыва «убить Будду». Собственно, всем известная подпись В. Жуковского под портретом, подаренным Пушкину: «Победителю-ученику от побежденного учителя», — есть самое интеллектуально честное и благородное признание, которое мы можем найти в истории мирового искусства.

Итак, есть ли у гения учителя? По расчетному счету у Михаила Лермонтова их было целых два — Байрон и Пушкин. Но Лермонтов никогда не стал бы великим поэтом, не найдя собственного пути и оставаясь в пределах колеи, наезженной его кумирами. Гениальность предполагает лабильность — сверхбыструю обучаемость и оптимальность постижения основ в той области, в которой проявляются сверхспособности. Тем не менее что-то и кто-то должны катализировать их и побудить носителя к соответствующей деятельности. В биографии даже столь «диссонансной» личности, как Лермонтов, такие люди были.

Конечно, это вряд ли профессор изящных наук и пиит державинской школы Алексей Мерзляков, которого бабушка наняла заниматься с Лермонтовым, когда тот уже учился в Московском благородном пансионе. Мерзляков написал кучу забытых романсов, но и одну великую песню — «Среди долины ровныя». Его Лермонтов тем не менее не мог любить уже потому, что тот учинил разбор стихотворения Пушкина «Зимний вечер» — и не оставил от него камня на камне (не отсюда ли вынул Булгаков образ поэта Рюхина, который не понимал, в чем гениальность строки «Буря мглою небо кроет»?). К тому же Мерзляков насмеялся и над попытками своего ученика писать столбиком. Сам обличитель при этом сочинял вот такое:

Не надеясь наслаждаться
Чувством нежности твоей,
Мне осталось лишь питаться
Скрытой горестью своей.

Первым учителем Лермонтова был грек, по профессии скорняк, очень предприимчивый. Из многочисленных учителей-иностранцев «победитель-

ученик» более-менее выделял наполеоновского полковника Шандро, выведенного в «Сашке» «парижским Адонисом». Полковник сменил на посту бывшего сержанта Жана Капе. Так что Лермонтов, можно сказать, эмпирически постиг субординацию наполеоновской армии. Обрусевший англичанин Федор Виндсон, пришедший на смену на перенесшему русского климата и умершему от чахотки Шандро, якобы познакомил Мишеля с поэмами Байрона. Но, во-первых, не узнать Байрона Лермонтов не мог по определению — под мятежным лордом ходила вся аристократическая молодежь, а во-вторых, возможно, он, как и его бабушка, особенно привечал жену Федора Федоровича, немку Варвару Ивановну. Елизавета Алексеевна предоставила чете целый флигель на Малой Молчановке и часто с Варенькой раскидывала картишки. Мишеньке всегда выпадал червонный интерес, тайное недоброжелательство пикового короля и дальняя дорога. А Мишенька посвятил Варенькиным голубым очам стихи, которые потерялись — или были сожжены, как и многие его полудетские опыты. Можно вспомнить еще семинариста Орлова, от которого Лермонтов узнал о существовании народных былин. Но патриотичный семинарист обучал двоюродного брата Лермонтова, Аркадия Столыпина, и был в судьбе поэта фигурой более чем эпизодической. Из русских же наставников следует выделить как минимум двух человек, к которым Лермонтов, по идее, мог испытывать благодарность. Это Алексей Зиновьев и Василий Плаксин.

Летом 1832 г. Лермонтов покинул Московский университет «по домашним обстоятельствам», как написано в его прошении об увольнении. Как и чему он там учился, известно смутно. Читаем в поэме «Сашка»:

Пришли, шумят... Профессор длинный
Напрасно входит, кланяясь чинно.
Он книги взял, раскрыл, прочел — шумят;
Уходят — втрое хуже. Суций ад!..

В конце октября — начале ноября Лермонтов пишет в Москву кузине А.М. Верещагиной, что готовится к экзаменам для поступления в Школу гвардейских подпрапорщиков. Школа для обучения молодых дворян, поступающих в гвардию из университетов или частных пансионов, была учреждена в Петербурге 9 мая 1823 г. по приказу Александра I. 2-м ноября датировано письмо Лермонтова к Марии Лопухиной: «... я до сих пор предназначал себя для литературного поприща и принес столько жертв своему неблагодарному кумиру и вдруг становлюсь воином... » 4 ноября будущий автор великих военных стихов держит экзамены в эту самую Школу гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров, коя размещалась в великолепном здании на набережной Мойки у Синего моста. Поблизости Е.А. Арсеньева сняла квартиру для обожаемого внука.

Лермонтов страстно хотел самостоятельности. Получил ли он ее, если бабушка буквально ходила за ним по пятам во все время учебы, задабривала командиров и закармливала однокашников, чтобы они, не дай Бог, не обидели слабого и болезненного Мишеньку? Отнюдь! Кушали гостинцы с аппетитом и обижали, обижали... Но на «гражданке» «Мишенька» тем более никогда бы не освободился от бабушкиного пригляда. В школу Лермонтов попал, можно сказать, по милости Петра Плетнёва, одного из преданнейших друзей Пушкина. Профессор Петербургского университета Плетнев отказался зачесть Лермонтову два года учёбы в университете. Что ему оставалось? Только армия! А Плетнев, между прочим, потерял шанс стать учителем еще одного титана. Впрочем, все друзья Пушкина были болезненно ревнивы к поэтам, писавшим после их кумира. Плетнев дожил до 1865 г., когда гениальность Лермонтова была уже общим литературным местом, но продолжал упорствовать в неприязни: слышать и говорить о Лермонтове не хотел, называл его «фокусником». Так что «добрейшим старичком», как называл его Д. Мережковский, Плетнев, очевидно, представлялся всем, кроме единственного правопреемника Пушкина. Чиновник Зубов, некогда слушавший лекции Плетнева, заключил, что лектор «начинал и кончал Пушкиным». На Гоголя его еще хватило, на Лермонтова — уже нет.

Заведение, в которое Лермонтов поступал, было не рядовым, пользовалось завидной и вполне заслуженной репутацией и, по факту, являлось военным университетом. Конечно, золотая пора школы осталась в прошлом, к тому же в год поступления Лермонтова открылась Императорская военная академия. Но в гвардию по-прежнему стремилась вся золотая русская молодежь, отпрыски самых знатных фамилий. И такова уж была лермонтовская планида, что и его переход в военную службу вызвал в свете насмешки и разочарование. Лермонтов вообще всех и всегда «разочаровывал», его все и всегда не любили. Проще всего объяснить сей факт было «ужасным» характером и «инфантирибленностью» нелюбимого.

Один лишь Алексей Зиновьев, готовивший Мишеля в благородный пансион и там же состоявший надзирателем и учителем русского и латинского языков, кажется, понял эту вечно смятенную душу: «Каким образом запало в душу поэта приписанное ему честолобие, будто бы его грызшее... ни досточного повода и ни малейшего признака к тому не было». Лермонтов этого учителя уважал. На полях полудетской поэмы «Черкесы» начертал: «Зиновьев нашел, что эти стихи хороши». Но во всю оставшуюся жизнь ни разу, кажется, о нем не вспомнил. Зиновьев же в своих воспоминаниях невольно поддержал укоренившуюся впоследствии традицию нескончаемого мемуарного «оправдания» «милого питомца». В университете Лермонтова уже откровенно не могли терпеть («Вся фигура этого студента внушала какое-то безотчетное к себе нерасположение». П. Вистенгоф). Да и в юнкерской школе, кажется, больше привечали бабушку Елизавету Алексеевну, чем зловязкого Маёшку.

Именем уродливого горбуна из французского романа Рикера, как говорят, Лермонтов прозвал себя сам. И произошло это не где-нибудь, а в юнкерской школе. Роман остался благодаря Лермонтову в истории литературы. Носитель якобы охотно на кличку откликнулся, но мы-то знаем, каково не откликнуться маркирующей толпе. «Маёшка», меж тем, писал пятую редакцию «Демона», поэму «Измаил-Бей» и роман о пугачевском восстании (который так и не окончил). Николай Михайловский полагал, что именно это недоброе прозвище подвигло Лермонтова к образу *горбача* Вадима. Александр Блок писал, что в неоконченном романе «содержатся глубочайшие мысли о русском народе и о революции».

Петербург, куда он так стремился, кроме «погоняла», немедленно подарил Лермонтову злостную бессонницу. Если университетские порядки казались ему тюремными, то к муштре и субординации, выездам на лагерные учения и участию в маневрах он не был готов совершенно:

Царю небесный!
Спаси меня
От куртки тесной,
Как от огня.
От маршировки
Меня избавь,
В парадировки
Меня не ставь.

Впрочем, первый биограф поэта Павел Висковатов считал, что «разница между этими учебными заведениями была невелика» (и строка «О, зачем я не ворон степной!» вырвалась у Лермонтова не в казарме). Тотчас по поступлении исключительно «везучий» Лермонтов сел на невыезженную лошадь и получил такой удар копытом ниже колена, что потерял сознание, два месяца отлеживался в доме бабушки и всю жизнь после полученной травмы прихрамывал. Любопытно, что из-за болезни Лермонтов пропустил присягу. То есть не давал обещания «все к Высокому Его Императорского Величества Самодержавству, силе и власти принадлежащие права и преимущества, узаконенные и впредь узаконяемые, по крайнему разумению, силе и возможности исполнять». Освободить от присяги могло специальное решение царя либо его кончина. На Лермонтова ни одно из этих правил так и не распространилось. Зато за время болезни он подготовился и сдал экзаме́н в высший класс!

Считается, что Лермонтов в школе почти ничего не написал (семь стихотворений за четыре года и несколько начатых и брошенных романов и пьес). Особенно настаивал на этой версии Аким Шан-Гирей, с детства живший на

попечении Е.А. Арсеньевой, которая полагала, что ее нелюдимому внуку необходимы товарищи, и по ее просьбе носивший юнкеру Лермонтову пироги, конфеты и другие домашние вкусности, то есть бывший фактически на посылках: «Способности свои к рисованию и поэтический талант он обратил на карикатуры, эпиграммы и разные неудобные к печати произведения...» Шан-Гирей был, например, необъяснимо рад тому, что, «по счастью», перед отъездом в Петербург Лермонтов сжег выпуски тарханского рукописного журнала «Утренняя Заря» «и многое другое при разборе старых бумаг», в том числе первую поэму «Индианка». Чему тут, спрашивается, радоваться? Тому, что мы навек потеряли начальные опыты гения? Или тому, что бесследно исчезли насмешки и подначки, обращенные на радующегося? Шан-Гирей вообще отличался «повышенной чуткостью» в отношении друга детства. Например, изумлялся: «...в жизни (Лермонтов — **М. К.**) не знал никаких лишений, ни неудач... особенно чувствительных утрат он не терпел; откуда же такая мрачность, такая безнадежность?» На это достойно ответил Михайловский: «...он потерял мать по третьему году и отца, будучи уже юношей, способным чувствовать и понимать, как не всякий взрослый. Мы знаем далее, что семейная обстановка, в которой рос Лермонтов, отнюдь не из одних розовых лепестков и лебяжьего пуха состояла... Сначала между родителями поэта, а потом, после смерти матери, между отцом и бабкой его происходила какая-то затяжная и тяжелая драма». Но Аким продолжал пребывать в уверенности, что все это было напускное, байроническое.

Тем не менее на «показаниях» Шан-Гирея до сих пор держится известная часть лермонтоведения. Иные с его подачи пребывают в уверенности, будто Лермонтов в связи с выбором армейской карьеры принял решение расстаться с музой навсегда. Люди, никогда не сочетавшие двух стихотворных строк, вообще любят делать подобные заключения. Но суть стихотворного процесса состоит из трех «не»: неуправляемости, непредсказуемости и непредназначенности. Стихи сочиняют (насчет прозы не уверена) «нипочему», невесть когда и ни для кого даже в том случае, если сверху ставят посвящение. Выводы о «бесплодии» Лермонтова в период обучения говорят еще о том, что делающие их не имеют представления также и об армейской жизни. Чтобы записать даже наброски в заветной тетради, Лермонтову приходилось искать уединения — самой недостижимой в армии привилегии. Писал он украдкой и от однокашников, и от офицеров-воспитателей.

Корифей культурно-исторической школы русского литературоведения Александр Пыпин в беседе с П. Висковатовым заметил: «Лермонтов, с детства мало общительный, не был общителен и в школе. Он представлял товарищам своим шуточные стихотворения, но не делился с ними тем, что высказывало его задушевные мысли и мечты; только немногим ближайшим друзьям он доверял свои серьёзные работы... Его внутренняя жизнь была разделена и беспокойна. Его товарищи, рассказывающие о нём, ничего не могли рассказать, кроме анекдотов и внешних случайностей его жизни; ни у кого не было в

мысли затронуть более привлекательную сторону его личности, которой они как будто и не знали...»

Но в школе у Лермонтова случались не одни неприятности и конфликты. Там ждала его встреча, вероятно, одна из тех, которые любители пафоса называют судьбоносными. В «Описании рукописей и изобразительных материалов Пушкинского Дома», касающихся иконографии М.Ю. Лермонтова, можно найти такую запись: «Лермонтов в классе стоит у кафедры. На кафедре — преподаватель словесности Плаксин. За партами сидят юнкера. На изображении слева внизу карандашом: «Рис. Е. Бектабегов. Поручик. 1915». На изображении внизу справа карандашом: «Лермонтов в школе: 1834 г. Преподав<атель> рус<ской> словесн<ости> Плаксин приветствует будущего поэта России, прочитав его сочинение в стихах «Хаджи Абрек»...»

Помимо военных дисциплин, воспитанники школы изучали математику, историю, словесность, географию, судопроизводство, французский язык. Теорию словесности как раз и преподавал Василий Тимофеевич Плаксин, изображенный на рисунке Бектабегова. По свидетельству будущего убийцы поэта Н. Мартынова, поступившего в школу почти одновременно в Лермонтовым, последний «с особым рвением занимался русской словесностью и историей. Вообще он имел способности весьма хорошие, но с любовью он относился только к этим двум предметам...»

В карикатурах, упоминаемых Шан-Гиреем, узнаваемы преподававший кавалерийский устав штабс-ротмистр Кнорринг, командир эскадрона кавалерийских юнкеров, который в манеже, где Лермонтов повредил ногу, наблюдал взаимоотношения юнкеров и лошадей, полковник Стунеев и др. Плаксина среди окарикатуренных не наблюдается, и это уже говорит о многом. Кстати сказать, Плетнев и тут помаячил перед носом Лермонтова: он тоже преподавал словесность в Школе юнкеров и уволился 28 сентября 1832 г. Таким образом, здесь Лермонтов его уже не застал. В 1834 г. на кафедру заступил В.Т. Плаксин, который и скрасил Лермонтову последний из «двух ужасных годов» (так Лермонтов охарактеризовал свою учебу). Говорят, Плаксин заметно уступал Плетневу в дарованиях. Но именно ему выпало угадать в Лермонтове то, чего никто до него не разглядел.

Князь Николай Манвелов, дослужившийся до генерал-лейтенанта, поступил в Школу юнкеров годом позже Лермонтова. Он относился к тем соученикам великого поэта, которые не разделяли мнения о его демонизме и «ничегонеписательстве». По собственным словам Манвелова, «узнав из газет, что учрежденный в память Михаила Юрьевича Лермонтова музей собирает среди лиц, знавших поэта, и среди публики материалы, относящиеся к его жизни и художественному творчеству», князь в 1889 г. послал в Лермонтовский музей тетрадку, которую уже после выпуска Лермонтова нашел в «шкапике». Тетрадку эту, по утверждению Манвелова, он видел прежде у Лермонтова. В сопроводительном письме при посылке тетради рисунков в музей Манвелов пишет:

«В год своего производства в офицеры Лермонтов представил нашему преподавателю русской словесности Плаксину — имя и отчество коего не помню — сочинение свое в стихах «Хаджи-Абрек», по прочтении которого Плаксин тут же на своей кафедре, поднявшись со стула, торжественно произнес: «Приветственную будущему поэта России!». Согласно этому рассказу поручик Бектабегов и сделал упоминавшийся рисунок. Таким образом, именно Плаксину принадлежит честь впервые угадать в Лермонтове его поэтический гений. Впоследствии Василий Тимофеевич любил напомнить об этом.

Но писал Лермонтов в школе что-нибудь, кроме скабресных стишков, или не писал? Как и почти во всем, что касается его биографии, путаница тут царит ужаснейшая. 69 лет от роду Плаксин начал свои записки. Они, к сожалению, погибли по вине слуги. Но небольшой отрывок из них появился в «Русской Старине» 1880 г. под названием «Голос за прошедшее». Там Плаксин ошибочно пишет, что Лермонтов «прислал с Кавказа первое свое произведение, предназначенное для печати: «Хаджи Абрек». Манвелов же, учившийся в школе в 1833 — 1835 гг., утверждает, что поэму Лермонтов представил Плаксину «в год своего производства в офицеры». «Представил» — да. Но «Хаджи Абрек» был написан в 1833 г. именно в Школе юнкеров, о чем в записях литератора, сына орловского вице-губернатора Виктора Бурнашова, свидетельствовал товарищ Лермонтова по юнкерской школе Афанасий Синицын, который, между прочим, был аудитором военного суда над кавалергардским поручиком Дантесом: «Раз как-то, в последние месяцы своего пребывания в школе, Лермонтов, под влиянием воспоминаний о Кавказе, где он был еще двенадцатилетним мальчишкой, написал целую маленькую поэмку из восточного быта...» А напечатана «поэмка» в 1835 г. В журнал Осипа Сенковского «Библиотека для чтения» отнес поэму Юрьев, лейб-драгун, кузен и друг Лермонтова по гвардейской школе — причем без ведома автора.

Славное имя «Николай» носили все, кто сыграл в судьбе поэта сколь-нибудь значительную роль, — от царя до убийцы. Вот и Юрьева, которому мы обязаны первой серьезной публикацией Лермонтова, тоже звали Колей. По воспоминаниям Синицына, Юрьев был прекрасным чтецом и буквально оглушил Сенковского своей декламацией: «Сенковский был в восторге, просил Юрьева сказать автору, что его стихотворения все, сколько бы он их ни давал, будут напечатаны, лишь бы только цензура разрешила». Узнав о публикации, Лермонтов, по словам того же Акима Шан-Гирея, «был взбешен». Осип же Сенковский, которому и в голову не могло прийти, что воспоминания о Лермонтове станут когда-то литературным жанром, уверял, будто не кто иной, как сам поэт настаивал на этой публикации. Белинский в 1842 г. написал, что «Хаджи Абрек» относится к числу тех произведений поэта, которые «драгоценны для читателей его таланта, ибо он и на них не мог не наложить печати своего духа, и в них нельзя не увидеть его мощного, крепкого таланта». По существующему апокрифу Пушкин, прочитав поэму, якобы сказал: «Далеко мальчик

пойдет». Зная о недоверчивости Лермонтова ко всему, что касалось его стихов («неподатлив на рассказы о своей особе», как говаривал о нем Юрьев), можно предположить, что с человеком, которому он показал свое творение, юнкер находился в достаточно близких отношениях.

Л. Назарова, автор едва ли не единственной серьезной работы об учителе Лермонтова, пишет: «В 1822 г. вступивший в исполнение должности попечителя С.-Петербургского учебного округа Д.П. Рунич подал министру духовных дел и народного просвещения князю А.Н. Голицыну записку, в которой указывал, что, «осмотря университет, нашел <...> что дух, в котором преподавались науки исторические и философские, подает повод к справедливому опасению, что самое малое только число осталось не зараженным разрушительными теориями, кои сильные пускают корни в уме и сердце юношества, и что о нравственности студентов не может также сделать выгодного отзыва». В заключение Рунич предложил «сделать разбор студентам по способностям и нравственности и вследствие того безнадежных уволить». При «разборе», осуществленном Руничем, из университета были исключены 5 преподавателей и 30 студентов, в том числе и В.Т. Плаксин, признанный «по знаниям и нравственности» неспособным «к учительскому званию». Неплохо для начала карьеры?

Однако не надо печалиться. Парадоксальным образом Плаксин послужил некоторое время канцеляристом в департаменте народного просвещения. А потом, одновременно с другими исключенными, был «прощен» и «с 1827 г. начал преподавать «российскую словесность» в военно-учебных заведениях столицы (Морской кадетский корпус, Артиллерийское училище и др.)». Добавим: и еще 40 с лишком лет в разных пансионах и в частных домах. В отставку вышел в чине статского советника.

Статья Назаровой «Лермонтов в Школе юнкеров» достойна быть воспроизведенной целиком. Делать этого мы не станем, но бегло перескажем главное. С 1829 г. Плаксин печатает в петербургских журналах рецензии и статьи, полемизирует с Белинским, утверждая, что в России «есть литература», которая «имеет свой характер, свое значение» и «стремится к развитию народности». В 1832 г. выходит составленный им «Краткий курс словесности, приспособленный к прозаическим сочинениям». Затем — еще целый ряд учебных пособий. Так что, несмотря на «репрессии», педагогическая и литературная стезя Плаксина ко времени появления Лермонтова в школе не заросла бурьяном, а, напротив, расцвела пышными куртинами.

В 1834 г., с пятилетним опозданием, в руки Вильгельма Кюхельбекера в шведской крепости Свеаборге попадает в руки журнал «Сын отечества» за 1829 год. Там внимание заключенного привлекает статья «Взгляд на состояние русской словесности», как пишет Кюхля в дневнике, «не без достоинства: в ней есть мысли новые, справедливые, резкие, но нет ничего целого, нет ничего удовлетворительного, много постороннего и много диковинок». Таков отзыв несчастного товарища Пушкина, вероятно, на первую публика-

цию В. Плаксына. Пушкину, которого он считал издателем повестей молодого писателя Ивана Белкина, кстати, Плаксин был представлен, и Пушкин посчитал его фамилию псевдонимом (собственная фамилия «нашего всего» пошла на псевдоним куда больше).

В 1833 г. выходит «Руководство к познанию истории литературы». Автор его — Плаксин. В 1834 г. издатель Адольф Плюшар затеял многотомный «Энциклопедический лексикон» под редакцией Н. Греча и О. Сенковского (который через год издаст поэму Лермонтова) — первую российскую энциклопедию с существенным количеством оригинальных статей русских авторов. Пушкин, правда, назвал затею «воровской» и отказался в ней участвовать, но поначалу Лексикон собрал 6000 подписчиков. А потом Пушкин, конечно же, оказался прав, и Плюшар к XVII тому обанкротился. Как бы то ни было, Плаксин оказался в компании участников издания. Лермонтов знал о научной деятельности своего наставника. Хотя личная библиотека Лермонтова не сохранилась, известно, что «Энциклопедический лексикон» Плюшара в ней присутствовал.

Но была одна проблема, которая мешала учителю признать себя «побежденным» гениальным учеником. Плаксин, по справедливому замечанию Л. Назаровой, являл образец «позднего последователя нормативных поэтик». Если вспомнить Мерзлякова, то нетрудно заметить, как везло Лермонтову на архивистов. В чем состояло свободомыслие, за которое его выдворили из университета, непонятно. Но гонения сделали консерватором не одного Плаксина. По заданию учителя Лермонтов написал сочинение «Панорама Москвы», где четко, словно завзятый отличник, следовал рекомендациям плаксинского «Краткого курса». Л. Назарова, изучив первоисточники, комментирует: «На л. 3 авторизованной копии «Панорамы Москвы» имеется помета, сделанная карандашом, возможно, рукою Плаксина. Против слов «грязная толпа» (во фразе «И что же? — рядом с этим великолепным, угрюмым зданием, прямо против его дверей, кипит грязная толпа, блещут ряды лавок, кричат разносчики») стоит: «Дурная картина». «Низких истин» академическая душа Плаксина не принимала. Но это не мешало Лермонтову конспектировать лекции, часто дословно совпадающие с учебником его преподавателя. В мемуарах Плаксин утверждает, будто правил ни много ни мало поэму «Демон»!

Как же оценивал учитель творчество своего ученика, когда в 1847 г. вышел двухтомник Лермонтова? Вот тут, пожалуй, открывается самая интересная страница их взаимоотношений. Л. Назарова пишет: «По-прежнему он считал «Думу» произведением, наиболее характерным для творчества Лермонтова в целом (тоска, насмешка над настоящим, презрение к нему, холодное равнодушие ко всему). «Тамбовскую казначейшу» Плаксин аттестовал как «неудачный сколок» с «Евгения Онегина». Отрицательно расценив образ Арбенина из «Маскарада», который «списан не с действительного мира», Плаксин вновь останавливался на «Герое нашего времени». Но теперь он находил, что в этом романе Лермонтов «в первый раз обнаружил это высокое стремление к искус-

ству, эту бескорыстную любовь к своему произведению». Отозвавшись с одобрением об образах Максима Максимыча и Печорина, Плаксин, однако, не смог понять и принять целого ряда художественных принципов романа, в том числе и композиционных его особенностей».

По всему выходит, что Плаксин, первым угадавший в Лермонтове крупного поэта, так и не полюбил его творений. Во всяком случае, не пошел, как и Плетнев, по извилистому пути лермонтовской музыки. Плаксин и Гоголя отчитал, заявив, что в «Вечерах на хуторе...» «нет истинно Малороссийской простоты, каковой требует содержание оных». Впрочем, многие оценки словесника не лишены справедливости: «Когда явилось в свет первое произведение Пушкина, в литературе нашей было тихо, спокойно; писателей было у нас немного, и оттого всякий значительный талант легко мог быть замечен; но Лермонтов вышел на литературную арену в самую шумную, кипучую эпоху, когда внимание общества было занято сосредоточением известнейших талантов в «Библиотеке для чтения» и недавним появлением вдруг нескольких сильных новых талантов: Гоголя, Кукольника, Бенедиктова и других, из которых некоторые хотя и изменили нашим надеждам, но в то время все они занимали наше внимание и обилием, и внутренним достоинством произведений. Таким образом, для Лермонтова труднее было обратить на себя внимание читающего общества, нежели для Пушкина».

Тянет, конечно, спросить: где ныне эти Кукольник и Бенедиктов, как и другие властители послепушкинских дум? Но лучше проследить мысль Плаксина до конца: «Пушкин явился в такое время, когда в школах и в журналах господствовали неизменные правила; когда от молодого поэта требовали, чтоб он начинал подражанием старым образцам, чтоб он не смел *умничать* и прокладывать себе новую дорогу; когда не было общественного мнения; когда и самые журналы спорили только о частных красотах, выражениях, а в смысле общих законов поэзии никто не сомневался и о силе их никто не смел спорить. Лермонтов выступил на поприще литературы тогда, как этот порядок дел был уже разрушен, когда начинало укореняться мнение, что все новое лучше старого... При этом возьмите во внимание и то, что Пушкин вносил в мир поэзии много основных начал самой поэзии, а Лермонтов вносил в литературу только свои личные особенности, отразившиеся на его произведениях, не касаясь коренных начал поэтического искусства».

Кажется, Плаксин понимает это: «...все произведения Лермонтова составляют развитие личной его думы», но тут же попадает в им же расставленные сети. И когда он пишет, что «страсти были господствующими двигателями Лермонтова; они вызвали его к поэтической деятельности и воспламеняли его воображение», то тем самым опровергает собственный посыл. Именно перенос страстной человеческой природы в поэзию, именно попытки преодоления бремени страстей («познания и сомнения») и есть вклад Лермонтова в «коренные начала поэтического искусства». Лермонтов до предела индивидуализировал чувства и переживания («И все, что чувствует, — он чувствует один»), и

русская поэзия в значительной степени пошла за ним, создав непревзойденные образцы медитативной лирики. Но Плаксину представляется, будто стихи Лермонтова выражают лишь «какую-то неопределенную тоску, скорбное соположение, едкую насмешку и презрение к настоящему, ко всему холодное равнодушие...»

Никто не обязан следовать за художником по пятам и следить за каждым его душевным движением. Большинство всегда немногочисленных читателей поэзии останавливаются на первом впечатлении, несут его через всю жизнь и недоумевают, почему поэт пишет «другое», не соответствующее этому впечатлению. И дело не в том, что «все новое лучше старого», а в том, что гений не подчиняется законам нашего восприятия и опережает нас на каждом временном изломе. И Василий Плаксин остановился на первом поразившем его произведении своего ученика и дальше «Хаджи Абрека» так и не двинулся. Да и «Абрека» в конце концов разделал под орех, поскольку и эта юношеская поэма уже не вписывалась в гармонический круг, очерченный хорошим педагогом, но ограниченным человеком. Однако мы благодарны словеснику. Ведь он, что называется, «первый сказал».

Впереди у Лермонтова всего 7 лет. У Плаксина — большая и насыщенная жизнь, педагогическая и литературная, разные учебные заведения столицы империи, в основном военные и полумоенные. Среди его студентов — и безусловных поклонников — в Инженерном училище будет значиться некто Федор Достоевский.

**Ибрагим ГУРКИН
Навел ФЕЛЬДМАН**

**МУСА АКЪЕГЕТ —
«ОТЕЦ ТАТАРСКОГО
РОМАНА»**

**К 150-летию
со дня рождения**

Выдающийся татарский писатель, «отец татарского романа», ученый-экономист мирового масштаба Муса Акъегетзаде (Муса Мухамеджанович Акжигитов) родился 3 декабря 1864 года в селе Мочалейка Чембарского уезда Пензенской губернии.

Детские годы будущий писатель провел в родном селе, где учился в мусульманской начальной школе — мектебе.

В годы учебы в Пензенской мужской гимназии он писал первый татарский реалистический роман «Хисаметдин менла», который был опубликован в 1886 году в г. Казани.

Окончив гимназию, Муса Акжигитов взял себе псевдоним Акъегет. Так величали в д. Мочалейке его деда Алтынбая, так по-уличному звалась его семья. Он подает заявление о приеме вначале в Московский университет, а затем в Казанский, но его туда не принимают. Он вынужден давать уроки в Пензе и Казани.

В эти годы среди татар распространяется мода на обучение в зарубежных учебных заведениях. Муса Акъегетзаде в 1888 году уезжает в Стамбул и поступает в школу высших чиновников «Мелкия мектебе». Успешно ее окончив, он работает преподавателем русского языка и экономики в высшей военной школе.

В 1896 году Муса Мухамеджанович женится на Хайрие, которая ему родила троих детей и стала верным помощником в его научной работе, редактором выпускаемых им газет.

Муса Акъегетзаде был автором книг по экономике, по которым учился с 1902 по 1905 годы будущий президент Турции Мустафа Кемаль Ататюрк.

Позже Муса Акъегетзаде служил чиновником в различных городах и областях Османской империи, участвуя в ее политической жизни.

Вместе с Юсуфом Акчурой создает партию «Терк дернәге», издает газеты «Мәтин» и «Өч кардәш», в которых публикует множество своих статей политического и экономического характера.

В Турции Муса Акъегетзаде ограничился переизданием романа «Хисаметдин менла» и переводом прозы М.Ю. Лермонтова на турецкий язык. В последние годы жизни Муса Акъегетзаде работал управляющим Стамбульской библиотекой Сулеймания. Умер Муса Акъегетзаде 24 сентября 1923 года в Стамбуле и похоронен на кладбище «Ченгелькой».

МУСА АКЪЕГЕТ

*Слова П.А. Фельдмана
Музыка К.А. Точилина*

Где реки Кевда и Чембар,
Есть у пензенских татар
Земной «алты авыл»ский рай,
Золотой татарский край.
Наш мочалейский Акъегет
Открыл татарам знаний свет,
Его романом «Хисаметдин менла»
Татарская зачитывается умма.
Он учебники писал,
Чтобы народ науки знал,
Был в экономике подкован,
Как Мухаммед завещал.
Татары Лермонтова знают,
Стихи его давно читают,
Заслуга в этом Акъегета —
Переводчика, поэта.
И мы горды, что наш Муса
В нашем крае родился,
Прославил пензенских татар,
Он — мировой культуры дар.

ХИСАМЕТДИН МЕНЛА

(национальный роман)

Перевод И.Х. Гуркина (в сокращении)

В Центральной части России на берегу Волги раскинулось небольшое татарское село, состоявшее из двухсот хозяйств. Не будем утруждать себя придумыванием наименований, а назовем его лишь кратко — буквой «Н». Некоторые дома были покрыты соломой, а другие — тесом. В селе имеются две мечети. Оно состоит лишь из одной длинной и широкой улицы, которая, делая изгиб в сторону кыйблы, ведет прямо к реке.

Жители села занимаются в основном земледелием. Хотя большинство из них уезжают на заработки в город, например в Астрахань, Казань и Ростов, и там стараются заняться торговлей. В селе Н., недалеко от центральной мечети, находится маленький домик. Хотя он и невелик, но покрыт тесом. Рядом с домом находятся сараи, амбар, которые говорят о хозяине как о расторопном, трудолюбивом человеке. В этом доме живет вдова муллы Зульхия со своим сыном Хисаметдином менлой. Покойный отец Хисаметдина менлы был указным муллой, но сын не избрал стезю отца.

За три года до описываемого события Хисаметдин менла вернулся из земли османов, то есть из Турции, в родное село Н. И сейчас он обучал детей во второй половине своего дома. Некоторые сельчане отдавали своих детей менле с удовольствием, ибо за два года он научил детей читать, писать и считать, а также основам веры. Но у менлы были и завистники. В первую очередь старый указный мулла Бикбулат Ахметшин люто возненавидел своего молодого собрата.

Хисаметдин хорошо знал арабскую грамматику, был сведущ в мусульманском праве, неплохо разбирался в исламской философии. Имамы из окрестных сел просто-напросто завидовали молодому учителю, ибо сами не были сведущи в тонкостях исламских наук.

Как мы уже писали, менла был очень трудолюбивым и расторопным человеком. Владая десятью десятинами земли, он привлекал сельчан к весенним и осенним полевым работам. Поэтому многие бедные люди благодаря ему не оставались в накладе.

Положив на стол «Тэфсир», стал расхаживать по комнате взад и вперед. Погруженный в свои думы Хисаметдин очень любил свой татарский народ. У него никогда не было чувства ненависти, и он был готов любить всех людей. Развернув газету, менла начал ее читать. Номер газеты был полугодовой давности. Но все в нем было так животрепещуще. На последней странице номера он прочел слова: «Я буду бедным, вы будете бедными, видя лишь одну нищету и постоянно перенося горе. Чтобы избежать тяжелого положения, невзгод и болезней, существует лишь одно средство — это стремление не жить бесцельно. Когда видишь кого-либо на смертном одре, в глазах появляются

слезы. Но получает ли душа от этого успокоение? Видя, как кто-либо страдает, сокрушаемся! А ведь наша душа не раз, не пять, а тысячи и тысячи раз подвергается бедам и невзгодам. Два из больших и беспощадных зол — невежество и беспомощность — незаметно омертвляют нашу душу, лишив ее внутреннего стержня. Потому, не зная выхода, мы впадаем в грех».

II

После пятничной молитвы Хисаметдин менла запряг лошадь в сани и отправился в город за покупками. От села Н до губернского города было два-три часа езды, но проезжая дорога была отвратительной: еще не осевшая земля была чуть прикрыта снегом.

При подъеме в гору сани менлы обогнала бричка, запряженная парой лошадей.

— Кто там впереди? — спросил молодой господин, сидевший в телеге, у своего возницы.

— Это тот самый Хисаметдин менла, о котором я вам давеча говорил как о самом образованном человеке. Он учился в Стамбуле. Нашим имамам и рта не дает раскрыть.

Молодой господин давно желал познакомиться с этим человеком. Он слышал о Хисаметдине менле невероятные вещи...

С этой целью модой господин начал разговор с традиционного вопроса:

— Эфенди, сколько верст будет отсюда до города?

— Верст двенадцать — пятнадцать будет.

— Дорога никудашная. Откуда вы будете родом, эфенди? — спросил молодой господин.

— Из села Н. Вы правильно сделали, эфенди, что едете на телеге. Я промашку дал: санный путь слишком тяжелый.

— Если бы не государственные дела, я бы ни за что не выехал в дорогу в эту пору.

— Какие же у вас государственные дела, эфенди? — спросил менла.

— Гимназические. Наш долг и предписание такие, что вовремя нужно прибыть.

Увлечшись разговорами, молодые люди укоротили свой путь до города. Из этого разговора выяснилось, что молодой господин оказался учеником гимназии. Менла обещал гимназисту навестить его в городе...

Он остановился на постоялом дворе. Этот постоялый двор содержал купец Габбас-эфенди Биктимеров.

Постоялый двор был большим и просторным. Если плата здесь и была чуть выше, зато и обслуживание было четким, предназначенным для людей с достатком. Когда менла распрягал лошадь под навесом, показалась красивая девушка, шедшая из сада в дом.

Девушка была среднего роста, на голову была надета хорошая шапочка, изготовленная в Казани. Синий шерстяной камзол обтягивал её тонкий, гибкий стан. На шее была шелковая нить, на которую было нанизано множество серебряных монеток. Когда она семеняла мелкими шажками, раздавался их переливчатый звук. На ногах мягкие ичиги с башмаками. Волосы, глаза, брови отдавали черным блеском. Румяное лицо девушки излучало утренний свет. Менла впился глазами в красавицу. Отныне облик этой красивой девушки постоянно сопровождал юношу.

Девушка, носившая красивое имя Ханифа, была дочерью хозяина постоялого двора... Приближаясь к дому, посмотрев в сторону сарая, вдруг увидела менлу, от смущения засмеялась, показав свои белые бисерные зубы.

Затем менла вышел в город, закупив необходимое для дома и покончив с другими делами, вернулся в постоянный двор.

Рядом с комнатой для гостей находилась маленькая, отгороженная толстыми досками комната... Во время входа менлы в дом Ханифа туташ сидела в этой комнатке за вязанием.

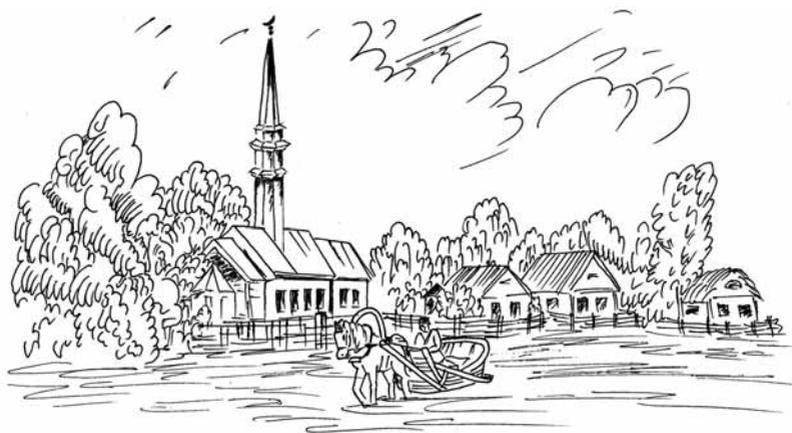
Заслышав его шаги, она оставила свою работу, взяла со стола маленький ножичек, прорезала щель между досками в комнату для гостей.

Она посмотрела в щель и увидела менлу.

III

Дорогие мои читатели, а сейчас вновь вернемся в село Н.

На окраине села находилось добротное хозяйство. Двухэтажный дом, сложенный из камня, был покрыт железом. Этот дом принадлежал Гали-баю Джаватову. Гали-бай считался в губернии крупным и знатным купцом. В городе он был хозяином склада с лесом, в селе Н владел фабрикой по обработке шерсти. Своими делами он был связан с фабрикантами и торговым людом Москвы.

На селе не было человека влиятельнее, чем Гали-бай. Его слово было законом: что он сказал, то и будет. За версту приветствовали его. После нашего пребывания в постоялом дворе у Габбаса-ага вернемся в село Н.

Наступило время ужина. В самый разгар ужина бая с семьей в дом вошел Бикбулат-мулла.

— Проходите, хазрят, проходите. Как раз к чаю подоспели, с пожеланием добра, — промолвил Гали-бай.

— Пришел я по делу. Не разменяете ли двадцать пять рублей?

— Сейчас разменяю. Только свой чай допью.

— А тебя, Сибгатулла, надо женить, — между делом обратился мулла к сыну Гали-бая. — От службы освободился, богатства немерено, а родители уже пожилые.

— Найди невесту, — ответил Сибгатулла.

— Сельская вам ведь не угодит, вам городская нужна.

— В городе очень хвалят дочку Габбаса-ага, — вступил в разговор один из приказчиков Гали-бая, — образованна, умна, красива, рукодельница.

— Девушку многие хвалят, — ответил Гали-бай.

— Вам ее выдадут безо всяких разговоров. Иметь такого богатого зятя — это ли не высшее счастье? — промолвил Бикбулат-мулла.

После слов о женитьбе разговор перешел к сельским сплетням. Сказать о Бикбулате-мудле, что он не учен, было бы неправдой. Сказать, что он галим, было бы неверно, ибо галим избегает всяких сплетен.

Гали-бай и сам хотел унижить Хисаметдина менлу...

Хисаметдин менла не пресмыкался перед баем и не возвеличивал его, как это делали другие священнослужители.

IV

В зимние дни описываемые нами в повести события никак не изменились. Всё шло своим чередом.

Ханифа туташ проводила время за шитьем или за чтением. Кроме обучения сельских ребятишек, Хисаметдин менла, засучив рукава, обмолачивал рожь или овес и продавал его. Одним словом, он не мыслил себя без работы, ибо этот человек знал, что труд так же, как и намаз и ураза, обязателен для мусульманина и облагораживает его.

Прошла зима. Наступила весна. Образ жизни Хисаметдина менлы стал потихоньку меняться. По сравнению с зимой сейчас он горел желанием съездить в город. Наверное, причиной этого являлось страстное желание менлы встретиться с Ханифой. В конце концов, и для Ханифы туташ встреча с менлой была по сердцу.

Именно в этот приезд Хисаметдину улыбнулись удача и счастье. В окно он увидел, как красавица Ханифа причесывалась и прихорашивалась, чтобы идти на рынок. Чуть погодя, тайком, никому не говоря ни слова, он вышел из постоянного двора и, пройдя два-три дома, догнал Ханифу туташ.

Оглядываясь на проходившего мимо молодого человека, девушка улыбнулась нежной улыбкой, показав белоснежные бисерные зубы. И менла, радуясь от чистого сердца, ответил девушке влюбленной улыбкой.

Чуть пройдя, девушка зашла в лавку. По городскому тротуару шло множество людей по своим делам. Менла, пройдя недалеко от магазина, остановился. Удивительно, что прежде менла, даже увидев проходившую девушку, радовался от всего сердца, а сейчас этого для него было явно недостаточно. Намерение возросло. В конце улицы, увидев выходящую из лавки девушку, менла пошел ей прямо навстречу, медленно проговорил:

— Ханифа ханум, утром на рассвете в саду, у двадцать пятого столба от сарая, найдете под камнем удивительную вещь. Ради Аллаха, прошу вас, возьмите её и посмотрите. Ханифа туташ, ничего не ответив, пошла домой. Хисаметдин менла направился к Абузару беку.

Встретившийся нам в пути Абузар Девлетгильдеев — молодой человек семнадцати лет, с нежным, бледным, красивым лицом и стройной фигурой. Он учился в седьмом классе гимназии. В одном из домов русских хозяев снимал двухкомнатную квартиру. Двое друзей по обычаю приветствовали друг друга и после недолгих расспросов о житье-бытье перешли к обсуждению вопросов, которые то и дело вертели в голове у Абузара бека:

— Менла, твоя вера и убежденность непоколебимы, — начал Абузар бек разговор, — ты прямо говоришь: ислам — самая благородная, самая великая религия. Я в этом тоже убежден, но некоторые европейские писатели, касаясь ислама, находят недостатки. Почему же они не понимают ислам? Скажи мне, пожалуйста.

— А какие недостатки находят? — спросил менла.

— Вот, например, они утверждают, что ислам, ненавидя женский род, ущемляет его. Немногие женщины-мусульманки умеют читать-писать.

— Болтуны твои европейцы. Исламский шариат никоим образом не ущемляет права женщин. Наш великий пророк сказал, что приобретение знаний обязательно для каждого мусульманина и мусульманки. Если наши женщины невежественны, в этом мы виноваты сами, а не ислам, — разъяснил Хисаметдин. — Насчет ислама у европейцев много заблуждений.

Второй пример: по мысли европейцев, ислам способствует безработице и лени. И поэтому, к примеру, у европейцев бытует мнение, что лучше чем у англичан ни торговля, ни ремесла у других народов не развиты и, следовательно, мусульманское хозяйство и ремесла находятся на низком уровне. А причиной нашего отставания от англичан является наша собственная вина, но никоим образом не шариат. Необходимо следовать по пути шариата, тогда мы будем намного впереди англичан. Шариат осуждает воровство и другие неблагоприятные пути, а здоровая и благоразумная торговля им только приветствуется. Об этом еще наш великий пророк говорил (...).

— И каково же значение этого хадиса? — спросил Абузар бек.

— Кто, уставши после праведного трудового дня, проведет вечер в молитве, тот обязательно попадет в рай. Аллах доволен этим человеком, — разъярил Хисаметдин смысл хадиса и добавил: — По хадису выходит, что труд благороднее и полезнее остальных поступков.

— Из истории знаем о роли ислама в прославлении усердия и трудолюбия, — вставил Абузар бек. — Например, кочевники, находившиеся на уровне животных, с принятием ислама совершенно изменились. Живя в исламе, они увеличили свои знания и усердие, во времена халифов создали такое государство, равных которому не было: от азиатской реки Инд арабы дошли до Пиренеев. А какие умы вышли на свет благодаря исламу! Короче говоря, на основе ислама арабы создали государство и культуру.

— Думаю, причиной упадка великих арабских земель явилось несоблюдение арабскими халифами правил ислама. Если бы халифы жили по правилам шариата, их государство существовало бы и сейчас, — ответил Хисаметдин менла. После этих слов он посмотрел на часы. «Время уже позднее. Надо написать письмо». Время поджимало.

Взяв перо и бумагу, Хисаметдин вошел в другую комнату и написал такое письмо: « Милая моя Ханифа ханум!

Всем существом я хотел увидеть твой светлый лик. Много времени я держал в уме твой красивый образ. Сколько ночей он мне снился. Прежние думы о тебе считал пустыми, старался выбросить из головы твой красивый образ, но это старание оказалось обманчивым. Сердце мое, в уме только ты. Нет уже больше сил сдерживать себя. Милая моя, только твоя любовь — средство для моего счастья. Если не отвергнешь мою любовь, я буду самым счастливым человеком на белом свете, а если отвергнешь, для меня это будет большим несчастьем. Останется только одно: просить у Всевышнего терпения, чтобы перенести эту боль. Только от тебя все зависит, сердце мое! Ответишь ли на мою любовь своей любовью? Если это письмо не сочтешь оскорбительным, пожелаешь написать несколько слов в ответ, положи завтра к десяти часам под тем же камнем. Остаюсь всем существом влюбленный Хисаметдин».

Положив письмо в конверт и попрощавшись с Абузаром, менла вернулся на постоянный двор. Перед вечерним намазом менла с кумганом в руке вышел совершить омовение. До совершения этого обряда он насчитал двадцать четыре столба от сарая и положил письмо у двадцать пятого, закрыв его камнем, чтобы не унес ветер.

На второй день Хисаметдин вышел в сад и увидел, что письма на положенном месте не было. Менла был вне себя от радости. Ханифа туташ взяла письмо. Посмотрим, будет ли ответ? Ожидание срока ответа показалось ему целой вечностью.

Не оповестив никого, Хисаметдин менла вышел в сад. Дрожа от озноба, поднял камень и взял письмо. Взятое письмо не было похоже на написанное им.

Войдя в дом, открыл письмо и прочитал следующее:

«Уважаемый Хисаметдин хазрят!

Из вашего письма видно, что вы признаетесь в любви. Думаю, что в неё невозможно поверить. Ведь настоящая любовь не будет сильной лишь благодаря внешности. Вам понравилась моя внешность. Может быть, изнутри я злодейка? Может быть, безнравственная. Сильная любовь между нами наступит тогда, когда мы достаточно хорошо узнаем мысли и характер друг друга. Как бы я из ваших высказываний ни осознавала вашу любовь к исламу, ваши верные мысли, уверена, вы влюбились в мою внешность. В такую любовь нельзя верить. Поэтому, не узнав хорошо друг друга, не поняв наши характеры, я не могу отважиться дать утвердительный ответ. Ваша знакомая Ханифа».

Прочитав письмо, менла погрузился в раздумья. Как явствовало из письма, девушка не против любви. Это немного успокоило менлу и усилило его чувство. Ведь Ханифа ханум ответила на письмо менлы и поверила в его любовь. Она написала ответ так обтекаемо, что оставила надежду и место для повторного письма...

Менла вновь положил у двадцать пятого столба под камнем повторное письмо. Поблагодарив Ханифу за ответ, он вновь рассыпался словами признания в любви и между тем намекнул, чтобы Ханифа была готова к неожиданной встрече.

Через день после письма Ханифа туташ сидела в своей светелке у окна за вышиванием. Со стороны улицы к окну подошел венгр, торговавший всякой мелочью. На голове венгра была большая черная шляпа. Одет он был в черный сюртук. Обращаясь к Ханифе туташ на ломаном русском языке, предлагал ей иголки, носовые платки и пуговицы. Ханифе почудился, что где-то она слышала этот голос, напоминавший голос Хисаметдина. Но борода и усы были не такие, как у него.

Ханифа туташ высунула голову из окна, и тут переодетый венгр вкрадчиво начал говорить по-татарски: «Милая Ханифа ханум, мое сердце желает говорить с тобой с глазу на глаз».

Итак, дорогие мои читатели, этот переодетый венгр был не кто иной, как Хисаметдин. Перевоплотиться заставила его страстная любовь. После этого переодетый торговец молвил: «Милая, подойди поближе, мне надо сказать тебе несколько слов». Двое молодых людей приблизились друг к другу. Наш торговец, развязав тесемку, будто показывая разные мелочи, стал шептать ей на ухо нежные слова любви. Между словами признания Хисаметдин сказал: «Милая Ханифа, не за одну красоту я полюбил тебя, а за твой ум и добрый нрав».

— А откуда же ты узнал про мой добрый нрав? — тихим, нежным голосом спросила девушка.

— Правдивые люди говорят. У человека, с детства любящего чтение и знания, не может быть худых мыслей и недоброго нрава. Подойди поближе, сердце мое, и ответь: любишь ли меня?

— Да, — вышло у Ханифы. Эти слова привели Хисаметдина, переодетого венгром, в радостный трепет. После этого переодетый венгр вытащил из мешочка какую-то вещь.

— Эту вещь я дарю тебе на память, — сказал Хисаметдин и протянул Ханифе золотое кольцо.

— Как блестит твое кольцо! — восхитилась девушка.

— Как твой лик. Надень, посмотрим. — Туташ со смехом надела его.

— Смотри, прямо в самый раз, будто кто-то снимал мерку с пальца.

— Нравится? Очень хорошо, — сказал переодетый венгр.

— Очень нравится. Я его спрячу, а когда никого не будет, вытащу и буду вспоминать тебя.

В это время открылась дверь в светелку Ханифы, и на пороге появилась ее мать.

Переодетый венгр пошёл своей дорогой.

VI

Ясным весенним днем к Габбасу-ага пожаловал сам Бикбулат-мулла с супругой. По этому случаю в доме Габбаса-эфенди начался настоящий переполох. Жена Габбаса, Шамсикамар-абыстай, знала о приезде мутлы и ожидала его. В народе уже шел слух о желании засватать Ханифу за сына Гали-бая Сибгатуллу и что Бикбулат-мулла выступает в качестве свата. Увидев сватов, Шамсикамар-абыстай очень обрадовалась. Как было не радоваться, когда приехали сватать дочь за такого богача! Ведь таких, как Гали-бай Джаватов, во всей губернии раз-два и обчелся.

Радостью светились лица всех домашних. Лишь одна Ханифа сидела в своей светелке в глубокой печали...

VII

Как Ханифу ни уговаривали, она наотрез отказалась выйти за сына Гали-бая Сибгатуллу. В пятидесяти километрах от города находилось село, где жил ишан, который изготавливал и приворотные зелья и занимался гаданием. Ему и заказали разные приворотные снадобья. Сначала он дал отворотное зелье, чтобы остудить страсть девушки к Хисаметдину, а затем и приворотное — возбудить ее чувство к Сибгатулле. Поэтому этот ишан целую неделю гостил в доме Габбаса-эфенди и тайком подмешивал зелье в пищу и питье Ханифы.

— Не волнуйтесь, я свое дело сделал, — сказал он, отъезжая, и был щедро вознагражден хозяевами и материей, и деньгами...

Хотя в наши дни отвороты-привороты — пустое занятие, но шарлатанство было и будет во все времена, и умный человек таких людей везде и всегда распознает.

VIII

...Был теплый августовский день. В селе поднялся большой переполох. С нижнего конца села мчались, как ветер, десять телег, запряженные тройками.

— Байская свадьба, байская свадьба началась! — то и дело раздавались крики. Люди выходили из домов словно пчелы из ульев. Свадебный кортеж кружился по улице. Улицы окутал ружейный дым. Пальба, будто где-то поблизости разгорелся бой. В передней коляске, где щелкает множество ружей, сидят сам жених Сибгатулла-эфенди и его дружка. Лошади несутся подобно молнии. Под колеса попала собака, переходившая улицу, и ее так задавили, что в пыли лежали распотрошенные внутренности бедного животного. Пальбой из ружей Сибгатулла задумал было доказать Хисаметдину менле свою победу. Но Хисаметдина не оказалось дома, и он не смог увидеть пиррову победу новоиспеченного жениха.

Вне себя от радости Сибгатулла устроил поистине царский свадебный пир. Как же ему не радоваться! Достиг желанной цели: ведь сегодня он берет замуж Ханифу! От медовой бузы лица сопровождавших жениха друзей зарделись и стали пунцовыми. Но более всех багровел сам жених.

Было четыре часа дня. Солнце направило свои лучи на пестреющие поля. Все было сердцу мило: поля со зрелым овсом, гречихой и просом переливались то желтым, то красноватым и белым цветом. Красота полей еще более радовала сердца гулявших.

Лишь только свадебный кортеж удалился от села Н на пять верст, неожиданно с противоположной стороны его обогнал верховой. Молодой человек, ставший причиной остановки кортежа, подъехал к коляске Гали-бая и стал разговаривать с ним. Слово за слово — окружавшие увидели обиженное лицо бая...

— Надо же, я понес такие затраты, объявил о свадьбе, а они, видите ли, дочь потеряли. Что за вздор! — выговаривал Гали-бай Бикбулату-мулле. На эти слова бая Бикбулат, все ниже и ниже опустив голову, ничего не смог возразить.

IX

Ханифа туташ провела субботний вечер в тревоге... Несколько раз выходила из дома в сад, к условленному столбу. Положенное письмо ее к Хисаметдину не тронуто, и это еще больше опечалило её.

— Не пришел, не пришел. Вот и моя погибель грядет, — призадумалась девушка. После долгих раздумий Ханифу осенила мысль, и она надела на себя первую попавшуюся ей на глаза одежду, выпрыгнула через окно на улицу. Это был побег молодой девушки из дома. Была темная ночь. Город спал глубоким сном. Кроме свистка сторожевого, ей ничего не послышалось. Лишь горевшие на улице фонари дали сердцу Ханифы небольшое успокоение. Чуть согнувшись, она шла по тротуару. Как видим, вынужденный побег молодой девушки из родительского дома значил ее отказ от предстоящего никаха. А куда, к кому идти?

— Что будет, то будет. Пойду, расскажу о своей беде Гайниджамаль-абыстай. Она умная женщина. Все поймет, — подумала про себя Ханифа и прямоком направилась к дому Зурколаковых.

— Абыстай, слёзно молю, укрой меня у себя до приезда Хисаметдина менлы в город.

— Ай, Всемогущий, Всемилостивый Аллах! Доченька, надо оповестить твоих родителей. Нет-нет, вернись домой, — промолвила Гайниджамаль-абыстай и добавила:

— Что же это творится, о Всевышний! До чего испортилась молодежь!

После этих слов из глаз Ханифы слезы полились градом, и плач перешёл в рыдания.

— Абыстай, если ты меня не укроешь, знай, я наложу на себя руки. Помоги, спаси мою жизнь!

Только после этих слов абыстай согласилась оставить девушку у себя дома на несколько дней и сурово ответила:

— Смотри, доченька, через три дня иди, куда хочешь, так дело не пойдёт.

Ханифа поблагодарила абыстай и поселилась в комнате Гайниджамаль.

Х

Добравшись до города, Гали-бай и Бикбулат-мулла напрямик отправились к Габбасу-ага. В селе Н. между тем распространялись всякие нелепые слухи насчет свадьбы.

В доме Габбаса-ага началась ожесточенная перебранка, напоминавшая турецкую войну.

Ссора Гали-бая с Габбасом-ага достигла такой степени, что они наговорили друг другу много непристойных слов.

Но, дорогие мои читатели, оставим наших старых знакомых в покое. Обратимся к делам Хисаметдина менлы.

За две недели до свадьбы в чистом городском трактире, в отдельной комнате, скрытой от посторонних глаз, за чашкой чая сидели трое друзей: Хисаметдин, Абузар бек и Гайса Зурколаков. Беседу начал разгоряченный Зурколаков:

— Друзья, все рассуждаете — польза нации, польза нации. Одними словами не обойдешься, дела нужны, ветрогоны.

— Ни дня без пользы не живу, служу народу, обучая детей, — с усмешкой проговорил Хисаметдин.

— Об этом не говори. Человек, любящий нацию, не обойдется лишь одним обучением детей. Нужны дела весомее, — сказал Зурколаков, словно отрезал.

— Твои речи будто острый нож. С тобой никто не может говорить, — возразил Хисаметдин.

— Терпение, друзья, терпение, — вмешался в разговор Абузар бек. — Самое неотложное для нас сейчас — разбудить татар от спячки знанием из науч-

ных книг. Ведь большая часть общества полна невежества. Собрать научные книги и раздать их шакирдам.

— Вот это другое дело, стоящее, — ответил Зурколаков.

После долгих разговоров об этом предприятии трое друзей пришли к решению: идти с подписной тетрадью ко всем мусульманам города, собрать деньги и отправить их в типографию Крыма, чтобы получить оттуда научные книги для раздачи шакирдам. Зурколаков и Абузар бек вложили еще и собственные деньги. Мусульмане, любившие знания, с радостью отдавали деньги. Но находились и такие, которые выговаривали: «Пустым делом занимаетесь. Зачем нам науки?» — и ни копейки не дали на это предприятие.

Друзья написали письмо. С письмом отправили собранные деньги, к которым добавили и свои.

Прошло более десяти дней. По почте пришли и заказанные книги. Юноши, обуреваемые страстью просветительства, поручили раздачу книг в окрестных селах Хисаметдину менле. Хисаметдин с книгами отправился в окрестные села и деревни. А в это время начались свадебные приключения. Хисаметдину невозможно было услышать о свадьбе. Менла ходил из села в село, раздавая книги сородичам-мусульманам.

Днем позже после свадебных злоключений он вернулся в родное село Н...

Услышав много невразумительного о Ханифе, он, сколько ни упрасивал мать, не мог добраться до сути происходящего. В городе весь день провел в суете, в расспросах, а вечером решил отправиться к Зурколаковым, к Гайниджамал абыстай.

Гайса Зурколаков, встретив менлу, расспросил про раздачу книг:

— Отчего так долго ходил?

— Как долго? По-моему, я быстро вернулся.

— А я б вернулся быстрее тебя, — возразил Зурколаков.

— Гайса, сегодня ты кажешься чересчур веселым. Разговорчивость — признак веселья.

— Я сегодня весел, зато ты печален. Опустить голову до земли — признак печали. Какая же польза от твоей печали? А веселое настроение всегда подмога и делам, и телу, и душе.

— То-то много говоришь, что в твоём сердце лед растаял.

— Замерь мое сердце, сколько в нем мускулов радости? — рассмеялся Зурколаков.

— Что значит твой смех?

— Эх, пойми же ты, менла,

Наши дивные дела:

Мать хитрит, как лиса,

Словно я только родился.

Вот что творится у нас дома.

— Какая такая еще хитрость? — с недоумением спросил менла.

— Великая хитрость. Представь: к моей матери прошлой ночью приехала гостя. Я спросил: «Матушка, кто это у тебя?» Она сначала ничего не сказала, а затем недовольно добавила: «Кто б ни был, не тебе вмешиваться в женские дела». Посмотреть на гостью в свою комнату не пускает, от родного сына прячет...

Глубоко опечаленный Хисаметдин, раскрыв зонт, возвращался к Абузарбеку. За его спиной послышались быстрые шаги. Обернувшись, менла обомлел. То было удивление от радости. Его возлюбленная Ханифа туташ бежала за ним следом! Двое влюбленных обнялись. Прежняя печаль обернулась радостью. Даже усилившийся дождь сочувствовал их радости.

— Ты ли это, джаным? Не обманываюсь ли я? — то и дело вопрошал Хисаметдин.

— Скорее, куда бы ты ни ехал, увези меня с собой. Как бы ни началась погоня,— полупшепотом промолвила туташ. (...)

Прошло чуть более получаса. Хисаметдин менла на своем скакуне вместе с возлюбленной отправился в Н...

XII

Через неделю в селе Н. в доме Хисаметдина менлы состоялась свадьба.

На этой свадьбе вместе с родственниками невесты присутствовали и друзья Хисаметдина. Наш знакомый мулла Бикбулат был вынужден читать никах. Наши возлюбленные прожили в селе Н. в любви и согласии несколько лет.

Прошло два года. Хисаметдин, продав свое хозяйство, вместе с семьей переехал на Кавказ, в Тифлис...

Надежда ГАВРИЛЕНКО

**ПИСЬМА
ТИХОНА
СЁМУШКИНА**

Пензенским литераторам и краоведам не нужно объяснять, кто такой Тихон Захарович Сёмушкин. «Романтик Севера из сурской глубинки» — так называем этого писателя мы, его земляки-лунинцы.

Рассказывая детям о жизни нашего земляка, его творческом пути, я невольно сталкивалась с проблемой отсутствия материалов, которые могут характеризовать его как человека. Только общие и всем известные данные. Однако два года назад мне посчастливилось познакомиться с дальней родственницей Тихона Захаровича — Кирьяковой Натальей Юрьевной, которая в течение 5 лет хранила архив писателя, доставшийся ей после смерти её тётки, жены Сёмушкина Валентины Васильевны. Наталья Юрьевна согласилась передать этот архив на родину писателя. Таким образом, музей Лунинского центра детского творчества стал обладать ценным материалом: рукописями, письмами, поздравительными телеграммами, записными книжками — всем тем, что составляло большую часть творческой и личной жизни писателя.

Когда знакомишься с этими материалами, становишься свидетелем той эпохи. В архиве Тихона Захаровича — письма от друзей, родственников, коллег по писательскому ремеслу. Письма, в которых к нему обращаются за помощью в получении квартиры, рекомендации для издателей. Каждый такой документ добавляет новые штрихи к портрету нашего земляка, человек открывается с разных сторон: как литературный критик, хороший и верный друг, заботливый отец.

В журнале «Сура» уже печатались главы из неизданного романа «Не той стороной», где писатель уходит от традиционной для него темы Севера. Сегодня читателям предоставляется возможность познакомиться с Сёмушкиным — общественным деятелем, человеком решительным, имевшим свой взгляд на окружающую действи-

тельность и выступавшим против существующих недостатков в литературе и партийной организации. Комментировать данные письма вряд ли необходимо: это свидетельства времени, добавляющие новые штрихи к портрету нашего земляка.

В Президиум ЦК КПСС от писателя Сёмушкина Т.З.

На протяжении нескольких лет я терпеливо ждал от руководства Союза писателей изменения отношения к себе — несправедливого, оскорбительного и незаслуженного.

И теперь, утратив веру в это, я решил обратиться в Центральный Комитет с целью защитить свою честь гражданина и коммуниста. Тем более, что это не только моё личное дело, но и партийное, но и общественное, но и государственное.

Поэтому заранее прошу меня извинить за излишнюю подробность и некоторую нескромность в части приложения материалов, характеризующих мою писательскую деятельность. Повторяю, что только крайние обстоятельства, желание снять «тень», которую кто-то систематически и безосновательно на меня набрасывает, вынуждают меня так поступать.

В 1949 году, во время приезда в Москву Марселя Кашена, при встрече с ним в Союзе писателей, он тепло отозвался о моей книге «Алитет уходит в горы» и пригласил меня во Францию встретиться с моими читателями. Я заполнил «выездное дело», но поездка моя не состоялась. Я понял, что мне не дали «выездного дела». Одного я не понял: почему?

У меня совершенно чистая биография трудового человека из трудовой семьи. Мой отец с 1930 года двадцать лет честно работал до самой смерти столяром в колхозе. Я никогда и ни в чём неблагоприятном и недостойном советского гражданина и коммуниста не был замечен. Моё политическое лицо безупречно.

Несмотря на всю очевидность всего этого, «тень на плетень» поплелась за мной со змеиным шипеньем: «О, у Сёмушкина что-то есть. Ему даже выездное дело не дают».

А что есть, никто ничего не говорит, потому что сказать нечего. Нельзя же делать меня ответственным за бытовое преступление моего младшего брата, с которым я расстался в 1917 году, оставив его в деревне, о чём я пишу в своих анкетах. Но это не может быть причиной. И вот это мифическое «что-то» повисло надо мной. Из всяких списков намечаемых кандидатур меня осторожно стали вычёркивать и устранять. Тем более после моего выступления на XIII пленуме Союза советских писателей с резкой критикой деятельности Симонова, последний, являясь одним из руководителей Союза, стал просто сводить со мной счёты.

Между тем ко мне хорошее отношение во многих зарубежных странах (я прилагаю материалы). Меня знают там по моим, не без гордости могу сказать,

Т.З. Сёмушкин

Во всех таких случаях я благодарю за приглашение, делаю вид, что я чрезвычайно занятой человек, и никуда не еду.

Несколько месяцев тому назад в Швеции вышла, по сообщению ВОКСа, моя книга колоссальным тиражом. В связи с этим попросили моего согласия на включение меня в состав шведской делегации. Я опять заполнил выездное дело, и мне сообщили, что всё в порядке. Но одновременно ВОКС должен получить разрешение от Союза писателей. «К кому можно позвонить о Вас?» — спросили меня. «В секретариат», — ответил я, зная, что там Симонов и его оруженосец Ажаев. И неудивительно, что через некоторое время мне позвонили из ВОКСа и сказали: «Извините, оказывается, требуется другой специалист в Швецию». Какая предельная наивность!

На днях из иностранной комиссии Союза писателей раздался телефонный звонок: меня приглашают поехать в Китай. Работники аппарата, руководствуясь деловыми соображениями, сказали мне, что в Китае меня знают и поэтому они считают целесообразным послать именно меня. Я и сам знал, что в Китае у меня вышло пять изданий моих книг с лучшими отзывами. Я дал согласие на поездку. Но секретариат Союза под предводительством Симонова, оказывается, отклонил мою кандидатуру.

До какой же поры так систематически, так планомерно и так издевательски относиться к писателю, книги которого получили такой резонанс за рубежом, не говоря уж о своей стране?

Я много потратил труда и времени, чтобы создать действительно патристические книги, которые поднимали бы престиж Советской страны, и, судя по отзывам, я достиг в этом отношении некоторого успеха. Мне не понятно,

весьма патристическим книгам, в которых я рассказывал о советской власти, о партии, о нашей национальной политике. В них есть идея и некоторые литературные достоинства.

Может быть, в силу этого обстоятельства меня неоднократно приглашали и приглашают к зарубежным читателям. Так, например, ещё в 1950 году ко мне обратился главный редактор финской газеты «Кайсу-мирьями» Рюдберг с письмом: «...Наши читатели глубоко восхищаются Вашей книгой, и Вы, таким образом, имеете десятки тысяч друзей в нашей стране. Мы надеемся, что Вы когда-нибудь найдёте время приехать и в нашу страну и познакомиться с Вашими финскими друзьями...»

почему же меня должны так «шпынять» в моей стране? Я теряюсь в догадках, в чём же тут дело? Это же безумно несправедливо. Просто диву даёшься. Нет ли тут умеренного ослабления нашего влияния?

Я иногда думаю: а ведь это, наверное, происходит не только со мной. Шептуны и интриганы могут напускать «тень на плетень» на любого честного человека под самыми благовидными предлогами. Тогда это уже порочное явление, на которое следует обратить внимание, ибо для нашего общества, для государства всё это несёт не пользу, а вред. Примером этому может служить моя история, когда из писателя, действительно патриота своей Родины, делают черт знает что.

Я обращаюсь в Центральный Комитет, как член партии, и прошу обратить на это внимание.

6 сентября 1956 г. (Т.З. Сёмушкин)

Приложение:

1. Список изданий за рубежом романа «Алитет уходит в горы».
2. Список изданий за рубежом повести «Чукотка».
3. Вырезки из публикаций зарубежных газет о романе «Алитет уходит в горы».
4. Выдержки из публикаций зарубежных газет о книге «Чукотка».
5. Отзывы иностранной периодики на март 1954 г. Всесоюзной государственной библиотеки иностранной литературы.
6. Отзывы (самые краткие выдержки из писем иностранных читателей).

МГК КПСС

Товарищу Е.А. Фурцевой

Уважаемая Екатерина Алексеевна!

После партийного собрания в Союзе писателей с докладом т. Суркова о XX съезде КПСС я много думал о нашей писательской организации и решил поделиться с Вами некоторыми мыслями.

Начну с того, что во время второго съезда писателей была выдвинута так называемая идея консолидации сил. В принципе это очень хорошая идея, а на практике приобрела уродливые формы. Ещё на съезде эта консолидация определилась как однобокая, односторонняя, чему в значительной степени способствовал тогдашний представитель ЦК т. Румянцев. Потом во главе угла однобокой консолидации оказались, как видно это из всего хода дальнейших событий, не общие литературные цели и задачи, а групповые. Эта консолидировавшаяся группа, в силу известных обстоятельств, по разным признакам, вовлекла в свою орбиту большинство как списочного состава членов Союза писателей московской организации, так и парторганизации.

Таким образом, это «большинство», образцово-спаянное, единодушное в своём стремлении, подчинённое своей внутренней дисциплине, по сути дела, поставило своей целью всеми способами устранить, смять, втоптать в грязь большую часть известных писателей; лишить их участия в общественной жизни; создать вокруг них недоброе общественное мнение; сбить у них творческое настроение, применяя экономические санкции через издательские каналы, в которых влияние этой группы очень возросло; устранить от участия в печатных органах; часть писателей изолировать, часть замолчать, часть заулюлюкать.

Поразительно, с какой энергией и организованностью, систематически и планомерно ведётся, например, травля Н. Грибачёва и А. Софронова, как литераторов, продолжающих активно выступать в печати, и как общественных деятелей. И так как эти планы им не удаются, травля их ведётся всё озлобленней и озлобленней...

В редакцию «Известий» посылаются анонимки даже с выпиской из резолюции партсобрания по поводу Н. Грибачёва и А. Софронова, с требованием считаться с писательской общественностью и не печатать Грибачёва в таком уважаемом официозе, как «Известия».

Наряду с этим ведётся вредная планомерная работа и по вопросам идеологическим.

На протяжении последних лет позиция этой группы определилась как проповедь субъективистской теории в литературе, прикрытая благопристойными цитатами. (...) В настоящее время выявляется довольно определённо тенденция ревизии партийной линии в литературе и тоже под благовидным и замаскированным предлогом. (...) Предпринимаются попытки вывести литературу из-под руководства ЦК партии, ибо, по утверждению их, литература не должна быть служанкой политики, политика должна рождаться из той литературы, которую создадут независимые литераторы. И хотя этот вздор не нов, но он имеет место. (...) Всё чаще и чаще слышатся разговоры о чистом искусстве, свободном от всякой навязанности, имея в виду вмешательство партии. И сама партийная организация с преобладающим большинством консолидировавшейся группы всё больше и больше насыщается этой атмосферой, о чём свидетельствует и партсобрание, посвящённое XX съезду партии.

При всём этом нельзя согласиться и считать нормальным и политически правильным, когда писатели русской национальности в центре Российской Федерации ни в Союзе, ни в парторганизации не составляют большинства. Конечно, это положение путём софистики, оперируя русскими фамилиями, можно опровергнуть, но существо дела от этого не изменится. Ненормальность этого положения усугубляется ещё и тем, что за последние годы пополнение Союза писателей за счёт молодых литераторов идёт так, как будто бы среди русского народа иссякли всякие проблески таланта.

Как в Союзе, так и в парторганизации эта группа с преобладающим большинством может любого писателя поднять, создать соответствующее обще-

ственное мнение вокруг него, независимо от того, заслуживает он или нет, и наоборот. Особенная сплочённость и редкое единодушие этой группы проявляется при всяких выборах в общественные и партийные организации. Они всегда могут забаллотировать любую кандидатуру, не идущую в фарватере этой группы, как, например, поступили с В. Смирновым и другими известными писателями. Это положение в Союзе не объединяет писателей, а разъединяет их, сеет антагонизм, порождает интриги и дрязги. При таком положении Союз писателей не может способствовать развитию советской литературы. Союз писателей в настоящем его виде не оправдывает своего назначения. Не пора ли вообще освободить его от балласта и создать в нём здоровую, работоспособную обстановку? В 1953 году руководство Союза писателей уже подавало докладную записку по этому вопросу. Второй съезд писателей принял решение об обмене членских билетов с целью освобождения Союза от балласта. Несмотря на всю очевидность проведения этого мероприятия, решение осталось до сих пор не выполненным. С другой же стороны часть писателей, известных и талантливых, оказалась за бортом.

В связи с этим надо подумать и о судьбе писателей, которые по существу устранили от общественно-политической и литературной жизни. Вот некоторые факты:

1. Поэт А. Твардовский — крупнейший поэт современности. Почему этот литератор оказался за пределами литературы? Почему никто им по-настоящему не заинтересуется? Почему он оказался в таком положении?

2. Писатель Ф. Панфёров.

Товарищ Хрущёв очень резко и справедливо критиковал отдельные неблаговидные поступки писателя Панфёрова. Воспользовавшись этим, консолидировавшаяся группа «проработала» в Союзе писателей Панфёрова и незамедлительно устранила его отовсюду: и из секретариата, и из редакции. При всех своих недостатках Ф. Панфёров — деятельный писатель. К. Федин — хороший беспартийный писатель, но ведь он существует в Союзе писателей на положении английского короля для произнесения тронной речи. Такой «безобидный кабинет» секретариата и создаётся, чтобы свободней можно было действовать вышеуказанной группе, прикрываясь авторитетами русских писателей. Можно по-разному относиться к творчеству Панфёрова — кстати сказать, очень популярного писателя в народе, — можно не любить его за отдельные проявления характера — абсолютно идеальных людей вообще не бывает, можно в некоторых вопросах не соглашаться с ним, но нельзя отнять у него достоинств редактора. Всем известно, что ни один редактор «толстого» журнала не привлёк и не воспитал столько молодых писателей, сколько редактор Ф. Панфёров. Он это делал чрезвычайно умело и с большой любовью, что признают даже его противники.

И вот долголетняя борьба этой группы против Панфёрова вдруг увенчалась изгнанием его. Правильно ли это? Нет, неправильно. Нецелесообразно было устранять Панфёрова и из Союза, и из редакции. Я глубоко убеждён, что

он много хорошего мог бы ещё сделать для развития советской литературы. Мы не настолько богаты писателями, чтобы так бросаться ими.

3. Писатель С. Бабаевский.

Несмотря на то, что образ Сергея Тутаринова из романа «Кавалер Золотой Звезды» очень длительное время не сходил со страниц газет и журналов и толковался как положительный образ и чуть ли не нарицательный, с некоторых пор из Бабаевского сделали «козла отпущения». На партсобрании его «молотили» по существу за то, что он получил три Сталинских премии. Н. Богданов, которому С. Бабаевский, как коммунист коммунисту, сказал, что он написал плохие рассказы, теперь под улюлюканье выступил против Бабаевского — человека безусловно честного, оскорбляя писателя и подлецом, и лжецом. Допустимо ли такое хулиганство? Руководство же Союза в лице А. Суркова молчаливо согласилось с Богдановым. Между тем Бабаевский, в отличие от других, сам не выдвигал своей кандидатуры ни прямо, ни косвенно. Он написал свою книгу в меру своих способностей, как умел, отнюдь не помышляя ни о какой премии. Наоборот, он сам был обескуражен, когда ему присудили премию и за вторую книгу. Он тут же поспешил отдать её на строительство детского сада. Многие ли ругатели Бабаевского поступили бы так? Да уж если дело на то пошло, позволительно спросить: за какие шедевры литературы К. Симонов получил шесть премий? Сразу и не ответишь. Вопрос этот можно даже поставить в кроссворд — пусть ломают голову. А ведь и в голову никому не придёт ругать за это Симонova. При чём он тут, хотя к выдаче премий он стоял ближе, чем Бабаевский.

В своё время Бабаевского вызвал А.А. Жданов и сказал: «Мы в ЦК считаем, что вы написали очень хорошую книгу, нужную для народа».

Екатерина Алексеевна, у кого после этого слегка не закружится голова, если она не чугунная?

Теперь же идёт организованная травля Бабаевского. У Елизара Мальцева в романе «От всего сердца», у Галины Николаевой в «Жатве» те же недостатки, точь-в-точь. Между тем Бабаевского лупят, а Николаеву до сих пор возносят на щит, чуть ли не как образец социалистического реализма, что далеко не соответствует действительности.

4. Писатель М. Бубеннов.

Я недавно навестил талантливого писателя М. Бубеннова, автора «Белой берёзы» — одной из любимых книг в народе. Этот автор сидит в лесу, как загнанный. Он вообще не знает, как ему жить. Автомобиль продал, всё, что можно продать, — продал. Недавно секретарь парторганизации Сытин сделал демарш в МК со списком писателей, которых надо поддержать и переиздать в «Московском рабочем» их книги. В списке Бубеннова не было. Самые захудалые военные романы, и те вышли в Военгизе по серии «Военного романа», а «Белую берёзу» так и не дают издавать. Может писатель с таким настроением творчески работать? По-моему, трудно. А между тем Бубеннов заканчивает роман об Алтае. У М. Бубеннова были антиобщественные поступки, за которые

он получил соответствующий выговор, что является системой партийного воспитания и воздействия. Но зачем же применять к этому способному и талантливому писателю экономические санкции? Зачем у него выбивать перо из рук? Кому нужно устранять из литературы квалифицированного писателя, владеющего мастерством, когда мы бьёмся за каждого мало-мальски показавшего «литературные ушики» молодого литератора?

Список затравленных, изгнанных, изолированных, устранённых — можно бы продолжить, но для характеристики положения и этого достаточно. (...)

В заключение мне хочется остановиться на двух чрезвычайно важных вопросах:

Московское отделение Союза писателей и состояние и перспективы партийной организации.

Многие писатели пришли к убеждению, что Московское отделение Союза писателей организовано ошибочно. Оно не только не оправдало себя, а систематически наносит вред нашей литературной организации. Московское отделение стало как бы гнездом консолидировавшейся группы писателей. Оно увеличило число интриг, нездорового ажиотажа.

Параллельная организация административно-руководящего центра в Москве увеличила почти в два раза число чиновников от литературы, но не улучшила положения с литературой.

Нужно больше писать книг, а не руководить «как писать». Пусть писатели занимаются больше творческим делом, а не расходуют страсти на различные хитроумные «прожекты» с требованием дальнейшей демократизации Союза писателей, как, например, предоставления членам Союза писателей на своих собраниях права выбирать редакторов литературных журналов. Не хватало ещё того, чтобы переводчицы — члены Союза писателей, которых развелось превеликое множество, — решали судьбу журналов в угоду консолидировавшейся группы.

Надо подумать, действительно целесообразно ли и в каких формах существование Московского отделения Союза писателей?

По поводу партийной организации.

На протяжении сравнительно короткого времени у нас сменилось очень много секретарей парторганизации: Софронов, Смирнов, Грибачёв, Богданов, Ошанин, Ерёмин, Владыкин, теперь Сытин. Надо прямо сказать, что указанные секретари, за исключением т. Владыкина, не обладали должной квалификацией в области партийной работы. А некоторые просто без всякого опыта партийной работы, с одним писательским «мироощущением и интуицией». Все мы знаем, что партийная работа — это не только интуиция, но и прежде всего организаторская способность влиять на коллектив и давать ему нужное направление. С такой способностью у нас был только один секретарь — Г.И. Владыкин. Вероятно, потому, что Владыкин был настоящим профессиональным партийным работником, с опытом партийной работы, пришедшим к нам из аппарата ЦК КПСС.

В настоящее время обстановка в партийной организации ненормальная, в неё привнесены все изъяны союзной организации, так как люди-то одни и те же. Об этом говорит последнее партсоборание писателей. Почти все выступавшие на партсоборании — это писатели, которых не только Вы не знаете и не слышали о них, но даже я, вращающийся в этой среде, не знаю, откуда многие из них взялись. Из известных писателей почти никто не выступил. И мне не дали слова, вовремя прекратив прения. В наших организациях образовалась группа довольно большая, которая задаёт тон, подчас уводящий от линии партии. Горько сознавать, когда мы, писатели-коммунисты, вместо того чтобы заниматься делами, погрязаем в мелкой возне. Этой возне способствует ещё и то, что слишком много в нашем Союзе писателей-членов, которые весьма отдалённо могут считаться писателями, а они-то, главным образом, используя дух времени в групповых интересах, и занимаются этой вознёй с успехом. Союз писателей и парторганизация писателей — это чрезвычайно важный идеологический фронт. Большой смысл им заняться всерьёз. Надо обязательно уделить ему большое внимание и, может быть, целесообразно, чтобы навести порядок в этом важном деле в виде испытанного средства ЦК, дать нам опытного, авторитетного парторга ЦК, не зависящего ни от какой группы. Терпеть и дальше такое положение нельзя. Современная партийная жизнь писательской организации оставляет желать много лучшего. Нигде, как у нас, нет на партсобораниях такой парламентской безалаберщины, когда каждый говорит всё, что ему вздумается, даже по вопросам, не имеющим никакого отношения к повестке дня, игнорируя и дисциплину, и порядок ведения собрания, когда у нас возможны ещё обструкции, прочие методы сбить неудобного оратора. А ведь партсоборание — это не французское кафе. Иногда кажется, что хорошо бы всех нас переварить в здоровом производственно-промышленном предприятии и с этой целью прикрепить нас к партийным организациям фабрик и заводов или по месту жительства, или по личному желанию. Для решения же творческих вопросов или, допустим, творческих дискуссий, МГК мог бы собирать всех коммунистов-писателей по мере надобности. Такое положение обогатило бы самих писателей, у нас много было бы новых встреч, наблюдений, изучения окружающей жизни, людей. Здесь мы варимся в собственном соку, как скорпионы в одном стакане, пожирающие друг друга. Слишком много эмоций и мало дела. Душно стало у нас. Надо выводить писателей на воздух, на простор.

Перестройку писательской организации можно бы провести, как пожелание самих писателей. Этим будет положен конец всякой групповщине и сплочённой семейственности.

*С приветом — Т. Сёмушкин
12 мая 1956 г. Москва*

Татьяна КОЗИНА

ВОЗВРАЩАЯСЬ К ДУХОВНЫМ ИСТОКАМ...

О новой книге Г.Е. Горланова*

Начиная с момента Крещения и вплоть до начала XX века Россия была православным государством, поэтому религиозность является одной из глубинных черт характера русского народа. Можно сказать, что церковь незримо созидала душу русского человека. Ещё А.С. Пушкин утверждал, что «греческое вероисповедание, отдельное от всех прочих, даёт нам особенный национальный характер».

Богатый внутренний мир русского народа, его идеалы и устремления в наиболее полной мере отражены в классической литературе. Её можно рассматривать как одну из форм общественного сознания. Русская классическая литература взяла на себя роль учителя и проповедника, активно влияющего на формирование общественного сознания. В России, в отличие от Европы, ни философия, ни социология, ни политика не стали средоточием духовной жизни нации.

В XX веке глубинные гуманистические ценности русского народа понесли огромные утраты под влиянием идеологии. Но морально-этические и религиозно-нравственные представления остались практически неизменными благодаря тому, что смена общественно-го строя на них мало влияет.

В 90-е годы XX века стало ощутимо заметно возвращение исследователей к изучению христианской проблематики русской литературы. В это время выходят периодические издания: «Русская литература и христианство» (Санкт-Петербург), «Евангельский текст в русской литературе XVIII — XX веков» (Петрозаводск); публикуются монографические труды С.А. Гончарова «Творчество Н.В. Гоголя и традиции учительной культуры» (1992), Б.Н. Тарасова «Непрочитанный Чаадаев, неслышанный Достоевский» (1999), В.С. Непомня-

* Горланов Г.Е. В минуту жизни трудную... — М.; СПб.: Изд. Дом «Мирь», 2014. — 308 с.

щего «Да ведают потомки православных. Пушкин. Россия. Мы» (2001) и др.

К исследованию православной основы поэзии М.Ю. Лермонтова обращается пензенский ученый, литературовед Г.Е. Горланов. В 2009 году в научный оборот вошёл его фундаментальный труд «Творчество М.Ю. Лермонтова в контексте русского духовного самосознания», главная цель которого — исследование религиозно-философских воззрений поэта.

В год празднования 200-летия со дня рождения Лермонтова доктор филологических наук представляет книгу «В минуту жизни трудную...». Рассчитанное на широкий круг читателей это научно-популярное издание даёт обширный, убедительный материал прежде всего тем, кто преподает и изучает русскую классическую литературу.

Повествуя о детских и юношеских годах поэта, Г.Е. Горланов многосторонне рассматривает все возможные влияния на его характер и мировоззрение. По мысли исследователя, в судьбе Лермонтова удачно соединились все факторы, формирующие характер человека высокой духовной жизни: чудесные пейзажи Тархан, народные игры, песни и предания, прекрасно образованные, патриотично настроенные учителя.

Жизнь Лермонтова началась с нескольких трагических событий, не случайно он назвал себя «сыном страдания». Изучая разные по жанрам и темам стихотворения, Г.Е. Горланов доказывает, что поэт привнёс в поэзию свою судьбу. Отсюда, считает исследователь, его тяжёлые мысли и разочарования. Но в Бога неверия никогда не было. Напротив, вера Лермонтова была свидетельством его внутренней жизни. Автор монографии внимательно прослеживает вектор движения души поэта: «Он прошёл сложный писательский путь от осмысления сущности демонизма («То был безумный, страстный, детский бред...») до его отрицания («Мой юный ум, бывало, возмущал // Могучий образ...») и сатирического представления» (с. 156).

Г.Е. Горланов подробно исследует и комментирует тему демонизма, над которой Лермонтов работал всю жизнь, будто желая избавиться от неё с помощью стихов. Сравнивая развязку поэмы в раннем и последнем вариантах, литературовед приходит к выводу, что Лермонтов уготовил своей героине подлинное спасение, поставив против демона херувима, являющегося наиболее приближённым к Богу существом, которого демон победить не в состоянии.

В лирике последних лет («Ветка Палестины», «Когда волнуется желтеющая нива...», «Молитва», «Утёс», «Выхожу один я на дорогу...», «Пророк») поэт сосредоточивает внимание на религиозных вопросах. С полным правом Лермонтова «нужно назвать не просто гениальным писателем, — делает вывод Г.Е. Горланов, — но и подлинным выразителем духовных ценностей православия, выразителем русской души и русского характера» (с. 254).

Особое внимание следует уделить стилю книги «В минуту жизни трудную...». Творчество поэта исследует поэт. Ему ведомы малейшие движения души Лермонтова. Автор книги — человек, любящий поэта и не скрывающий этого. Г.Е. Горланов прекрасно знает работы о Лермонтове, изданные до него. Книга оставляет впечатление неторопливого, душевного разговора. Всегда к месту использованы цитаты из трудов предшественников, даётся точная оценка. Например, «интересный вывод по дискуссионной проблеме сделал Ираклий Андроников...» (с. 166) или «по мнению знатока религиозных проблем в художественной литературе Т.К. Батуровой...» (с. 100). Горячо вступается исследователь за право поэта высказывать собственное мнение. Г.Е. Горланов стремится снять с Лермонтова обвинения в нехристианском отношении к Богу. Полемизируя с авторитетными исследователями: И.Л. Андрониковым, Б.Я. Бухштабом, М.М. Дунаевым, он напоминает об эстетической природе поэтических текстов.

Глубокая любовь и сострадание к поэту, к Елизавете Алексеевне пронизывают страницы, рассказывающие о возвращении тела убитого поэта в Тарханы. Этот своеобразный художественный эпилог книги о творчестве Лермонтова объединяет прошлое и настоящее, устремляет взгляд читателя в будущее, создавая ощущение жизни вечной и бесконечной.

Аспект изучения творчества нашего великого земляка, избранный Г.Е. Горлановым, оказался плодотворным. Исследование его культурного наследия с позиций православия помогло выявить мощный духовный потенциал лирики Лермонтова.

Вера ДОРОШИНА

ПОЮЩИЕ ФОРЕЛИ

**О новой книге стихов
молодых пензенских поэтесс**

Удивительные рыбы плавают в наших водах. И поют песни. И даже выпустили книгу стихотворений. «Песня форели», несомненно, событие в литературной жизни города, яркое, интересное. В стае — пять рыб: Виктория Каляшина, Анна Коржавина, Ксения Мосина, Виктория Сысоева, Марина Герасимова. У каждого из авторов — свой голос, поэтический язык, вполне узнаваемый стиль. А когда тексты самобытны по интонации, тематике, образности — это показатель мастерства. Каждая из поэтесс — на своей волне, на своей глубине.

У Виктории Каляшиной (подборка «Посолонь», древнее русское слово, которое означает «по солнцу», направление движения) — тонкие лирические зарисовки, ожившая и трепетная память детства и отрочества, образы которых, живые, незамысленные, незамутнённые, не могут не тронуть до глубины души. Чередой проходят перед читателем видения из прошлого: «...в кепке — ракушки, / удочки дедушки, черви, крючки»; «...крепкого чая / отвар, ландыши с дачи. / Бабушка смотрит на солнечный / шар, смотрит и плачет»; «Моё платье из синей ткани / из комода достала мама. / На рояле в гостиной — банка / с осьминогами и водой» и т. д. И эти осколки воспоминаний складываются в гармоничную мозаику внутреннего мира лирической героини. О чувствах и отношениях Виктория говорит предельно честно и открыто, грани отношений земных в её стихах соприкасаются с гранями душевными. Кроме стихов, Виктория опубликовала и два рассказа — «Шмель» и «Память». Их отличает глубокое проникновение в психологию героев, стремление понять, что именно скрывается за внешними покровами, что происходит на глубине человеческой личности.

* Песня форели: сборник стихотворений. — Пенза, 2014. — 100 с.

У Анны Коржавиной — более резкий, жёсткий ритм, отражающий эмоциональные состояния лирической героини: «Ты беззащитен перед рукой, / Волосы гладящей. / После пожара / Мы горстку пепла / Несём домой». Её стихи психологичны, честны, часто афористичны, местами звучат как приговор, почти всегда сильны финальные строки. Тема подборки её стихов обозначена в названии — «Радость моя», это пережитый и осмысленный опыт отношений между мужчиной и женщиной, опыт трудной, полной противоречий при достижении её, но подлинной радости обретения людьми друг друга.

«По карманам набить вымысел» — название цикла стихов Виктории Сысоевой. И действительно, в её текстах часто присутствуют персонажи из детских сказок и игр («Куклы», «Оле Луколке», «Карлсон снова ушёл»). Впрочем, аллюзии на взрослую литературу тоже имеют здесь место («Когда в Макондо / пройдут дожди...», «Вторая «Комната» и др.). Опыт взросления неизбежно связан с ломкой стереотипов, переоценкой ценностей и развенчанием иллюзий, когда мир вдруг оказывается совсем не таким, каким открывался детскому восприятию, своим собственным перевёртышем, и в нём непросто найти «фундаменты и основы», и «в человеке разлагается Человек», а «На следующей остановке / Возможно / Обрушение мироздания». Однако через скепсис и сомнение, недоверие и парадоксы Виктория пробирается к небанальным по сути истинам, во многих стихах словно пытается открыть мир с какой-то новой, непривычной стороны. Утверждает через отрицание. И, несмотря ни на что, оставляет в своём сердце уголок для чуда и сказки: «Мама, мама! / Сегодня Оле придёт очень поздно. / Прошу, оставь ему щёлку в форточке...»

Ксения Мосина (автор подборки «Молча») — психоделическая принцесса в стране чудес, а страна эта ни в каком не в Зазеркалье, а везде и всюду, просто смотри и слушай, откинь всё лишнее. И удивляйся, не отказывая себе в этом удовольствии!

Что бы ни случилось, береги своего внутреннего кота,
Радуй его углеводами и музыкой на весь дом.

Что есть Чапаев, и что есть его пустота?
Этот вопрос кот разберёт, но разберёт потом.

.....

Не вырастай из прогулок по деревянной пасеке,
По медовым задворкам и прополисовым гаражам.
Пялься в окна сталинок и играй с малышнёй в классики,
Говори с незнакомцем и доверяй ершам.

Марина Герасимова (цикл «Молитвы волнам и ветру») завораживает лёгкостью своего обращения со словом и одновременно пронзительной игрой со смыслами. Бежит босиком по осколкам рифм, дыхание сбивается, но вот-вот оторвётся от земли — и по ветру, и по волнам... Впрочем, её лирическая героиня знает горечь и боль, отчаянье и скептицизм («Тающий лёд заполняет вены»; «А мне — жить без солнца / или рубить канат!»; «инквизиторы пишут историю — / надо сливаться с ландшафтом и жить, / свою суть истирая до дыр»). Но вот оно, спасительное кредо: «Душу свело — становись на крыло...»; «Не сажай своё сердце на цепь, дружище, / Не приклеивай ноги к земле, / Чтобы не тусоваться на пепелище»). И при этом неизбежно осознание: «Быть живым — это страшно? Конечно, страшно!» Но только так, оставаясь живым (как у Пастернака: «быть живым, живым и только, Живым и только до конца»), можно двигаться дальше. Постоянное брожение, неустанная устремлённость к новым горизонтам — неотъемлемая черта творчества Марины.

Николай БУЯНОВ**ВОЗВРАТ
К СЕБЕ****О книге рассказов Т. Сычёвой**

Жизнь практически любого человека изобилует крутыми поворотами, особенно исходя из нынешних реалий. Мало кому удаётся, к примеру, дотянуть до пенсии, сидя на одном и том же месте, над кем пронесутся, не тронув, ураганы перемен, или он сам не захочет, чтобы эти перемены произошли, — разве что человек окончательно закоростел и перестал быть склонен к развитию, творчеству, самопознанию... Одни, сталкиваясь с подобным, начинают роптать на судьбу и Бога (недаром в Японии самым страшным проклятием считается фраза «чтобы ты жил в эпоху перемен»). Другие молча страдают, неся свой крест, раз уж ничего нельзя поделать. И лишь немногие воспринимают это не как злокозненные повороты без предупреждающих знаков, а, скорее, как возвращение. Куда? К себе. К своим истинным жизненным истокам.

В этом смысле — то есть крутыми поворотами — поэтессе и прозаике Татьяну Сычёву судьба наградила щедро. От учёбы в финансово-экономическом институте и многолетней (и, казалось, стабильной) работы в специальном конструкторском бюро — к неожиданному сокращению в лихие девяностые. От курсов переподготовки и работы бухгалтером в частной фирме — к возврату на государственную службу. От колонок сухих цифр (где Татьяна, по её словам, тоже находила свою поэзию) — к литературному творчеству, которое раньше дремало в душе, но проснулось вдруг, когда Татьяна Михайловна находилась уже в достаточно зрелом возрасте...

Кстати, возраст в данном случае — отнюдь не помеха, скорее наоборот. Большинство юных авторов начинают свой путь в литературу с так называемой «бурсы»: то есть когда за скудностью жизненного опыта сказать читателю нечего и содержание подменяется лихорадочным поиском формы, которая должна быть обязательно новой, шокирующей, революционной — а как иначе. Вот и рождают-

* Сычёва Т. М. Крутой поворот. Рассказы. — Пенза, 2014. — 72 с.

ся на свет неуклюжие подражания (читай: плохие пародии) Хармсу, Пелевину, позднему Паоло Коэльо или доперестроечному Жванецкому. Читать забавно, но неинтересно.

Рассказы же Татьяны Сычевой... Вот вам моё ощущение: они уютные. Как потрескивающие в камине поленья, когда за окном вьюга, как кружка кофе или глинтвейна. И светлые, как фонарик во тьме. Ко мне её книга попала, когда я лежал в больнице (прихватило сердце). Я «проглотил» её за один вечер — и вот что странно: вечер вдруг перестал быть тоскливым, каким он часто бывает на больничной койке. И капельница уже не казалась нудной, а соседи по палате — надоедливymi. Я будто... нет, не перенёлся в другой мир — я *вернулся в свой*. Я узнал соседку, которая подобно героине рассказа «Ирка» была влюблена в одного красавчика-

прошелыгу (до тех пор, пока воочию не убедилась, что тот прошелыга), и котёнка, которого однажды в канун Нового года подбросили мне под дверь, — правда, был он не полосатый, а сиамский, бежевый и с коричневой мордочкой. И даже давних поездных попутчиков с их дорожными «исповедями» (известно ведь, что самое сокровенное чаще доверяешь не близкому человеку, а случайному соседу по купе — психологи даже нашли этому научное объяснение). Я ведь тоже обожал путешествия и в Крым, пока он был доступен, и на Кавказ, пока там не слишком стреляли... Кстати, однажды я ехал в купе с молодой мамой и её пятилетней сынишкой, и у того пропала игрушка — крошечный заводной автомобильчик. Мы обыскали всё купе и даже коридор — безрезультатно. А обнаружился он уже после нашего расставания на вокзале. Где? Правильно, в моей дорожной сумке, у которой с одного бока разошлась молния. Такое вот совпадение с сюжетом рассказа «Замочек». И никакая мистика здесь ни при чём, только авторский талант.

Вообще же очень хочется поблагодарить Татьяну за столь ценный подарок — я говорю даже не о самой книге, а о настроении, которое она принесла с собой и которым заполнила тихий больничный вечер. Хочется пожелать ей не бояться тех поворотов, что, возможно, ещё готовит судьба, и помнить, что каждый такой поворот — это и развитие, и самопознание, и тот самый возврат к своим истокам, о котором я говорил вначале. Впрочем, я уверен, Татьяна и не думает бояться.

Удачи ей и новых книг!

Елена ЧЕБАЛИНА

ЗНАКОМАЯ НЕЗНАКОМКА

О поэзии Н. Шеменковой

Здесь всё знакомо... Легко и открыто. Каждая мысль, каждая строчка, каждая зарисовка книги Нины Шеменковой так ощутимо вплетены в нашу жизнь, что наверняка многим читателям покажется, будто они близко знакомы с автором, видят её воочию. И в то же время за видимой лёгкостью и простотой, порой даже очаровательной юношеской наивностью, скрывается тайна, тайна мироощущения поэтессы, тайна душевных метаний, поисков истины, поисков себя и понимания себя через общение с природой, через любовь и обращение к Богу.

Книга играет разными красками. Звонкие, восторженные мажорные тона мягко перетекают в мечтательно-задумчивый минор. Мы словно прогуливаемся с автором по пензенским скверам и вдоль берегов Суры, по аллеям Тархан и болдинским тропинкам, где «всё пропахло стариной». Идём босиком по травам, наблюдая, как «...шаль / вяжет май из звёзд сирени, / из черёмухи — фату...»; как «ветер задирает листьям нос»; чувствуем на щеках дыхание весны, что пахнет «ирисом и жасмином»; бродим «среди берёз-мадонн»; подставляем «лодочкой обе ладошки», чтобы поймать «янтарные звёзды», а «восторженный мальчишка — подснежник» смело и весело смотрит нам вслед. Немного устав, отдыхаем у причала. Наблюдаем, как перекачиваются «волны-барашки на глади речной», будоража воображение ожившей сказкой, где юная Ассоль преданно ждёт своего Грея:

Светлоокая девчонка
Грустно смотрит на причал.
Ветер ей, взъерошив чёлку,
Что-то в ухо прошептал...

Бок о бок с нами проходит «веснушчатое лето» с «капельками росы на ступнях», а вслед за ним «таинственным гением» ступает великолепная и загадочная осень...

* Шеменкова Н. А. Здесь всё знакомо...: Стихотворения. — Пенза, 2014. — 100 с.

«Обхватывая мир свой, как наседка», поэтесса пытается донести до читателя его многогранность и тонкость. «Жизнь проживая в розовых очках» и не желая их снимать, она уверенно двигается вперёд, искусно обходя преграды, преодолевая сомнения, живя «легко — на вздохе дня».

Что позволяет автору нести этот свет, не смотря на все перипетии?

«Колокола любви и веры» звучат в её душе, заглушая надменные усмешки судьбы. Ведь «без любви всё кажется пустым», а любовь есть Бог. «Мне ль жить вполнакала?! Не вижу в том счастья», — утверждает автор, бросая вызов всякому унынию.

Воистину, способен ли поэт жить вполсилы, вполсердца? Способен ли он уберечь свою израненную душу от новых ударов судьбы?

Способен ли закрыться щитом равнодушия и утонуть в рутине будней? Нет, это невозможно.

.....
Мне душно каменные стены.
Срываясь ветром с мест крикливых,
Я обнимаю взором нивы...
Когда забрезжит вновь рассвет,
Вся тяжесть — с плеч, сомнений нет!
Трепещет слово — в клетке птица,
Наружу рвётся, ввысь стремится...

Да, автор не может выносить безразличие, не может допустить очерствение души:

Но разве в этом есть моя вина,
Что становлюсь от холода немая,
Что лишь тепло душа воспринимает?
Я не люблю холодные тона!

И даже когда «как старуха, тьма, беззубо скалясь» ступает по следу, поэтесса идёт вперёд, оставляя «на полке вчерашнего дня» грустные воспоминания. Она, «похожая на ночную сову», всегда выбирает дорогу к Богу, к любви, туда, где «Слово русское звучит, волнуется кровь» и где «недосказанность из точек — / Любовь кодируют века».

На самом высшем завиточке
Всё начинать придётся вновь,
И впереди — не точка — строчки,
И эти строчки — про любовь!

И вам они знакомы, не правда ли?

Людмила ЗАХАРОВА

ВЫДУВАЛЬЩИК

Стихи

* * *

Нарисую дом на сваях,
Смуглых жителей озерных...
Нарисую, как небрежно
Ветерок колышет волны,
Как легко танцует рыба
Среди отмелей подводных...
Как охотники на лодках
Разрывают кличем воздух...

Пусть живет мирок бумажный,
Настроением порожденный!
Я его для всех придумал —
Дивный мир — эскиз несложный!..

Нарисую глаз луны,
Тишину ночного зноя...
Нарисую, как любовью
Загорится чей-то взор...
Как взвихрится танец страстный
Средь бушующих костров,
Как туземка в неге снов
Укрывает взгляд опасный...

Пусть живет мирок бумажный,
Настроением порожденный!
Я его для всех придумал —
Дивный мир — эскиз несложный!..

Нарисую тихих крабов,
Заблудившихся в приливе...
Как вплетает в косы иве
Флейта дивнейший мотив...
Как душа моя больная
Закружится в звездной выси...
Как любовью дышат мысли,
Полетевшие к тебе...

Пусть живёт мирок бумажный,
Настроением порождённый!
Я его для всех придумал —
Дивный мир — эскиз несложный!..

ЗАБРОШЕННЫЙ ДВОРЕЦ

Заброшенный дворец забытых королей...
Здесь ядовитый плющ — хозяин и правитель...
Неслышен шум листвы ухоженных аллей,
Средь темных погребов — мышиная обитель...

А ведь когда-то тут гремел людской поток...
Красотки страстный взгляд причиной был дуэли...
Владыка властен был, владыка был жесток!..
Но и владыкам срок безжалостно отмерен...

Заброшенный дворец забытых королей...
Я прикоснусь к камням, давно забывшим гордость,
И, может, из тиши в веках минувших дней
Мне ветер донесёт случайный чей-то голос...

ВЫДУВАЛЬЩИК

На соломинке одуванчика
Мыльный пузырик дрожит...
Ворожит диво дивное мальчика,
Мальчик за ЧУДОМ бежит!..

Он бежит, спотыкаясь и падая,
Под ногами вращая шар...
Вечно круглое душу радует:
Творцу и художнику — дар...

Как соломинку одуванчика,
А на ней шар стеклянный огня,
Крутит трубку старик-выдувальщик,
Непонятное всё же поняв...

Вспоминает бегущего мальчика...
Выдувальщик — философ в веках:
«Ах! Без детства и одуванчика
Чуда не было б в наших руках!»

* * *

Я брожу в своих виденьях
По твоим мостам, о Город!
Арок ли хитросплетеньем
Или кружевами горд ты...

Лишь тумана белый кров
Вновь запутается в спилях,
Я пойму: к тебе любовь
Не измерить мне и в милях.

И пойду, как пилигрим,
От собора до собора
Собирать заката грим,
Примерять судьбы уборы...

Буду разводите мосты
Между мною и тобою...
Сфинксы здесь молчат, как ты,
Над холодной Невою...

Как тиха и величава
Северной реки печаль!
С ней любви моей начало
Песней уплывает вдаль...

Город, ты по-королевски
Мне чертоги подарил.
И фонарщики на Невском
Зажигают фонари...

Музыканты и поэты...
Звуки флейты... задержись!
Это лишь виденье... Это
Началась другая жизнь.

С колоколен — звуки Спаса.
Исчезают арки вдруг...
Так хочу с тобой остаться,
Мой любимый Петербург!

* * *

Раскрой свой старый зонт,
Мой сумрачный философ!
Уйдём за горизонт
От вечности вопросов:

Смеяться нам иль плакать?
Любить или забыть?
Охать или ахать?
Быть или не быть?

Раскрой свой домик-зонт,
Ведь вымокнем до нитки!
Ползём за горизонт —
Сиамские улитки...

Нам на судьбу браниться —
Судьбой запрещено.
С небес воде струиться
Предрешено.

* * *

Я — мотылёк-изгнанник,
Раскаявшийся странник!..
Твои глаза — мой отчий дом...
Не прогоняй сейчас — потом!..

Воспоминаний блеск
Затянет первым льдом...
И свечки треск,
и колокол в ночи...
дон-дон...

* * *

Утро размыто слезами,
Утро болеет рассветом.
Кофе — гуща с глазами,
Запах вина и лета...

Где ты? В каких туманах?
Рельсы звенят на стыках...

В мире, полном обмана,
Боюсь, от тебя отвыкну.

Песней твоей болею,
Словом твоим страдаю.
Хоть не хочу, не смею —
Снова живу и летаю.

МАШУК

Машук! Машу ему рукой...
Поэта вдохновения приют...
О! Грот, где он искал покой, —
В беседке нимфа и Эол поют...

Машук! Машу ему рукой...
Там под луной Диана пировала,
После охоты тербя с тоской
Из перьев райской птицы
покрывало...

Машук! Машу ему рукой...
Поэта напоил вином богемы...
И плачет Терек, слышит грозный вой
Мятежный ангел Демон из поэмы...

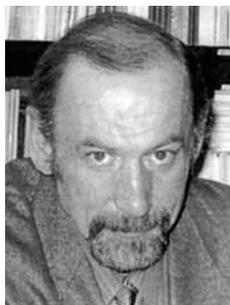
Машук! Машу ему рукой...
Поэта он и Музу укрывал...
Укрыл... и те нашли покой...
И музу, и поэта — наповал!..

1 СЕНТЯБРЯ

Погода сегодня ясная —
На небе ни тучки нет.
И настроенье прекрасное!
В городе — листьев балет...

Веду я ребёнка в школу
За ручку. Он вырос! Готов.
На ярких своих гладиолусах
Спустился он в мир с облаков

И выдал небесную тайну
Погоды и детской души:
«А тучки тоже за знаниями
С мамами в школу ушли!»

Владимир ЮРАКОВ

ЛЕКАРСТВО ОТ СКУКИ

Стихи для детей

ГДЕ РОЖДАЕТСЯ РАДУГА?

На ладошке маленькой — на листике —
В капельке росы таится мистика:
То сверкнет оранжевым, то синим.
То налюбуются, так красиво!
Глаз росинка разноцветьем радует.
Как в яичке, в ней — цыпленок радуги!

ЛЕКАРСТВО ОТ СКУКИ

Здесь так скучно, просто мрак.
А ведь где-то всё не так.
Как несправедливо это,
Что я здесь, что я не где-то!

Где-то, именно сейчас,
В небе кружит лётчик-ас.
Под крылом мелькают страны,
Реки, горы, океаны...

Где-то, именно сейчас,
В джунглях зреет ананас,
Дикари трясутся в плясках,
Все в набедренных повязках...

* Редакция журнала «Сура» поздравляет Владимира Юракова с 60-летием, желает здоровья, счастья, творческих успехов.

Где-то, именно сейчас,
Мой родной второй «А» класс
Всем составом, без сомнений,
Носится на перемене...

Только я не где-то — здесь!
И тому причина есть:
Я лежу в своей постели,
У меня ангина в теле.

Нет! Скучать я не хочу:
С летчиком я полечу!
В джунгли он доставит мигом,
Если я открою книгу.

УВАЖИТЕЛЬНАЯ ПРИЧИНА

Я пришел из садика —
На коленке ссадинка.

Маму очень беспокоит:
«Почему с тобой такое?
Вот — царапина. Вот — шишка...»
— Мамочка, ведь я — мальчишка!

ЛУЧШИЙ МЕТОД ВОСПИТАНИЯ

Ваш ребенок стал непослушным?
Вы от горя всю ночь не спите?
А хотите совет послушать? —
Вы собаку ему купите!

В Интернете висит, как на нити,
Позабыв обо всем на свете?
Человеку собаку купите —
Он забудет об Интернете!

Не хотите, чтоб лез он в драку
Или двойкой вас огорошил?
Вы купите ему собаку,
И он тут же станет хорошим.

Не увидите больше «злого»,
«Разгильдяя», «неряху», «бяку»!
Он исправится, честное слово!
...Ну, купите же мне собаку!

СТРАШНЫЕ СЛУХИ

Где-то в самой чаще леса,
Где туман сплошной завесой
Не пускает солнца свет,
Где тропинки даже нет,

«Ух!» да «Ух!» — заухал кто-то...
Может, там, в лесу, болото?
И закашлял водяной
От водицы ледяной?..

Может, это стонет леший,
Водяного недруг злейший?
Скушал мухомор, и вот
У него болит живот..

Или рыщет там не местный
Зверь, науке неизвестный?
И у всех, кто слышит «Ух!»,
Перехватывает дух...

Звери в ужасе: по слухам,
Кто-то очень страшный ухал.
И, хоть ухала сама,
На сосне дрожит сова.

А НЕ ЛЕЗЬ!

Сунуть нос ты к ним посмей-ка —
Эта милая семейка
Превратится в грозный рой.
Только крышку приоткрой,
Полетят в тебя, как пули,
Пчёлы, покидая улей,
И с агрессором — с тобой —
Поведут отважно бой.

Страха нет у них, заметь,
Будь ты хоть большой медведь,
Прожужжит тебе пчела:
«Я ж-ж-ж не первой начала!»

НЕВИДИМКИ

«Ну почему меня не видит Димка?
Как будто для него я невидимка, —
Так думала на перемене Светка. —
Нет, хуже невидимки — «незаметка»!
Ведь он меня совсем не замечает,
Записок мне не пишет, не скучает,
Не вертится вокруг всю перемену...
Да хоть бы дёрнул за косу, как Лену».

«Эх, до чего ж красива эта Светка!
Красавицу такую встретишь редко.
Да приложи я все свои старанья,
В ответ, я знаю, будет ноль вниманья,
Как будто для неё я невидимка», —
Тайком поглядывал на Светку Димка
И думал лишь о ней всю перемену,
И ей назло за косы дёргал Лену.

ОТЗЫВЧИВЫЙ ДРУГ

Было скучно мне, и вдруг
Появился добрый друг.
Лучше друга в мире нет:
Закричу — кричит в ответ,
Засмеюсь — он вторит смехом.
Друг отзывчивый мой — эхо!
Обыскал я всё вокруг:
Ловко прячется мой друг —
Нет ни во дворе, ни дома...
Может, «Эхо» — имя гнома?

СТРОГАЯ МАМА

Вырасту я
и, когда стану мамой,
Буду я мамочкой
доброю самой.

Двойка у дочки?
В тетрадке помарки?
Ей все равно
буду делать подарки.
Скажем, как я,
подралась дочка с Катей —
«Вот тебе, доченька,
новое платье».
Пусть весь урок
с Колей корчила рожи —
«Вот тебе, доченька,
горка пирожных».
Или в истерике
бьётся малышка:
Вынь да положи,
нужен плюшевый мишка!
Ног не жалея,
помчусь к магазину,
Кукол куплю в нём
большую корзину:
«Вот тебе мишка,
и зайка, и кошка,
Только не плачь,
моя милая крошка».
Стоп! Буду я
только доброй и мягкой,
Кем моя доченька вырастет? —
Бякой!
Мне от капризов
не будет покою...
Нет уж, не стоит быть
доброй такою.
Чтоб не росла дочка
злой и упрямой,
Буду я доброй, но строгой.
Как мама!

РЫБА-УДИЛЬЩИК

Гуляя в глубине,
Морской конёк
К рыбёшке заглянул
На огонёк.

Визитами был день её
Насыщен,
А вот конька
Уже нигде не сыщем.

ТУЧКА-ПРОМОКАШКА

Так случается нередко:
Тушь на парту капнет, но
Есть бумажная салфетка:
Промокнул — и в ней пятно!

Губкой пользоваться можно:
Я компот разлил вот здесь,
Промокаем осторожно...
Где компот? Он в губке весь!

Вот и с тучкой так же: нужно
Ею что-то промокнуть —
Или речку, или лужу,
Или в море окунуть.

А чтоб вызвать непогоду,
Нужно в небе, что есть сил,
Выжимать из тучки воду...
Ой! Спасайтесь! Дождь полил!

МОЙ ВОЗРАСТ

Кто подскажет мне ответ:
Почему мне восемь лет?
Долго думал я об этом.
Ведь родился я не летом —
В марте. Это значит, восемь
Мне совсем не лет, а вёсен!

Он бы мне помогал по хозяйству
И писал бы отчёты начальству.
Не жалея лошадиной ласки,
F E
Нашим детям рассказывал сказки.

C
Подари мне, пожалуйста, пони —
Dm6 G7
Будет жить он у нас на балконе.
E7 Am
Мы поверим в него понарошку —
F E
Запасём ему миску и ложку,

Приготовим постель и подушку,
Купим пряники, бублики, сушки...
Мы дождёмся его непременно!
Он в лесу заблудился, наверно...

Dm Am Dm Am F E

Am
Подари мне, пожалуйста, пони...

СНЕЖНОСТЬ

Dm Gm
Бесконечный стылый вечер
A7 Dm
Давит городу на плечи,
Dm7 Gm
Обнимая мёрзлым небом,
A7 Dm
Засыпая город снегом.
Gm Dm
И не боги, и не судьи —
Hb E
На снегу рисуем судьбы.
Gm Dm
Нашу призрачную грешность
Hb E A7
Ото всех сокроет снежность.

Наспех сняв нелепость грима,
Мы укутаемся в зиму,
Занырнём в морозность улиц...
Неужели мы вернулись
Из угрюмости и скуки?
Одиноки, близоруки,

День за днём вращая в зиму,
Hb E
Мы проскальзывали мимо
Gm Dm
Первозданности мгновенья
Hb E A7
Вселебви и всепрощенья.
Dm Gm
Всё становится так просто —

A7 Dm
Просто снегом сыплют звёзды,
Gm Dm
Просто слёзы на ладони
Hb E
И молитва в полудрёме...

НА КРАЮ

G D
Холодный свет продрогших звёзд
Em C
Вращается в ночь, как будто в жизнь мою.
Уходит день — нелеп и прост.
Лишь только мы застыли на краю.

G
На краю времён, краю света...
D
Жизнь на кончике сигареты
Em
Тает, осыпается пеплом,
C
В никуда уносится ветром.

И тут налетел необузданный ветер,
Друзей подхватив, он рванул в небеса...
И двое глупцов, как беспечные дети,
На облаке сидя, творят чудеса!

Пр.:
Это стало историей
Где-то на облаках —
Просто боги поспорили
О чудесах!

ОБРЫВОК ОСЕНИ

Dm Dm7 Am
Твоя насмешка — моё бессилие.
Dm Dm7 Am
Твоя запретность — моё отчаяние.
Gm Hb
Бесовство осени на зиму выменял,
Dm Dm7 E E7
Оставив холодность и обнищание.

Смотри, замёрзшая, стою бездомная,
Располосована косыми взглядами.
Монету жалости бросай в котомку мне,
Куда навязчиво мечты укладывал.

Gm Dm
Живу, ненужная, живу, случайная,
Gm A7
Фонарным городом насквозь просвечена.
Gm Dm
Была бы смелая да закричала бы...
Gm A7
Молчу, растерзана и не замечена.

Gm Dm
Так Расскажи меня чужому городу,
Gm Dm
Читай обыденно на серых улицах.

Нб Dm6
Скажи — нелепая. Скажи — безродная.
Gm E
Тотчас расщедрятся — такая умница!

Dm Dm7 Am
А после выброси измятым ворохом
Dm Dm7 Am
Причуды памяти на зимней проседи.
Gm Нб
Пройду неузнанной. Останусь прожитым
Dm Dm7 E E7
И неизведанным обрывком осени.

Dm Dm7 Gm Нб E A7 Dm

АЛЕКСАНДРОВ Валериан Генрихович. Родился в 1956 г. в с. Котел Вадинского района Пензенской области. Окончил Пензенский технологический институт. Лауреат 2-го Всесоюзного фестиваля народного творчества, Всероссийского и областного конкурсов авторов-исполнителей в рамках МВД. Дипломант фестиваля авторской песни на Соловецких островах в номинации «Поэзия». Автор поэтического сборника «В стране, которая не снится», публикаций в журнале «Сура», поэтическом альманахе «Берега», сборнике «Я стихи выпускаю в небо». Лауреат поэтического фестиваля им. Д. Злобиной. Автор рассказов в литературно-художественном альманахе «Береста», литературно-художественном журнале «Три Желания». Лауреат фестиваля авторской песни, поэзии и прозы «Господин ветер» в номинации «проза». Участник клубов «Берега» и «Поющие поэты» при журнале «Сура».

БАРИНОВА Елена Иннельевна. Родилась в 1966 г. в Заречном. Окончила Сызранский педагогический колледж и 3 курса ПГПУ. Трудится на ПО «Старт» г. Заречного. Циклы и подборки стихов публиковались в коллективных сборниках поэтов Заречного «Рассвет над соснами», «Гори, не гасни», «Радуга», журналах «Студенческий меридиан», «Сура», альманахе «Берега», сборниках «Молодая пензенская поэзия» и ПО «Старт» «Если имя тебе — заводчанин». Автор двух книг: «А жизнь – только Слово» (2007), «Территория Трои» (2010). Участница литературного клуба «Я сень» при журнале «Сура». Член Союза писателей России.

БОНАРРИГО Анна. Родилась в 1971 г. в г. Мессина. Одна из самых известных и популярных современных поэтесс Италии. Признание получила как прозаик и литературный критик. Первая книга стихов «Путь в глубинах души» вышла в 2009 году в литературном журнале «Парк св. Квазимодо». Лауреат многочисленных сицилийских, общенациональных и международных литературных премий. Произведения Анны Бонарриго включены в антологию современной итальянской литературы. В апреле 2013 года Анне Бонарриго присуждена первая премия международной литературной ассоциации «ARTETREMILA» за поэтический сборник «Il Calore e La Paura» («Тепло и Страх»), заглавное стихотворение из которого синьора Бонарриго любезно предоставила для публикации в журнале «Сура». Именно успех этой новой книги способствовал тому, что в 2014 году Анна Бонарриго была названа победителем конкурса «Женщина Сицилии». Замужем, имеет трех детей, которым посвящает все свое время. Работает в издательстве «Lettere Animate».

БУЯНОВ Николай Анатольевич. Родился в 1967 г. в Пензе. Окончил ПГПИ. Печатался в Москве, Петербурге, Ставрополе, в журналах «Сура», «Южная звезда», «Странник», «Искатель», «Уральский следопыт». Автор книг «Медиум», «Наблюдатель», «Опрокинутый купол», «Клятва на мече», «Призванный хранить» и других. Лауреат премий «Хрустальный парус» (1997), за лучший дебют от издательства «ЭКМО» (1999) и Губернаторской премии (2004). Член Союза писателей России.

ГАВРИЛЕНКО Надежда Николаевна. Родилась в 1967 г. Окончила филологический факультет Саранского государственного университета им. Н.П. Огарева. Методист Центра детского творчества, организатор и руководитель краеведческого музея МОУ ДОД ЦДТ р. п. Лунино. Почетный работник общего образования. В «Суре» публикуется впервые.

ГУРКИН Ибрагим Хамзеевич. Родился в 1956 г. в с. Кочалейка Каменского района, выпускник Кочалейской восьмилетней и Головинщинской средней школ. В 1974 — 1979 годы — студент факультета иностранных языков Пензенского педагогического института имени В.Г. Белинского, выпускник исторического факультета того же вуза (1987 г.). Педагог более чем с тридцатилетним стажем, член Союза краеведов РФ. Перу И.Х. Гуркина принадлежат четыре книги и более 50 публикаций в районной и областной печати. Краевед И.Х. Гуркин принимает активное участие в региональных, всероссийских и международных научных конференциях, на которых выступает с докладами по актуальным вопросам истории нашей «малой родины» — Пензенского края. Награжден знаком «Отличник народного просвещения». Живет в г. Каменке Пензенской области. В «Суре» публикуется впервые.

ГУСЕВ Павел Николаевич. Родился в 1980 г. году в Тольятти. Окончил РАТИ-ГИТИС (Москва), специальность актер; РАНХиГС при Президенте РФ, специальность — государственное и муниципальное управление. Издавался в литературном журнале «Город» (№ 34, 35, 36), а также в городской газете «Площадь свободы» (Тольятти). Автор книги рассказов «Всюду жизнь» (2014), пьесы «Лешка». Проживает и работает в Тольятти — Пензе. Член Союза российских писателей.

ДЖЕНОВЕЗЕ Мария Грация. Родилась в 1962 г. (Мессина, Сицилия). Окончила консерваторию. Начала свой творческий путь

и профессиональную карьеру как пианист, исполнитель классической музыки и композитор, работала преподавателем музыки. Автор нескольких музыкальных произведений. Многие годы аккомпанировала на концертах и международных конкурсах своему сыну, известному итальянскому скрипачу. Довольно рано ощутила влечение к поэзии и перенесла свои творческие усилия в поэтическое русло, посвятив себя постижению мира искусства во всем его многообразии. В свет вышел первый сборник ее стихов, уже переведенный на английский язык, в нем 47 стихотворений и один короткий рассказ («Сияющее время»). Ее стихи входят в различные антологии и специальные поэтические сборники, широко известные итальянскому читателю.

ДОРОШИНА Вера Анатольевна. Родилась в 1979 г. в Пензе. Окончила факультет русского языка и литературы (отделение журналистики) ПГПУ. Автор семи поэтических сборников. Печаталась во многих альманахах, коллективных изданиях губернского, регионального и зарубежного уровня. Активный автор «Суры». Лауреат Всероссийской премии им. М.Ю. Лермонтова, конкурса им. А.И. Куприна, журнала «Сура». Успешно дебютировала и в журналистике — сотрудничала с газетами «Наша Пенза», «Педагог». Одна из создателей и активных участников клуба молодых поэтов «Берега». Поэт, член Союза писателей России.

ЗАХАРОВА Людмила Павловна. Родилась в г. Сорочинске Оренбургской области. Окончила Московский институт культуры, профессия — библиотечарь, балетмейстер-постановщик. Работает в Никольском районном методическом центре культуры и отдыха. Живёт в г. Никольске Пензенской области. Участница литературного клуба «Я сень» при журнале «Сура». В «Суре» публикуется впервые.

КАДНИКОВА (АВДЕЕВА) Татьяна Владимировна. Родилась в 1970 г. в Пензе. Окончила литературный институт им. А.М. Горького. Живет в Заречном. Работает в журнале «Сура» редактором отдела прозы. Руководит литературными объединениями прозаиков «Былина» (Заречный), «РостОК» (Пенза). Автор пяти сборников стихов и прозы. Автор публикаций в журналах «Новый мир», «Сура», «Юность», «Северная Аврора», «Бег». Лауреат литературной премии «Гранатовый браслет», Всероссийской литературной премии имени М.Ю. Лермонтова (2008). Член Союза писателей России.

КОЗИНА Татьяна Николаевна. Родилась в 1952 году в Пензе. Окончила ПГПИ имени В.Г. Белинского. Доктор культурологии, кандидат филологических наук, профессор кафедры «Теория и методика дошкольного и начального образования». Автор монографий «Пасхальность в современной русской прозе» (Пенза, 2009); «Рождественский и святочный жанры в литературе конца XX — начала XXI веков» (Пенза, 2011); «Рождество и Святки: возвращение в современную прозу» (Saarbrücken, 2012). Почётный работник высшего профессионального образования.

КУДИМОВА Марина Владимировна. Родилась в Тамбове. Окончила Тамбовский педагогический институт. Печатается с 1969 г. Автор книг стихов: «Перечень причин». М., 1982; «Чуть что». М., 1987; «В антракте, в провинции». Копенгаген, 1988 (на дат. и рус. языках); «Арысь-поле». М., 1989; «Область». М., 1990; «Черёд». Новосибирск, 2011; «Целый Божий день». Таганрог, 2011. Произведения переведены на английский, грузинский, датский языки. Лауреат премии им. В. Маяковского, премии Совета министров Грузинской ССР (1982), журнала «Новый мир» (2000). Председатель жюри «Илья-Премия» с 2000 года. Шеф-редактор отдела «Литература и библиография» в «Литературной газете».

САМАРИН Фёдор Юрьевич. Родился в 1957 г. в Казани. Прозаик, переводчик. Окончил историко-филологический факультет ПГПИ им. В.Г. Белинского. Работал в газетах «Молодой ленинец», «Наша Пенза», «Комсомольская правда», в областном краеведческом музее, на областном телевидении, в телерадиокомпании «Наш дом». Был главным редактором журнала «Мир» (ОАЭ), заведующим отделом в журнале «Северные просторы» (г. Москва), корреспондентом издательского дома «Коммерсантъ». Автор публикаций в российских и зарубежных СМИ. Член Союза журналистов РФ. Лауреат премии литературного журнала «Сура».

СУРНЯЕВА Вероника Сергеевна (Ника СУРА). Родилась в 1990 году в Пензе. Окончила Санкт-Петербургский государственный университет кино и телевидения (телережиссер). Работает редактором газеты о путешествиях Montok и travel-журналистом. Печаталась в журналах «Дети Ра», «Другие», в альманахе «Зеленая среда», в поэтическом сборнике «Красная книга» (2010). Автор поэтического сборника «Предвкушение и послевкусие» (2008). Читала стихи на радио «Петербург», «Мария», на канале

«Ваше Общественное Телевидение», в книжных клубах и библиотеках Петербурга. Участник литературных конкурсов «ПОЭТому», международных поэтических фестивалей «Уникальный автор», «Полилог», «Петербургские мосты». С 2007 г. живет в Санкт-Петербурге.

СУХОВ Валерий Алексеевич. Родился в 1958 году в селе Архангельском Городищенского района Пензенской области. В 1980 г. окончил историко-филологический факультет Пензенского государственного педагогического института имени В.Г. Белинского. В 1997 г. в Московском педагогическом университете защитил кандидатскую диссертацию «Сергей Есенин и имажинизм». Доцент кафедры литературы и методики преподавания литературы Пензенского государственного университета. Автор сборников стихов «Вербное воскресенье» (1995), «Благословение» (2000), «Неопалимая полынь» (2003), «Родное Архангельское» (2004), «Архангельский мой собор» (2008). Стихи публиковались в журналах «Сура», «Наш современник», «Подъем», «Русское эхо», «Странник», «Молодая гвардия», «Нижегородская провинция», «Простор», в «Литературной газете». Лауреат премии губернатора Пензенской области за достижения в литературе по итогам 2004 года, лауреат Всероссийской премии имени М.Ю. Лермонтова (2009), международной премии имени Сергея Есенина «О Русь, взмахни крылами...» в номинации «Взыскующим взглядом» (2010), лауреат премии конкурса «Гранатовый браслет» в номинации «Мастер» (2011). Член Союза писателей России. Член общественного совета журнала «Сура».

ТЕРЕНТЬЕВ Виктор Васильевич. Родился в 1955 г. в селе Колемасс Малосердобинского района. Окончил физический факультет Саратовского университета. Неоднократно публиковался в периодической печати Саратова. В 2003 году в Приволжском книжном издательстве вышла первая книга — «Вопросы», в 2006 году — «Малая родина». В настоящее время живет в Пензе, занимается высокотехнологичным бизнесом и краеведческими изысканиями.

ТЕРТЫЧНЫЙ Иван Алексеевич. Родился в 1953 году в Курской области. Публиковался в журналах «Балтика», «Двина», «Дон», «Молодая гвардия», «Москва», «Наш современник», «Поэзия», «Проза», «Форум» и других российских и зарубежных изданиях. Автор книг «И было утро», «Рядом», «Подорожная», «Когда-нибудь...», «Лунный снег», «Живая даль» и других. Член Союза писателей России. Живёт в Москве.

ФЕЛЬДМАН Павел Артемович. Родился в 1949 г. в с. Варваровка Каменского района Пензенской области. Окончил Пензенский государственный педагогический институт им. В.Г. Белинского. 45 лет проработал в школе, 40 лет из них директором. Заслуженный учитель РФ (1995 г.), член Союза краеведов России. Автор 45 книг, брошюр и более 100 статей. К наиболее значимым его произведениям относятся «Каменка (с древнейших времен...)» (К. 1995 г.), «Энциклопедический словарь г. Каменка и Каменский район от «А» до «Я» (П. 1998 г.), «Гордость земли каменской» (П. 1999 г.), «Каменка. Памятная книга» (П. 2000 г.), «Каменцы в годы Великой Отечественной войны (1941 — 1945)» (П. 2000 г.), «Муса Бигеев — выдающийся энциклопедист» (П. 2013 г., совместно с И.Х. Гуркиным). П.А. Фельдман — создатель программы «Каменкаведение» и первого в России районного энциклопедического словаря. Живет в г. Каменке Пензенской области. В «Сура» публикуется впервые.

ЦАРЁВ Илья Сергеевич. Родился в 1992 г. в Польше в городе Легница. Проживал в городе Кузнецке Пензенской области. Окончил музыкальную школу по классу баяна. Окончил исторический факультет ПГУ по специальности «История — юриспруденция». Магистрант 1 курса историко-филологического факультета ПГУ. Печатался в 5-томном сборнике, посвященном 350-летию Пензы; журнале «Сура». Участник клубов «Берега» и «РостОК». Лауреат литературной премии «Гранатовый браслет» (2014). Участник XIV Форума молодых писателей (2014).

ЧЕБАЛИНА Елена Геннадьевна. Родилась в 1984 г. в Баку. Окончила факультет вычислительной техники ПГУ. Работает в Инспекции Федеральной налоговой службы. Автор книги «Шахматы» (2004). Автор публикаций в книгах «Молодая пензенская поэзия» (2007), «Дом на четыре окна» (2008), в коллективных сборниках «Я хочу коснуться неба», «Я стихи выпускаю в небо», альманахе «Берега». Лауреат Всероссийского открытого поэтического фестиваля «Мцыри» (2008), Всероссийского поэтического конкурса в рамках Пушкинского молодежного фестиваля искусств «С веком наравне» 2004 и 2005 гг., по итогам которого стихи были опубликованы в журнале «Современник», премии «Гранатовый браслет». Участник поэтических клубов «Берега» и «Поющие поэты» при журнале «Сура». Лауреат литературной премии журнала «Сура» «Под Лермонтовской звездой».

ШВАРЁВ Василий Николаевич. Родился в 1954 году в селе Новая Толковка Пачелмского р-на Пензенской области. Окончил Пензенское художественное училище им. Савицкого. Преподавал в художественной школе. Печатался в журнале «Сура», сборниках Приволжского издательства. Лауреат ежегодного конкурса писателей Поволжья (1986). Проживает в Сердобске.

ЮРАКОВ Владимир Александрович. Родился в 1955 г. в Пензе. Автор книг: «Пою многоточие...», «Настольная лампа», «Капелька», публикаций в альманахе «Берега», журналах «Нева» (Санкт-Петербург), «Веселые картинки», «Мурзилка», «Миша» (Москва). Автор и исполнитель песен. Лауреат премии литературного журнала «Сура» в номинации «Поэзия» (2006), лауреат премии им. М.Ю. Лермонтова за вклад в культурно-просветительскую деятельность. Член Союза писателей России.

Учредитель и издатель:

ГБУК «Пензенская областная библиотека им. М.Ю. Лермонтова»

Общественный совет журнала: Г.Е. ГОРЛАНОВ, Н.М. ИНЮШКИН, С.В. КАЗАКОВ,
А.И. ЛОМОВЦЕВ, М.Н. ОСИПОВА, Ю.М. ПОЛЯКОВ, Е.А. СТОЛЯРОВА,
А.Б. ТУГАРОВ, А.В. ТЮСТИН, О.В. ЧУБАРЬ, И.С. ШИШКИН
Редакционная коллегия: С.С. ВАХШТАЙН, Л.И. ДОРОШИНА, В.В. КЕЛЬХ,
Ю.В. КУЗНЕЦОВ, Ф.Ю. САМАРИН, О.В. СИРОТИН, В.А. СУХОВ,
В.В. ТЕРЕНТЬЕВ, В.А. ЮРАКОВ, Л.И. ЯШИНА

Главный редактор Борис ШИГИН

Р е д а к ц и я:

Лидия ДОРОШИНА — редактор отдела поэзии
Татьяна КАДНИКОВА — редактор отдела прозы
Олег СИРОТИН — редактор отдела истории и краеведения
Сергей А. ПОНОМАРЕВ — художественный редактор
Ольга МАКАРОВА — технический редактор
Елена КОМЗАЛОВА — редактор-организатор

Компьютерная верстка — **Олег СИРОТИН**

Корректор — **Светлана АНДРЕЕВА**

Свидетельство о регистрации средства массовой информации: ПИ № ТУ 58-0009,
выдано Управлением Федеральной службы по надзору в сфере массовых
коммуникаций, связи и охраны культурного наследия по Пензенской области.

16+

Адрес редакции: г. Пенза, ул. Белинского, 10, тел. 63-44-20

Адрес учредителя и издателя: г. Пенза, пр. Строителей, 168-а

Интернет-версию журнала можно прочесть на сайте

областной библиотеки им. М.Ю. Лермонтова (<http://liblermont.ru>)

Адреса электронной почты редакции: borisshigin@yandex.ru (главный редактор),

lidiy2305@mail.ru (редактор отдела поэзии), klrostok@yandex.ru (редактор отдела прозы),

ngml@sura.ru (редактор отдела истории и краеведения)

Тел. гл. редактора — 8 937 402 22 73

Приобрести журнал «Сура» можно в библиотеке им. М.Ю. Лермонтова

Редакция вступает в переписку только с авторами, материалы которых
приняты к публикации. Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

За достоверность фактов несут ответственность авторы статей.

Их мнения могут не совпадать с точкой зрения редакции.

Редакция убедительно просит авторов присылать свои произведения
в соответствующие отделы редакции. Проза принимается с распечаткой текста.
Иллюстрационный материал соответствует качеству предоставленных оригиналов.

Подписной индекс «Суры» 53242

Сдано в набор 27.12.2014 года. Подписано в печать 27.01.2015 года. Бумага офсетная.
Формат 60x84 1/16. Отпечатано методом офсетной печати. Усл. печ. л. 14. Уч.-изд. л. 14.

Заказ № 1450. Цена договорная. Тираж 1000 экз.

Отпечатано в ОАО «ИПК «Пензенская правда».

Адрес: 440026, г. Пенза, ул. К. Маркса, 16.